

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 7 ИЮЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-УМСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021

*О жизни и творчестве художницы Мэри Кассат
читайте на странице 74.*

Судьбы	
<i>Денис Логинов</i>	Сиятельная рабыня 4
Мир науки	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Физик и немного денди 23
Неизвестное об известном	
<i>Юрий Осипов</i>	Добрый смех Михаила Зощенко 28
Замечательные современники	
<i>Марина Бойкова</i>	Тереза Дурова: «Моя задача — удивлять!» 40
<i>Елена Воробьева</i>	Дмитрий Никаноров: «Услышав голос Лучано Паваротти, я окончательно осознал, что хочу посвятить свою жизнь опере 65
Это инетересно	
<i>Дмитрий Зелов</i>	Выбор Выборга 49
Фантастика	
<i>Наталья Лиске</i>	Огниво 56
Шедевры	
<i>Ирина Опимах</i>	Мэри Кассат. «Девочка в синем кресле» 74
Поэзия	
<i>Наталья Бабичева</i>	Стихи 83
История любви	
<i>Алла Зубкова</i>	Джон Голсуорси. Две «богини» в жизни писателя» 88
Житейские истории	
<i>Святослав Тараховский</i>	Мой сеттер 98
Зеленая панацея	
<i>Степан Кашцев</i>	Панацея от чумы 106
Мир увлечений	
<i>Елена Чулкова</i>	Прутик за прутиком 110
Детектив	
<i>Александр Аннин</i>	Сокровища Гохрана 118
Кроссворд. Эрудит 188	

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru**Арт-директор**

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru**Web-редактор**Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru**Собственный
корреспондент**Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru**Корректор**

Чекова Валентина Михайловна

ОбложкаТереза Дурова.
Художественный руководитель
Московского театра клоунады.
Фото из личного архива**Иллюстрации**

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smema-online.ruРаспространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12**© ООО «Журнал «Смена»**ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

ОАО «Можайский**полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.06.2021

«*О Викентии Вересаеве не найти воспоминаний его современников. Зато есть точные наблюдения о нем таких писателей, как Телешев, Скиталец, А.Н.Толстой. А лучше всего узнавать этого мастера слова по его произведениям. Правда, и здесь возникают вопросы: кто он прежде всего — писатель, ученый, автор удивительной хроники «Пушкин в жизни» или врач? За ответом надо обратиться к словам самого Вересаева, никогда не отступавшего от принципов, на которых он строил собственную жизнь: «Художник должен быть самим собой, другого пути к истине нет».*

Юрий **Осипов** «Путь к истине»

«*Во все, что приготовила судьба этому человеку, просто невозможно поверить. Очень похоже на «байки» сельских говорунов с известной «завалинки». Но именно так все и было в жизни русского художника из далекой глубинки Григория Николаевича Журавлева, художника, который появился на свет без рук и без ног...*

Виктор **Ом** «Утевская Мадонна»

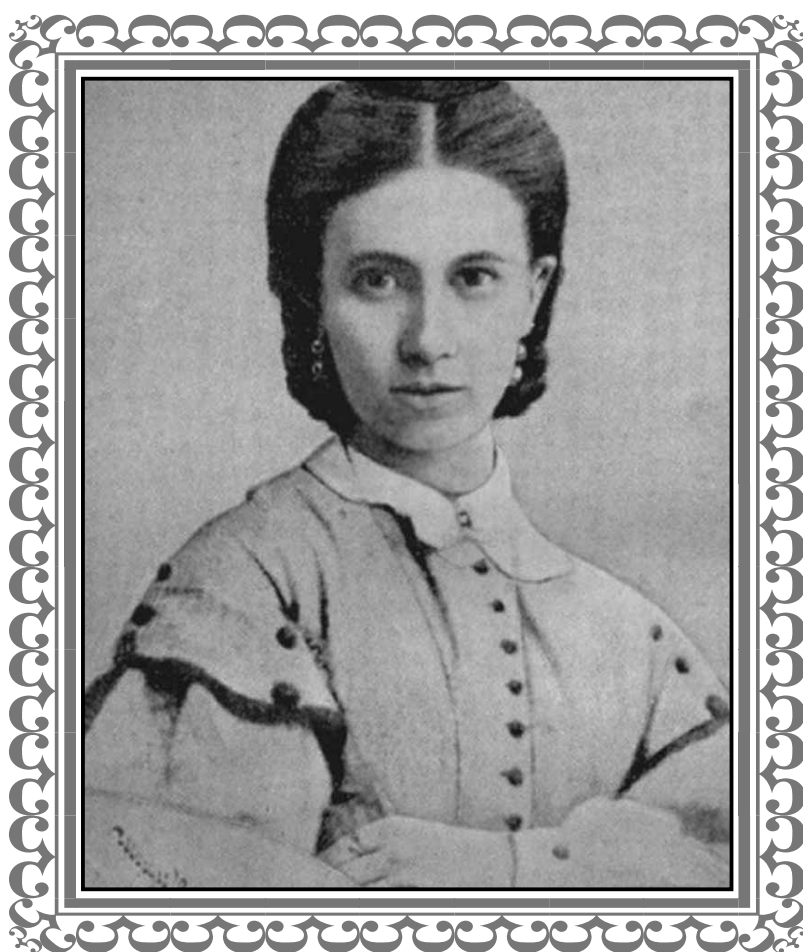
«*Она не была ни примой, ни звездой театральных подмостков, ее не осыпали цветами поклонники, не устраивали оваций. Но без нее советский балет, который был «впереди планеты всей», просто не состоялся бы. «Школа Вагановой» — это было достаточной рекомендацией для успешной жизни на балетной сцене. А вот в начале ее творческого пути никто и предположить не мог, что имя Вагановой будет постоянно упоминаться рядом с именами известных артистов балета. И не просто упоминаться — прославляться.*

Денис **Логинов** «Горестная Агриппина»

«*Детектив Андрея **Дышева** «Бухта Дьявола»*

Денис Логинов

СИЯТЕЛЬНАЯ рабыня

«Какая глыба ума! Какой матерый человечще!»

Это ленинская характеристика Льва Николаевича Толстого, определившая его место в русской литературе, знакома, наверное, всем людям. Сначала в ней просто никто не осмеливался усомниться, потом — привыкли. Писали сочинения «на тему», разбирали характеры главных (а иногда и второстепенных) героев, восторгались философскими отступлениями и умозаключениями гения.

Мимоходом касались его семейной жизни — не слишком счастливой, как считалось, раз уж на склоне дней сбежал из родного дома от не-

далекой, погрязшей в детях и хозяйстве, ничего не понимавшей в необыкновенном муже жены.

От хороших жен не уходят в никуда, правда?

И как-то никому не приходило в голову задуматься над тем, каково было этой самой жене прожить почти полвека рядом с, мягко говоря, непростым человеком, родить ему тринадцать детей, терпеть внезапные перепады его настроения, патологическое неумение (и нежелание) скрывать свои мысли.

В том числе, и о том, что женщина — существо бездушное, бесчувственное, не способное ни к чему, кроме плотского греха, созданная исключительно для того, чтобы осложнять и портить жизнь мужчине. Записывать это в дневник — и давать в обязательном порядке прочесть... жене. Страдать неумным сладострастием (на грани ненормальности) и обвинять в этом... конечно же, жену.

Она терпела. Не молча и безропотно, а с попытками образумить, как-то исправить, что-то доказать. Кроме безобразных скандалов это ничего не приносило. Графиня Толстая несколько раз пыталась покончить с собой, мечтала умереть в очередных родах, просто исчезнуть, раствориться в окружающем пространстве.

Ничего не получалось. День за днем длился этот изломанный, в прямом и переносном смысле слова, кровоточащий брак. На плечах графини был огромный дом в знаменитой Ясной Поляне, бесконечные хлопоты по усадьбе и по хозяйству, воспитание детей — одним словом, все.

Графу было не до того — он творил и размышлял во время долгих прогулок, пока жена переписывала его труды: почерк Толстого никто не мог разобрать. В благодарность она получила «Крейцерову сонату», прочитав которую, слегла с нервным расстройством.

И все-таки продолжала жить навязанной ей жизнью.

Потому что любила. Ведь начиналось-то все со стремительной и даже где-то романтической любви.

Некоторым образом это напоминало сказку. Жили-были три сестрицы... Три дочери кремлевского врача Андрея Евстафьевича Берса и его супруги Любви Александровны, урожденной Исленьевой. Не красавицы, но прекрасно воспитанные

и образованные. Не знатные, но притягивавшие к себе внимание очень многих потенциальных женихов. Бесприданницы, нимало этим не тяготившиеся — так их воспитали. Любящие дочери и сестры в теплой, дружной семье.

Немудрено, что дом Берсов был постоянно полон гостями — в основном, молодыми людьми. Но до серьезного как-то не доходило: музицировали, танцевали, играли в шахматы и шарады. Родители не слишком переживали: дочери были еще очень молоды. Найдут и они свое счастье.

Знали бы они, что счастье — для всех троих! — уже почти нашлось, причем в лице одного и того же человека, тайно влюбленного...

В кого? Да, пожалуй, во всех троих сестер, только старшей, Елизаветы, побаивался, а к младшей, Татьяне, относился, как к милому ребенку. И только Софья была, как ему казалось, тем идеалом женщины и жены, который он уже отчаялся найти.

Он — это граф Лев Николаевич Толстой, молодой офицер, который в ноябре 1855 года прибыл в Петербург из Севастополя и сильно заинтересовавший столичное общество растущей славой в литературном мире. Еще на Кавказе им были написаны рассказы «Набег», «Рубка леса», «Записки маркера», «Кзаки», «Севастопольские рассказы».

Известный романист и драматург Писемский говорил: «*Этот офицер ишка всех нас заклюет, хоть бросай перо...*»

И действительно слава графа Льва Толстого росла стремительно. Правда, в личной жизни все было далеко не так блестяще. Он отмечал у себя первые признаки надвигающейся старости и уже почти отказался от семейного счастья. К тому

же, когда он решился, наконец, сделать предложение одной из московских барышень — княжне Львовой, то получил решительный и крайне болезненный для его самолюбия отказ. Да и другие девушки находили, что «с ним интересно, но тяжело».

Редкая проницательность для барышень, нужно отметить.

К тому же граф не был внешне особенно привлекателен. Некрасив, с широким носом и толстыми губами. Не слишком любил танцевать, не умел вести куртуазные беседы, был, кажется, богат, но жизнь вел весьма скромную. Да еще предъявлял к будущей жене весьма высокие требования, причем не в общепринятых рамках — красота, приданое, влиятельная родня, что еще как-то можно было понять. Нет, девушка должна была быть умна, проста в обращении, искренна, здорова, привлекательна, готова быть образцовой матерью его детей, на все смотреть глазами мужа и во всем быть его помощницей. К тому же обязана забыть свет, поселиться с мужем в деревне и целиком посвятить себя семье.

То есть такой, каких просто не бывает. Или бывают, но уж никак не в светском обществе.

Стать графиней Толстой хотели бы многие. Но при этом — возвращаться в свете, ни в чем себе не отказывать и жить, разумеется, если не в столице, то хотя бы в Москве. А похоронить себя в деревне, стать только женой и матерью... Нет, таких от важных как-то не находилось.

А ведь должна была еще быть взаимная любовь, а не просто — приязнь и симпатия. Лучше всего, конечно, сильная страсть, причем взаимная. Цель почти нереальная: влюблялся граф постоянно, но... никого так и не полюбил по-настоящему.

Но все-таки почти выбрал невесту. Как-то неожиданно сказал своей старшей сестре Марии:

— Если женюсь, так на одной из Берс.

— Ну, вот и женись на Лизе, — отвечала графиня, — прекрасная жена будет: солидная, серьезная, воспитанная.

Случайно узнавшие о планах Толстого Берсы пришли в восторг: они и мечтать о таком браке не осмеливались. Сама Лиза на какое-то время утратила обычную сдержанность и рассудительность, принялась неумело кокетничать с графом. И этим похоронила возможность блестящего (как всем казалось) замужества.

Лев Николаевич, чувствуя создававшуюся атмосферу, начал откровенно ею тяготиться:

«День у Берсов приятный, но на Лизе не смею жениться... Она искушает меня; но этого не будет. Один расчет недостаточен, чувства нет».

А тихая, кроткая Софья хороше- ла с каждым днем. Она превратилась в привлекательную девушку с темно- карими большими глазами и темной косой. Стала выезжать в свет, могла не просто поддержать разговор, но и вести серьезную беседу. Спокойная, покладистая, абсолютно чуждая ко-

Сестры Берс — Софья, Татьяна, Елизавета

кетства. Она любила литературу, живопись, музыку, но сама не проявляла особых талантов.

Из такой, пожалуй, можно было — как из воска — вылепить образцовую спутницу жизни. Но Лев Николаевич все никак не мог решиться: теперь его занимала младшая сестра: живая, хорошенькая, с прекрасным голосом и... постоянно в кого-то влюбленная. Нет, с младшей Берс было слишком рискованно строить серьезные планы.

В августе 1862 года семья Софьи гостила у деда, Исленьева Александра Михайловича, в его имении Ивицы Одоевского района Тульской области, и по дороге остановилась в Ясной Поляне.

Тогда-то Лев Николаевич вдруг заметил в восемнадцатилетней

Соне прекрасную девушку, волнующую и очаровательную.

Тем временем у Софьи появились серьезные поклонники — и это подтолкнуло Толстого к решающему шагу. Не сразу, конечно. Неожиданно для себя он почувствовал ревность и начал появляться в семье Берсов чуть не каждый день. Сонечка встречала его то весело и радостно, то грустно и мечтательно, то строго.

«...Я влюблен, как не верил, чтобы можно было любить. Она прелестна во всех отношениях. А я — отвратительный. Надо было прежде беречься. Теперь уже я не могу остановиться».

Однажды вечером Толстой, как обычно, пришел к Берсам, но был сам на себя не похож. Волновался,

обрывал разговоры на полуслове, то садился за рояль, то, не доиграв начатого, вставал и бесцельно ходил по комнате.

Звал Софью играть в четыре руки, она немедленно соглашалась, но была так же взволнованна, как и он. Музицирование то и дело прерывалось. Наконец Толстой, так и не решившись заговорить, передал Софье письмо.

«Софья Андреевна! ...Ложный взгляд вашего семейства на меня состоит в том, как мне кажется, что я влюблен в вашу сестру Лизу. Это несправедливо... Я бы помер от смеху, ежели бы месяц тому назад мне сказали, что можно мучиться, как я мучаюсь, и счастливо мучаюсь это вре-

мя. Скажите, как честный человек, хотите ли вы быть моей женой? ...Но ежели никогда мужем я не буду, любимым так, как я люблю, это будет ужасно...»

Софья тут же показала письмо родным, приведя их в нешуточное смятение.

стой, как считается, описал свое сватовство.

Точнее было бы сказать, описал то, что хотел бы считать реальностью. Годы многое стерли в памяти, многое исказили. Фактом остается только то, что графское предложение семейством Берсов было при-

Дом Берсов был постоянно полон гостями, в основном, молодыми людьми, но до серьезного как-то не доходило. Родители слишком не переживали, считая, что дочери найдут свое счастье. Знали бы они, что счастье — для всех троих! — уже почти нашлось, причем в лице одного и того же человека, тайно влюбленного... Это был граф Лев Николаевич Толстой, молодой офицер, прибывший в Петербург из Севастополя и сильно заинтересовавший столичное общество растущей славой в литературном мире

— Откажись! — с рыданием в голосе простонала старшая сестра.

Старый доктор Берс, огорчившись за старшую дочь, в первые минуты не хотел давать согласия. Но слезы Сонечки решили дело.

Она подошла к взволнованному, бледному Толстому и тихо сказала:

— Разумеется, да!

Так внезапно и просто все решилось. Откуда впоследствии появилась сцена с перепиской на бильярдном столе — только первые буквы каждого слова, которые Софья и Лев Николаевич чудесным образом угадывали, неизвестно. Но — появилась и впоследствии была закреплена сценой объяснения Кити и Левина в «Анне Карениной», где Тол-

нято. Софья стала невестой, Лиза впала в депрессию, младшая Татьяна так ничего толком и не поняла.

Тогда — не поняла. Впоследствии она яснее других осознала смысл происшедшего. Но для этого должно было многое произойти в ее собственной жизни, в том числе — и череда влюбленностей, одна из которых чуть не закончилась грандиозным скандалом. Но об этом — чуть позже.

По настоянию Толстого венчаться решили через неделю, что было вообще беспрецедентно: обычно между помолвкой и венчанием проходило как минимум несколько месяцев.

Москва была переполнена слухами и домыслами, отнюдь не лест-

ными для невесты. Но граф спешил.

Боялся передумать?

В дневнике он писал:

«Непонятно, как прошла неделя. Я ничего не помню; только поцелуй у фортепиано... Сомнения в ее любви и мысль, что она себя обманывает».

На самом деле столь малый срок между помолвкой и свадьбой объяснялся всего лишь нетерпением графа, которому казалось, что он, наконец, нашел свой идеал женщины и панически боялся его потерять. Много лет спустя, создавая роман «Анна Каренина», он описывал свои

точные долги, пьяные гулянки, цыганка, с которой ее жених намеревался жить, девки, к которым ездил с друзьями, яснополянская крестьянка Аксинья, с которой проводил летние ночи и которая забеременела от него, барышня Валерия Арсеньева, на которой чуть не женился.

Непонятно, зачем нужен был этот душевный стриптиз, Софья и без того догадывалась, что жених провел бурную молодость. Да он, собственно, никогда и ни от кого и не скрывал своих увлечений. Наоборот — в молодости гордился ими. Это уже по-

Несмотря на свой жизненный опыт, граф был по-своему идеалист и ожидал, что супруга сможет восполнить ему отсутствие того душевного тепла, которого он лишился со смертью матери. Свою избранницу он хотел видеть не только верной женой и заботливой матерью будущих детей, но и ближайшей помощницей в литературном творчестве, надеялся встретить в своей супруге идеал, который вряд ли мог существовать в реальной жизни

переживания, передав их Константину Левину. Но литературному герою сам Толстой не позволил устроить молниеносную свадьбу, наделив его терпением и здравомыслием, которых сам в свое время не имел.

Кстати, Лев Николаевич не нашел ничего лучшего, как дать невесте прочесть весь свой дневник. Софья прочла про его увлечения и горько плакала над этими «ужасными» тетрадами. В них было все: кар-

том клеймил порок и воспевал добродетель. Причем тоже — вполне искренне, только совершенно позабыв о собственных грехах.

На счастье Толстого, Софья была слишком молода и невинна, чтобы сделать из этой исповеди правильные выводы и не питать иллюзий.

Да и стать графиней все-таки очень хотелось.

Кстати, несмотря на изрядный жизненный опыт, граф был по-свое-

му идеалист и ожидал, что супруга сможет восполнить ему отсутствие того душевного тепла, которого он лишился со смертью матери. Свою избранницу он хотел видеть не только верной женой и заботливой матерью будущих детей, но и, что немало важно, ближайшей помощницей в литературном творчестве, способной в полной мере оценить писательский дар своего мужа, надеялся встретить в своей супруге идеал, который вряд ли мог бы существовать в реальной жизни.

Софья, движимая самыми благими намерениями, неоднократно говорила, что желала бы отказаться от блеска светского общества, в котором уже была принята благодаря положению отца. Она мечтала о жизни рядом с мужем и детьми в тиши загородного имения. Ясная Поляна представлялась ей какой-то тихой обителью, где нет ни суеты, ни недоразумений, ни разочарований.

Все-таки невеста Толстого была еще очень молода и наивна.

В день свадьбы утром Лев Николаевич нарушил еще одну традицию: неожиданно приехал к невесте, чего делать категорически не полагалось. Но Толстому была нужна «последняя капля правды», он настойчиво допытывался у невесты, любит ли она его, не смущают ли ее воспоминания о других поклонниках, не честнее ли разойтись.

И это в день свадьбы, когда невеста и так была вся — сплошной клубок нервов!

Венчание состоялось в придворной кремлевской церкви. Лицо невесты было заплаканным, что немудрено, однако к гулявшим сплетням прибавились новые.

После поздравлений, шампанского, парадного чая у доктора Берса Софья Андреевна переоделась в темно-синее дорожное платье, и молодые уехали в Ясную Поляну, где обосновались на двух этажах флигеля, поскольку большой господский дом давно уже был продан за карточные долги.

Софья была потрясена: ни малейших следов роскоши, обстановка скромнее, чем в родительском доме, сервировка стола — чуть ли не мещанская. В саду — ни одного цветка, вокруг дома — лопухи, на которые малочисленная прислуга выбрасывала сор.

Муж сразу сменил великолепный модный костюм на теплую блузу, которую и носил потом практически постоянно. Нарядные платья из приданого были аккуратно развешаны в старом, рассохшемся шкафу и... забыты. Гости в Ясной Поляне были редкостью, да и для них городские платья были слишком хороши.

Так, во всяком случае, считал Толстой.

Его привычки вообще удивляли молодую жену. Например, он спал на темно-красной сафьяновой подушке, напоминавшей сиденье экипажа, причем не покрывал ее даже наволочкой. Укрывался ватным лоскутным одеялом и был поражен,

когда Софья Андреевна сменила его на шелковое пуховое из своего приданого, да еще приказала подшивать снизу каждую неделю свежую простыню.

«Вообще меня поражала простота и даже бедность обстановки Ясной Поляны. Пока не привезли моего приданого серебра, ели простыми железными вилками и старыми истыканными серебряными, очень древними ложками», — писала в дневнике Софья Андреевна.

Прислуга (не слишком, кстати, многочисленная) долго не могла взять в толк, чего добивается молодая барыня. Приходилось многое делать самой, показывая пример.

Через три с половиной месяца после свадьбы Толстой написал в дневнике:

«Счастье семейное поглощает меня всего... Люблю я ее, когда ночью или утром я проснусь и вижу: она смотрит на меня и любит. И никто — главное, я — не мешаю ей любить, как она знает, по-своему. Люблю я, когда она сидит близко ко мне, и мы знаем, что любим друг друга, как можем; и она скажет: "Левочка!"... и остановится: "отчего трубы в камине проведены прямо?" или "почему лошади не умирают долго?" ... Люблю, когда я вижу ее голову, закинутую назад, и серьезное, и испуганное, и детское, и страстное лицо; люблю, когда...»

Пока идиллией Толстых любовались все. Но уже начались припадочки ревности, причем с обеих сторон. Казалось бы, в деревенской глуши ревновать не к кому. Но стоило кухне молодой графини — Ольге Исленьевой, гостившей в Ясной Поляне, поиграть в четыре руки на рояле со Львом Николаевичем, как Софья уже ревновала и ненавидела гостью.

Муж? Он ревновал еще больше. К учителю яснополянской школы или к почти незнакомому молодому гостю — да к кому угодно. В этом плане фантазия его

была безгранична. И спасения от этого он видел в... переезде в город.

«Я часто мечтаю о том, как иметь в Москве квартиру на Сивцевом Вражке. По зимнему пути присылать обоз и жить 3–4 месяца в Москве. Ваш мир, театр, музыка, книги, библиотека и иногда возбуждающая беседа с новым умным человеком, вот наши лишения в Ясной. Но лишение, которое гораздо сильнее — это считать каждую копейку, бояться, что у меня не хватит денег. Желать что-нибудь купить и не мочь. Поэтому до тех пор, пока я не буду в состоянии отложить столько-то для поездки в Москву, до тех пор мечта эта будет мечтой», — писал он отцу Софьи.

Граф оказался совсем не так богат, как представлялось окружающим, да еще и скупым при этом. Денег на толкового управляющего было жаль, поэтому на плечи юной жены легли заботы о руководстве конторой, расчеты с наемными рабочими, домашнее хозяйство, амбары, скотоводство. До последних дней беременности она бегала по усадьбе с большой связкой ключей у пояса.

Первый ребенок родился у Толстых 28 июня 1863 года. Роды протекали тяжело. Толстой находился рядом — вытирал жене лоб, целовал руки. Недоношенного, слабенького мальчика назвали Сергеем.

Кормить сына сама Софья не могла — очень болела грудь, да и врачи не разрешали. Но Толстого все это страшно сердило.

Простота быта Льва Николаевича, его принципы и привычки — к ним супруга привыкала долго. Она подчеркивала, как нелегко ей приходилось первые годы.

«Я была беременна Таней, уже пять месяцев, но меня не нежили и не берегли, напротив, я должна была ко всему привыкать и приспособляться к деревенской жизни, а городскую свою, изнеженную, забывать».

Лев Николаевич к детям относился сердечно, но терпеть не мог поцелуев, ласк и нежностей. От новорожденных вообще держался на приличном расстоянии.

«Со мной делается что-то вроде судорог, так я боюсь брать на руки маленьких детей...»

Через десять лет после свадьбы у Толстых было уже шестеро детей:

Сергей, Татьяна, Илья, Лев, Маша, Петр. Родители принимали самое деятельное участие в их воспитании. Софья Андреевна учила их русской грамоте, французскому и немецкому языкам, танцам. Лев Николаевич преподавал математику. Никаких гувернеров и гувернанток Толстой принципиально не признавал, считая это не только неестественным, но и аморальным.

Увы, ссоры, которые бывают во всякой семье, постепенно подтачивали когда-то почти идиллические отношения.

— Ты знаешь, Соня, — сказал как-то Толстой, — мне кажется, муж и жена — как две половинки чистого листа бумаги. Ссоры — как надрезы. Начни этот лист сверху нарезать и... скоро две половинки разъедятся совсем.

Но пока еще Толстой был почти счастлив. Он приступил к работе над «Войной и миром». Роман стоил пяти лет напряженного труда, но зато принес писателю славу и деньги.

И если с годами, когда число детей все увеличивалось, Софья Андреевна гораздо реже играла на рояле в четыре руки с мужем, она, тем не менее, прониклась его творчеством и, собственноручно переписывая «Войну и мир», просиживала за письменным столом до поздней ночи, вовсе не считая, что совершает своего рода подвиг.

Даже после 12 лет супружеской жизни она и Толстой еще были единым целым. Но свою любимую ге-

роиню — Наташу Ростову — писатель нашел не в жене, а в ее младшей сестре, Татьяне, которая по долгу гостила в Ясной Поляне.

— Ты думаешь, что просто так у нас живешь, — сказал ей как-то Толстой, — а я тебя всю описываю. Все твои романы, твои ошибки, твои капризы, твоё пение...

Действительно, Татьяна Берс в пору своего девичества — это Наташа Ростова. С четырнадцати лет она была постоянно в кого-нибудь влюблена: то в своего кузена Кузьминского, то в другого родственника — Анатоля Шостака, то в старшего брата Толстого Сергея. Она сама говорила:

— Как же жить без любви? Я умру, если не буду влюблена.

Так что часть личной жизни младшей сестры Софьи Андреевны можно подробно узнать из романа Толстого. Правда, после состоявшегося, наконец, брака с Кузьминским сходство закончилось. Татьяна не забросила свои «очарования», по-прежнему наряжалась, любила ездить верхом, танцевать, музицировать и родила только одну дочку — Марию. За что регулярно получала выговоры от мужа сестры: порядочные замужние женщины так себя не ведут.

И уж совсем вышел из себя Лев Николаевич, когда на конной прогулке Татьяна почему-то отстала от общей кавалькады вместе с Анатодем Шостаком. Как выяснилось позже, что-то случилось со сбруей

лошади девушки, а Шостак воспользовался ситуацией, чтобы признаться своему «предмету» в любви. Буря разразилась грандиозная.

— Ты не должна попускать себя! — то и дело повторял Толстой.

Из этого, в общем-то, пустячного эпизода раздули настоящий скандал. Шостака семейство Толстых фактически выставило вон, и тому пришлось уехать. Но это было не все. Тщательно допросив свояченицу на предмет ее ощущений в момент любовного объяснения, Лев Николаевич впоследствии использовал их в «Войне и мире» в истории соблазна Наташи Анатоном Курагиным.

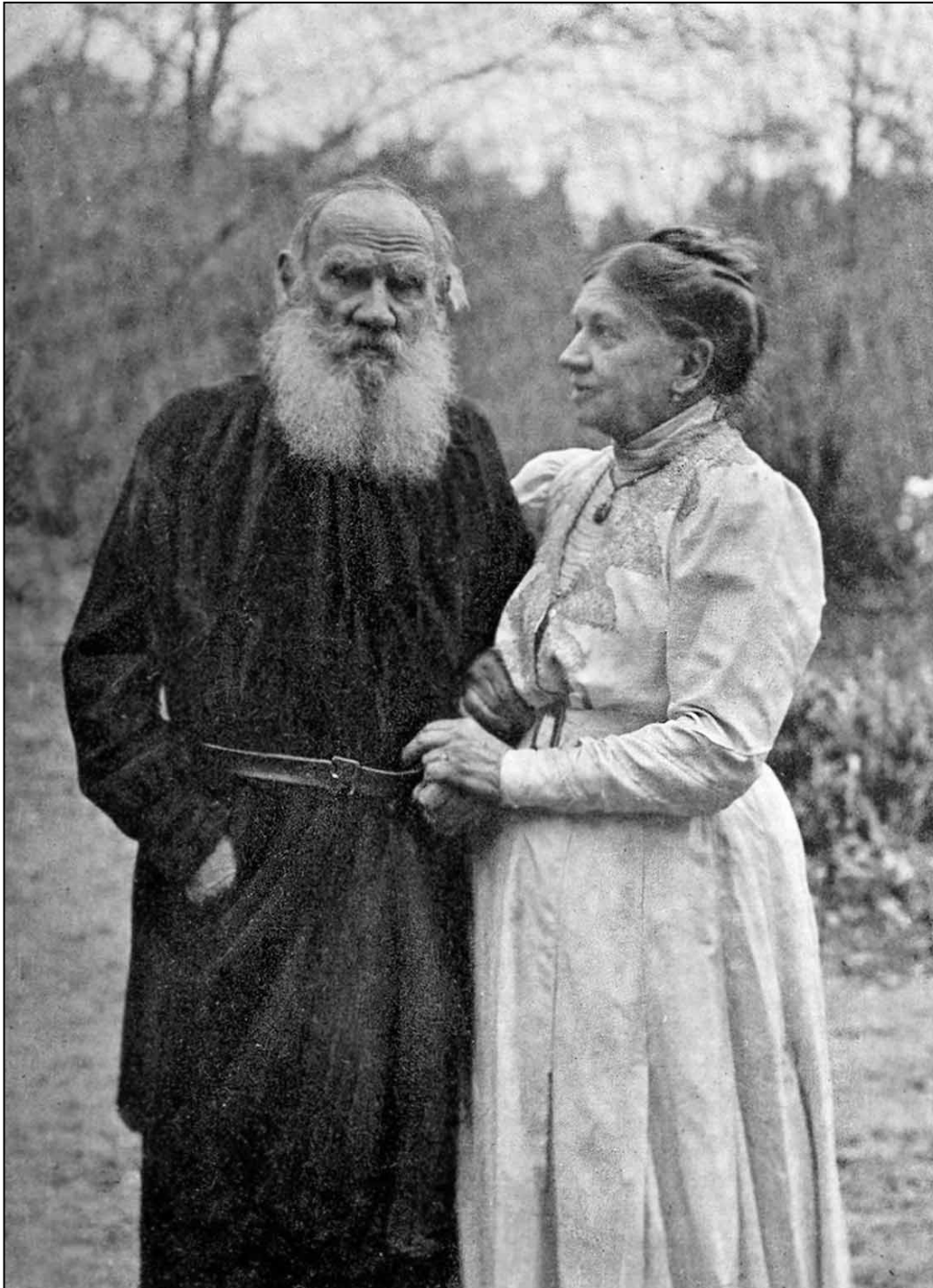
Татьяна была возмущена, когда прочитала эти страницы романа. «Я и не подозревала тогда цели его вопросов и была с ним откровенна», — написала она позже в своих мемуарах.

Влюбленному светскому льву Толстой отомстил в обычной своей манере: вывел отрицательным героем. Анатолий Курагин, литературное воплощение Шостака, — «беспокойный дурак», по выражению собственного отца, пустой волокита и безоглядный кутила — не достоин ни любви, ни дружбы, ни уважения. Хотя к прототипу подобная характеристика никак не подходила.

Но ни на что, кроме родов, женщина, по мнению Толстого, была просто неспособна.

Софья Андреевна и это отметила в своем дневнике:

«Вчера вечером меня поразил разговор Л.Н. о женском вопросе. Он и вчера, и всегда против свободы и так называемой равноправности женщины; вчера же он вдруг высказал, что у женщины, каким бы делом она ни занималась: учитель-

ством, медициной, искусством, — у ней одна цель: половая любовь. Я возмущалась страшно таким мнением и стала упрекать Льву Николаевичу».

Но упреки жены вызывали у Толстого только раздражение. Она вообще стала его раздражать чуть ли

не самим фактом своего существования в его жизни.

Но своих попыток «направлять» Татьяну Берс на правильный путь он не оставил. История с его старшим братом, Сергеем, Толстого ничему не научила. А история была фантастическая.

Своего старшего брата Лев Николаевич только что не боготворил и страстно мечтал быть похожим на него: красавца, щеголя, дамского угодника. Толстой приложил максимум усилий, чтобы его брат и будущая свояченица сблизились. Татьяне было всего шестнадцать, а Сергею — уже тридцать шесть.

Младшая Берс была такой обворожительной, что со старшим Толстым случилось то же, что и с князем Андреем при виде Наташи Ростовой: *«Вино ее прелести ударило ему в голову»*. Татьяна и сама влюбилась без памяти.

Весной 1863 года Сергей Николаевич сделал Танечке предложение, но свадьбу отложили на год из-за молодости невесты.

думался: а как она воспримет его брак? О чувствах собственной невесты он при этом не слишком заботился.

Татьяна вернулась к родителям в Москву, где тосковала по неверному жениху и даже пыталась отравиться. Ее спас Александр Кузьминский. Он пришел с визитом после долгого перерыва, когда несчастная хотела принять яд. Этот неожиданный визит, как перст судьбы, вернул Тане жизнь и силы, она начала поправляться и оживать.

Через год, придя в себя после пережитой трагедии, Татьяна снова приехала в Ясную Поляну, будучи уверена, что Сергея Николаевича там не увидит. Зря надеялась. В мае бывший жених приехал, как ни в чем не бывало, и... все началось

Через десять лет после свадьбы у супругов было уже шестеро детей. Родители принимали самое деятельное участие в их воспитании. Софья Андреевна учила их русской грамоте, французскому и немецкому языкам, танцам. А Лев Николаевич преподавал им математику. Никаких гувернеров и гувернанток Толстой не признавал, считая это аморальным

В назначенный срок жених приехал в Ясную Поляну, до свадьбы оставалось две недели. И тут выяснилось неожиданное: Сергей Николаевич уже полтора десятилетия сожительствовал с некоей цыганкой Марьей, прижил с нею целый выводок детей и только теперь за-

сначала, едва не дойдя до непоправимого. Но Сергей внезапно сбежал из имения и прислал брату отчаянное письмо, жалуюсь, что ему *«совершенно невозможно покончить с Машей»*.

А что же Лев Николаевич? А он с хладнокровным любопытством

наблюдал за страданиями родственницы, чтобы потом... отразить их в переживаниях Наташи Ростовой. Как и у героини романа, Танина сердечная рана «заживала изнутри», она снова научилась улыбаться и петь. Кузьминский больше не оставлял свою первую любовь, ухаживал за ней в горе и в радости, а в 1867 году состоялась их свадьба.

Что, кстати, сильно огорчило Льва Николаевича.

К концу семидесятых годов жизнь Толстых, казалось, окончательно наладилась. Лев Николаевич своим литературным трудом значительно приумножил состояние. В начале 80-х он оценивал его в 600 тысяч рублей. Все элементы «добраго, честного счастья», как понимал его в то время Толстой, присутствовали. Слава, какой не пользовался при жизни ни один русский писатель; средства — более чем достаточные; семья — большая и дружная.

Но среди этого счастья Толстым все чаще овладевали печальные мысли о смерти. Умер полторагодовалый сын Петя. Seriously заболела Софья Андреевна. Толстой же все чаще задумывался о самоубийстве.

Он перестал ходить с ружьем на охоту, чтобы не соблазниться слишком легким способом избавления себя от жизни. Припадки тоски вызывала не только боязнь смерти, но и ужас перед бессмыслицей жизни, кончающейся смертью. Так он мучился три года.

Мучилась и его жена, только по-другому. Когда женщина родила уже шестерых детей и пережила несколько родильных горячек, врачи строго-настрого запретили графине вновь рожать: если при следующей беременности не погибнет она сама, то не выживут дети.

Льву Николаевичу это категорически не понравилось. Он вообще считал физическую любовь без деторождения грехом. Впрочем, и саму физическую любовь тоже полагал грехом и распущенностью. А поведение своей жены и вовсе аморальным.

«Кто ты? Мать? Ты не хочешь больше рожать детей! Кормилица? Ты бережешь себя и сманиваешь мать у чужого ребенка! Подруга моих ночей? Даже из этого ты делаешь игрушку, чтобы взять надо мной власть!», — кричал он на супругу.

Та послушалась мужа, а не врачей. А те оказались правы: следующие пятеро детей умерли на первых годах жизни, что лишь усилило хроническую депрессию графини. Помимо всего этого, она тяжело страдала от гнойной кисты. Ее нужно было срочно удалить, иначе женщина бы умерла. А Толстой относился к этому даже спокойно и «плакал не от горя, а от радости», восхищенный поведением супруги в муках.

Он препятствовал и операции, будучи уверенным, что Софья все равно не выживет:

«Я против вмешательства, которое, по моему мнению, нарушает

величие и торжественность великого акта смерти».

Хорошо, что врач был умелым и решительным, он все же провел процедуру, подарив женщине, как минимум, 30 дополнительных лет жизни.

К началу душевного кризиса Льва Николаевича Софье Андреевне было уже сильно за тридцать. Со своими разочарованиями Толстой стал скучен, сумрачен, раздражителен, часто из-за мелочей ссорился с женой и из прежнего веселого и жизнерадостного главы семейства превратился в строгого проповедника и обличителя. Он создал общество трезвости, стал вегетарианцем, бросил курить, одним словом, ударился в откровенное ханжество, крайне раздражавшее его спокойную и практичную жену. Так разрушали они друг в друге последние остатки любви. Софья Андреевна в автобиографии недоумевала:

«Когда именно мы с ним разошлись — уследить не могу. И в чем?.. Следовать его учению я чувствовала себя бессильной».

Летом 1881 года Софья Андреевна доживала последние месяцы одиннадцатой беременности. Старший сын поступил в университет, пришла пора вывозить дочь в свет. Толстой в 1882 году купил в Москве знаменитый дом в Хамовническом переулке, не преминув желчно охарактеризовать жизнь в столице:

«Несчастливые! Нет жизни. Вонь, камни, роскошь, нищета, разврат.

Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргии, и — пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманивать у них назад награбленное. Мужики на это ловчее. Бабы дома, мужики трут полы и тела в банях и ездят извозчиками».

Чем старше становится писатель, тем чаще высказывал свое мнение о женщинах.

«Женщин узнают только мужья (когда уже поздно). Только мужья видят их за кулисами. ...Они так искусно притворяются, что никто не видит их, какие они в действительности, в особенности, пока они молоды».

К счастью, подобные умозаключения не помешали его сыновьям вступать в брак, а дочерям благополучно выйти замуж: Мария Львовна в 1897 году обвенчалась с князем Оболенским, а Татьяна Львовна в 1899 году — с помещиком Сухотиным.

Толстой остался с женой и младшей дочерью Александрой. 31 марта 1888 года в сорок четыре года Софья Андреевна родила последнего ребенка, Ванечку, который через шесть лет умер. Реакция мужа бы-

ла... затрудняюсь подобрать определение.

— Ты перестала быть мне женой! — кричал граф.

Откричавшись, Толстой заявил, что хочет развестись и уехать в Париж или в Америку.

«Нашел на меня столбняк, ни говорить, ни плакать, все хотелось вздор говорить, и я боюсь этого и молчу, и молчу три часа, хоть убей — говорить не могу. Тоска, горе, разрыв, болезненное состояние отчуж-

денности — все это во мне осталось. За что?..» — писала в дневнике Софья Андреевна.

А ведь если задуматься — действительно, за что?

За то, что фактически в одиночку управляла именем, воспитывала детей, издавала сочинения своего гениального мужа? За то, что рисковала жизнью, рожая чуть ли не до пятидесяти лет? За то, что сквозь пальцы смотрела на многочисленные толстовские чудачества, мастерски прикрытые всевозможными умными теориями?

Это ему удалось: Толстой до небес расхваливал своего нового адепта и очень скоро передал ему все права на издание своих произведений. Вот с этим Софья Андреевна не смогла смириться: семейные капиталы пошли на обогащение постороннего человека.

Около дряхлевшего Толстого образовались два воюющих лагеря, которые разрывали его на части. В доме Толстых начался настоящий ад. Несчастливая женщина потеряла над собой всякую власть. Она подслушивала, подглядывала, стара-

К концу семидесятых годов жизнь Толстых, казалось, окончательно наладилась. Лев Николаевич своим литературным трудом значительно приумножил семейное состояние. В начале 80-х он оценивал его в 600 тысяч рублей. Все элементы «доброто, честного счастья», как понимал его Толстой, присутствовали: литературная слава, средства — более чем достаточные, семья — большая и дружная

Но на этом несчастья Софьи Андреевны не закончились. В доме Толстых появился некто Владимир Чертков — сын генерал-губернатора, красавец, блестящий офицер, сводивший дам с ума.

Чертков вел бурную жизнь, кутил, играл в карты. И закономерно разорился. Тут, узнав о новой философии «пророка из Ясной Поляны», решил сменить имидж на «образец всех толстовских добродетелей».

лась не выпускать мужа ни на минуту из виду, рылась в его бумагах, разыскивая завещание или записи о себе и Черткове.

Толстой все настойчивее думал о том, чтобы уйти из этого «дома сумасшедших», от людей, «разменявших его на рубли». Софья Андреевна решительно обещала мужу покончить с собой в день его ухода.

Назревавший ранее кризис в их отношениях обострился после того, как Лев Николаевич, сообразуясь

со своими новыми философскими воззрениями, начал все более выходить за рамки традиций, принятых в той части общества, к которой они принадлежали. Когда муж стал одеваться в крестьянскую одежду, собственноручно пахать землю, тащить сапоги и призывать всех членов семьи «опроститься» подобно ему, она молчала и сносила это как чудачество гения.

Но когда он вознамерился отказаться от имени и всего нажитого ими имущества в пользу жителей села, а самому перейти в крестьянскую избу, чтобы жить «трусами своих рук», Софья Толстая взбунтовалась.

Последней каплей стал такой эпизод: Лев Николаевич проснулся в ночь с 27 на 28 октября 1910 года и услышал, как жена роется в его кабинете, в надежде отыскать «тайное завещание».

В ту же ночь, дождавшись, когда она, наконец, ушла к себе, Толстой сбежал из собственного дома в сторону Новочеркасска с 50 рублями в кармане. Там думал получить заграничный паспорт и отправиться в Болгарию.

Но в дороге писатель простыл. Обычная простуда обернулась воспалением легких.

Через несколько дней после этого в Ясной Поляне было получено сообщение о том, что Лев Николаевич тяжело болен и находится на станции Астапово, практически в безнадежном состоянии. Софья Ан-

дреевна вместе с детьми тут же отправилась по указанному адресу и нашла мужа уже без сознания, лежащим в доме станционного смотрителя.

Она смогла проститься с ним лишь в самые последние минуты.

7 ноября 1910 года, не приходя в себя, он скончался.

«Пустили меня к нему, — вспоминала Софья Андреевна, — когда он едва дышал, с закрытыми уже глазами. Я тихонько на ухо говорила ему с нежностью, надеясь, что он еще слышит, что я любила его до конца...»

Льва Николаевича похоронили в Ясной Поляне на краю оврага в лесу.

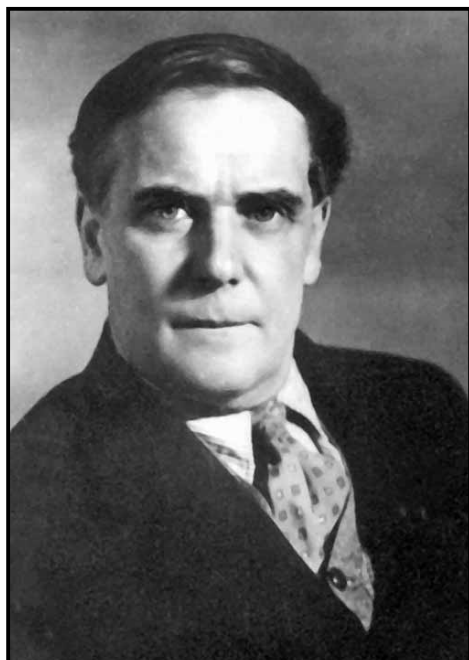
Софья Андреевна записала в дневнике:

«Невыносимая тоска, угрызения совести, слабость, жалость до страданий к покойному мужу... Жить не могу... ..Пусть люди снисходительно отнесутся к той, которой, может быть, непосильно было с юных лет нести на слабых плечах высокое назначение — быть женой гения и великого человека».

Заключительный этап своей жизни она провела в Ясной Поляне и посвятила его издательской деятельности, выпустив из печати собрание сочинений супруга и свою с ним переписку.

Пережив своего мужа на девять лет, Софья Андреевна Толстая скончалась в 1919 году от воспаления легких на 76-м году жизни. □

Евгения Гордиенко

ФИЗИК И НЕМНОГО ДЕНДИ

Он родился в царской России, побывал на Первой мировой, вел многолетнюю работу в Кембридже с Резерфордом, получил Нобелевскую премию, но в своей речи говорил совсем не о том, за что его наградили. Носил твидовые костюмы, курил трубку, а на досуге ремонтировал часы и играл в шахматы. Петр Капица — физик, изобретатель, денди... Его жизнь была богата событиями настолько, что их хватило бы на несколько жизней обычных людей.

Он родился в 1894 году в Кронштадте в семье военного инженера, генерала Леонида Капицы, имевшего польские и бессарабские корни. Мать, Ольга Иеронимовна Стебницкая, дочь военного картографа и геодезиста Иеронима Ивановича Стебницкого, окончила Бестужевские курсы и занималась развитием детской литературы и фольклора. В такой семье мальчику трудно было не заинтересоваться наукой в той или иной форме.

Однако первые попытки выучиться были не очень удачны: из гимназии родители Петра забрали, потому что он не смог освоить латынь. В реальном училище дела пошли лучше, и в 1912 году Капица с отличием его окончил, но на физико-математический факультет Государственного петербургского универ-

ситета поступить не смог — не справился с заданиями. Зато поступил в Политехнический институт, на факультет электромеханики, где вскоре его заметил Абрам Иоффе. Он пригласил студента на свой семинар и в лабораторию, где собирались самые талантливые его ученики.

В 1914 году, с целью подтянуть английский язык, Капица уехал в Шотландию. С возвращением из-за начавшейся войны возникли трудности, но, вернувшись в 1915 году, Петр сразу записался добровольцем на фронт и стал водить санитарную машину. По окончании войны, в 1916-м, он снова стал работать в лаборатории и опубликовал первую свою научную статью.

Примерно с того же времени он начал преподавать и думать о том, чтобы продолжить свое образова-

ние за границей. В революционной России это было непросто, но к 1921 году, при посредничестве Горького и помощи Иоффе, Капице удалось выехать в Англию. К тому же к этому моменту он переживал огромную семейную трагедию, и только работа могла отвлечь его и помочь выбраться из депрессии.

В 1916 году он женился на Надежде Черносвитовой, у пары родился сначала сын Иероним, затем — дочь Надежда. Но эпидемия испанки унесла их жизни: Капица за один месяц похоронил жену, детей и отца. По его словам, во многом благодаря помощи матери он смог найти в себе силы жить дальше.

Но с разрешением на выезд трудности не закончились — нужно было, чтобы его приняли в Англии, в лаборатории Резерфорда, где он хотел пройти стажировку. Сам Эрнест Резерфорд резко заявил, что гостю из новоявленной страны не рад, потому что здесь занимаются наукой, а не революцией. Капица уточнил, какая у английских коллег погрешность в работе. «От 3 до 10%» — ответил Резерфорд, не понимая, куда клонит гость. «Я впишусь в этот процент бесполезных сотрудников», — рассмеялся Петр Леонидович и был принят с испытательным сроком в два месяца.

Разумеется, Капица оказался как раз в проценте «полезных» сотрудников. Уже через год работы в Великобритании он защитил докторскую диссертацию по теме «Методы получения магнитных полей и про-

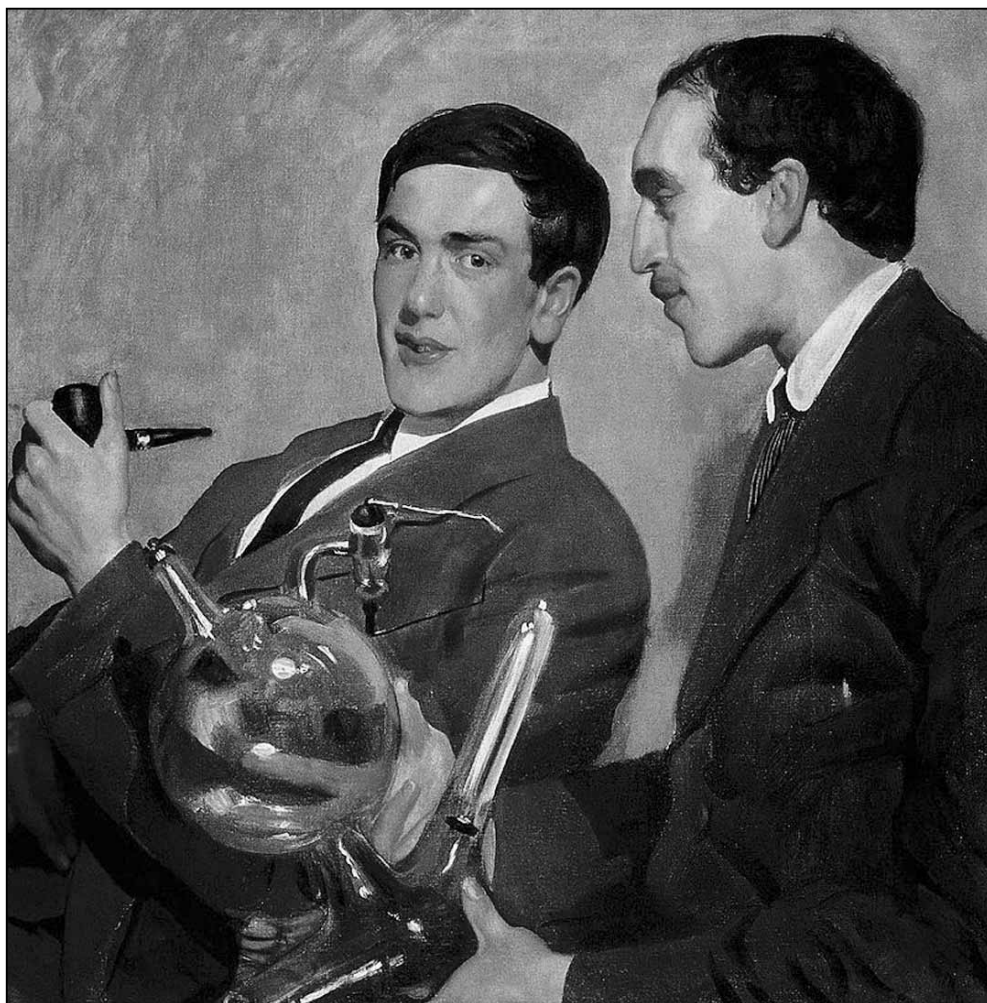
хождение альфа-частиц сквозь вещество», а в 1925 году стал заместителем директора Кавендишской лаборатории по части магнитных исследований. Через несколько лет его приняли в члены Лондонского королевского общества, а в 1933 году он стал руководителем научного центра, выстроенного специально для него.

В это время Капица работал над изучением процесса превращения ядер и такого явления, как радиоактивный распад. Он сам сконструировал оборудование, с помощью которого получил сильные магнитные поля. Добился невероятных результатов, во много раз превосходящих предыдущие достижения.

Чтобы изучать физику низких температур, Петру Леонидовичу требовалось вернуться на родину. Из Советского Союза его постоянно звали обратно, но ученый соглашался приехать лишь при условии, что в любой момент сможет вернуться обратно в Англию. Английский образ жизни чрезвычайно подошел уроженцу Кронштадта. Он привык носить твидовые костюмы и курить трубку, играть в теннис и шахматы. К тому же в Кембридже жили вторая жена и сыновья ученого.

С Анной Крыловой, дочерью своего коллеги Алексея Крылова, он познакомился в 1926 году. Крылов, математик, механик и кораблестроитель, приехал в Кембридж, встретился с Капицей и предложил ему проехать в Париж, где жили его жена и дочь. Анна и Петр сразу по-

*Борис
Кустодиев.
Портрет
профессоров
Капицы
и Семенова*

нравились друг другу, да и сам Париж настраивал на романтический лад. Впоследствии Анна вспоминала: «Петр Леонидович покорила меня веселым нравом и экстравагантностью. Мог, к примеру, хохмы ради, взобраться на фонарный столб! И это посреди Пикадилли или Монмартра!» Но молодой человек не спешил с признаниями или предложением. И Анна взяла дело в свои руки: «...я осознала — никогда этот человек не предложит мне стать его женой. Это должна была сделать я. И я сделала это...» Она действительно предложила ему жениться на ней, и Капица с радостью согласился.

Знавшие Анну Алексеевну говорили, что это была выдающаяся женщина. Всю свою жизнь она посвятила мужу, заботам о нем и о детях. Они поженились весной 1927 года, у них было двое сыновей: Сергей и Андрей. Впоследствии оба стали известными учеными. Несмотря на то, что родились дети в Англии, дома говорили только на русском. Сергей Капица позже писал: «Если мама начинала говорить на английском, то мы с братом понимали — сейчас начнут ругать».

Петр Леонидович купил земельный участок и начал строить там дом по собственному проекту, где

впоследствии появился «Капица-клуб» — семинары для научной общности Кембриджского университета, проходившие раз в неделю в лаборатории Резерфорда. На этих встречах обсуждались наука, литература, искусство. Эти собрания стали популярны, их посещали Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Вольфганг Паули, Вернер Гайзенберг, Поль Дирак и многие другие. Капица говорил: «Хороший инженер должен на 25 процентов быть художником. Машины нельзя проектировать, их нужно рисовать».

В 1934 году Петр Леонидович и его жена прибыли в СССР, а дети остались в Англии. Решив вернуться, Капица с изумлением узнал, что его британская виза аннулирована. Через некоторое время Анне было разрешено выехать за детьми, но с условием, что они вернутся на родину. Так семья была вынуждена остаться в СССР.

Поскольку больше всего ученого интересовала наука, он и в Союзе продолжал свои эксперименты. Ему удалось открыть такое явление, как сверхтекучесть гелия. Это было началом нового направления в науке — физики квантовых жидкостей.

23 декабря 1934 года был создан Институт физических проблем, входящий в Академию наук, и Петру Леонидовичу было предложено его возглавить. Он согласился и лично курировал возведение лабораторного корпуса на Воробьевых горах. Его ближайшим помощником и соратником с этих пор стал будущий

академик Александр Шальников. Он рассказывал, что строительство отнимало много сил и энергии: иногда им с Капицей «приходилось растолковывать строителям, что есть прямой угол...» Институт был построен за два года благодаря не только строителям, но и ученым.

Капица потребовал привезти ему оборудование из лаборатории Резерфорда, и советское правительство было вынуждено выкупить его и доставить в СССР, чтобы ученый смог продолжать работу. Это вызвало недовольство коллег, которые говорили, что с таким оборудованием они бы сотворили еще и не такое. Но... творил только Капица.

В 1937 году Петр Леонидович с семьей перебрался жить в коттедж, построенный на территории института. Вся семья была в сборе, и он мог — на некоторое время — спокойно продолжить работу. Тогда же начались и знаменитые семинары, носившие название «капичники». Это, по сути, было возобновлением его «английского клуба», только теперь его посещали советские ученые, инженеры, учителя, медики...

Стоит отметить, что, вернувшись в страну в период репрессий, Капица умудрился не только не попасть в эту «мешанину» сам, но и смог помочь множеству людей, так или иначе попавших в карательную машину. И таким — помогающим — он оставался всю жизнь. С 1934 и по 1983 год физик написал «в Кремль» больше трехсот писем, из которых пятьдесят были адресованы лично Иосифу Стали-

ну. Он критиковал решения, которые полагал неправильными, предлагал собственные варианты академических систем и реформ советской науки. Благодаря ему от смерти в лагерях и тюрьмах были спасены физики Владимир Фок и Иван Обреимов. В 1938-м Петр Леонидович сумел добиться освобождения Льва Ландау, обвиненного в шпионаже. Он писал об опасности создания атомного оружия и выступал против исключения из Академии наук Андрея Сахарова. В письме Молотову Капица писал: «Я твердо верю, что настоящая наука обязана быть вне политических страстей и борьбы, как бы ее туда ни стремились завлечь. Я верю, что научная работа, которой я занимаюсь всю жизнь, является достоинством всего человечества».

Во время войны институт был эвакуирован в Казань, и во многом благодаря его разработкам страна могла так быстро изготавливать оружие и танки.

После войны Капица вошел в комитет, руководивший созданием атомной бомбы. Но он был против такого оружия и вступил в конфликт с Берией, попросив освободить его от работы в комитете. Берия заявлял Сталину, что строптивого гения «пора уничтожить». Вождь народов ответил «Не смей!» Результатом протеста Капицы стала его опала, почти восемь лет домашнего ареста, невозможность общаться с друзьями и коллегами. Но ученый оставался ученым: на своей даче, в «хата-лаборатории», он продолжал ставить экс-

перименты и впервые обратился к электронике больших мощностей — первой ступени на пути контроля над ядерной энергией.

Реабилитация стала возможна только после смерти Сталина. Капица был назначен заведующим физической лабораторией Академии наук, а вскоре его восстановили на посту директора Института физических проблем.

В 1965 году ученому дали разрешение выехать за границу. Он посетил Данию, где выступил с лекциями, а также получил престижную награду Датского инженерного общества — медаль Нильса Бора. В 1966 году Петр Леонидович побывал в Англии и произнес перед членами Лондонского королевского общества речь, посвященную памяти Резерфорда.

В 1978 году Капица получил телеграмму от шведской Академии наук о присуждении ему Нобелевской премии за исследования в области низких температур. Надо понимать, что этой темой к моменту получения премии он не занимался уже почти тридцать лет, и свою нобелевскую речь посвятил тем вопросам, которые были для него актуальны именно в тот момент.

22 марта 1984 года у ученого случился инсульт, а 8 апреля, не приходя в сознание, он скончался в больнице, не дожив нескольких месяцев до своего девяностолетия. Он говорил: «Я мечтаю об одном — уйти раньше жены». Это ему удалось. Похоронен Петр Леонидович Капица на Новодевичьем кладбище. □

Юрий Осипов

ДОБРЫЙ СМЕХ

Михаила Зощенко

Зощенко любил не сравнивать, а соотносить себя с Гоголем. В своих рассказах, написанных языком городского фольклора малограмотных обывателей эпохи «нэпа» 20-х годов, он касался ряда гоголевских тем и сюжетов. Как, например, сакраментального мотива «шинели», которую грабители похищают у «маленького человека». Как и Гоголю, недальновидная критика приписывала Зощенко ограниченную роль комического бытописателя, отказывая ему при этом в художественном

даре. Ну а официозные советские борзописцы клеймили Зощенко «представителем возрождающегося мещанства», неразборчиво, либо намеренно смешивая автора с его «героями». Были, разумеется, и те (например, Корней Чуковский), кто видел в Зощенко обличителя этого воинствующего мещанства, никак, разумеется, не причастного к осмеиваемым им порокам.

Зощенко же, совершенно в гоголевском духе, с присущей ему «бесстрашной искренностью» (как говорил М. Горький о Блоке) замечал: «Если я пишу о мещанине, то еще не значит, что я... целиком перевел его на бумагу... Я выдумываю тип и наделяю его всеми качествами, которые рассеяны в том или другом виде в нас самих... Почти в каждом из нас имеется еще... инстинкт мещанина и собственника. И в этом нет ничего удивительного... Это накапливалось столетиями». Добавим, что защитные механизмы смеха использовались очень талантливым писателем для того, чтобы, с одной стороны, воплотить задуманное в форме, доступной необразованному читателю, а с другой — лично от них отстраниться.

Эти чудодейственные механизмы и сегодня продолжают охранять творческое наследие Михаила Зощенко от неразборчивых, поверхностных оценок и суждений. И еще. Сошлемся на меткое утверждение его современника из эмигрантской среды: «Зощенко добр, ласков и мягок... Он смеется, потому что беззлобен и здоров».

Михаил Михайлович Зощенко родился в августе 1894 года в Петербурге, в дворянской семье по отцу, который был родом с Украины. Он рисовал иллюстрации для журнала «Нива», делал мозаичные панно. Мать, Елена Сурина, до замужества играла в театре, а, выйдя замуж, стала писать рассказы и печатать их в популярной городской газете «Копейка».

Большая семья жила дружно. Но в 1908 году отец умер, и Елене Осиповне пришлось одной поднимать

детей. Миша пошел в гимназию уже начитанным мальчиком, интересующимся историей и сочинявшим небольшие рассказы и стихи. Примером для него служили публикации матери в «Копейке». Несмотря на любознательность и широкий кругозор, в гимназии мальчик учился неважно, часто спорил с учителями, за что его однажды чуть не исключили. Помогли ходатайства матери через влиятельных лиц.

В 1913 году Михаил с грехом пополам окончил гимназию и посту-

пил на юрфак Петербургского университета. Однако не успел прослушать даже первый курс — в апреле 14-го его отчислили за неуплату, учеба в университете стоила дорого. Тогда юноша решил заработать на обучение и все лето трудился кондуктором на железной дороге. Осенью попробовал восстановиться на факультете, но ему отказали. *«Я навсегда потерял чувство ориентира»*, — писал после этого будущий сатирик. А в сентябре стал курсантом Павловского военного училища, где прошел ускоренные курсы офицерской подготовки.

Дальше был неожиданный поворот судьбы этого тихого, застенчивого юноши. Через год после начала Первой мировой войны он выпустился из училища в звании прапорщика и попал в Действующую армию. За проявленную в боях отвагу Зоценко наградили орденами Святого Станислава и Святой Анны. *«В девятнадцать лет я был уже поручиком, в двадцать лет — имел пять орденов и был представлен в капитаны, — вспоминал он позднее. — Но это не означало, что я был герой. Это означало, что два года подряд я был на позициях»*.

На фронте Михаил Зоценко продолжал писать рассказы, вел полевой дневник и сочинял эпиграммы на офицеров полка. Эпиграммы были необидные, и в полку Зоценко любили за скромность, интеллигентность, неброское мужество. В июне 16-го он оказался в госпитале, за-

тем его перевели в запас. Вскоре, однако, писатель добровольно вернулся на фронт и, командуя ротой, воевал до семнадцатого года, обрушившего на Россию две революции. Накануне первой, Февральской, он оставил службу в армии и уехал в Петроград, признаваясь, что Первая мировая война навсегда изменила его жизнь, *«парализовала нутро»*. *«Я нигде не мог найти успокоения, — писал он впоследствии, — словно Агасфер, менял города, деревни, села, хутора»*.

Судьба поджидала писателя в северной столице. Там, вернувшись с фронта, он познакомился со своей будущей женой — выпускницей Петровской женской гимназии Верой Кербиц. *«Я уже верил в любовь и искренно думал, что любимая женщина — святыня, и лучшая, и особенная»*. Романтизм был присущ натуре этого сдержанного и немногословного человека. В 1920 году, спустя несколько месяцев после смерти матери, они поженились.

Через год у супругов родился единственный ребенок — сын Валерий, которого писатель очень любил и баловал и который пошел по стопам отца, стал литератором и сотрудником издательств «Детгиз» и «Театральный Ленинград». С женой отношения у Зоценко были сложные, хотя они прожили вместе более сорока лет. *«А была ли это любовь? Не знаю»*, — вспоминала позднее Вера. Михаил Михайлович часто от-

существовал дома, не разделял взглядов супруги на жизнь, заводил романы на стороне. Невысокий, худощавый, с печальными глубокими глазами, он пользовался успехом у женщин, чему еще способствовала огромная литературная слава.

Тем не менее, к писательской профессии он пришел кружным путем. После Февральской революции работал комендантом почтовой и телеграфной службы Петрограда. Должность была, впрочем, по его словам, необременительная. Летом 1917 года начальство направило Зощенко

Она станет с тех пор его постоянной спутницей и, в конце концов, сведет в могилу. Чего он только не перепробовал в жизни, прежде чем окончательно засесть за письменный стол! Работал милиционером, конторщиком, столяром, сапожником, помощником бухгалтера, разводил кур и кроликов...

Серьезную литературную учебу Зощенко проходил в организованной Корнеем Чуковским творческой студии при издательстве «Всемирная литература». Там родились уже первые чисто зощенковские расска-

Чего только Зощенко не перепробовал в жизни, прежде чем окончательно засесть за письменный стол! Работал милиционером, конторщиком, столяром, сапожником, помощником бухгалтера, разводил кур и кроликов. А серьезную литературную учебу он проходил в организованной Корнеем Чуковским творческой студии при издательстве «Всемирная литература». Там и родились первые зощенковские рассказы

в Архангельск. Оттуда он легко мог эмигрировать, поскольку влюбленная в него француженка достала ему поддельный паспорт и предложила вместе уехать в Париж. Михаил Михайлович долго раздумывал, но все же отказался. Он не хотел покидать Россию и оставлять семью.

В марте 18-го писатель вернулся в уже большевистский Петроград, а в следующем году добровольцем вступил в Красную армию. Успел еще повоевать с белыми, но демобилизовался из-за болезни сердца.

зы, среди которых — «Любовь» и «Старуха Врангель». На занятиях в студии он познакомился с видными писателями В. Кавериним, М. Слонимским, Вс. Ивановым. Вместе создали в 1921 году сделавшуюся широко известной группу «Серапионовы братья», с несбыточной мечтой о разделении литературы и политики.

В том же году в издательстве «Эрато» вышла первая книга рассказов Михаила Зощенко. Рецензентом книги выступил сам Горький, который писал: «Отличный язык вы-

работали вы, Михаил Михайлович, и замечательно легко владеете им. И юмор у вас "свой". Я высоко ценю вашу работу... Такого соотношения иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого». Окрыленный успехом, Зощенко выпускает на другой год второй сборник под названием «Рассказы Назара Ильича, господина Синябрюхова». В следующие несколько лет один за другим появляются мгновенно раскупавшиеся книги писателя «Разнотык», «Аристократка», «Веселая жизнь».

Их персонажи — рядовые обыватели, новые советские мещане, попадающие в комические ситуации и страдающие от собственной глупости. Как, например, герой одного из самых знаменитых рассказов Зощенко «Аристократка», давшего название сборнику. *«Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках... такая аристократка мне и не баба вообще... А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил... В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме».*

В тот недолгий период писателю хорошо и плодотворно работалось. Помимо юмористических рассказов он сочинял доходчивые произведения для детей, печатал фельетоны в популярных сатирических журналах «Крокодил», «Бегемот», «Бузотер». Однако не все шло гладко. На задевавшие чванливую бюрократию за живое зощенковские миниатюры, по словам жены писа-

теля, на него начали «коситься». В «Известиях» появилась ругательная рецензия на опубликованные в 1927 году «Сентиментальные повести». «Почти подряд», сообщает В. Кербиц, запретили три статьи Зощенко. Атмосфера вокруг него делалась тревожной.

В ответ он два года спустя демонстративно выпустил книгу многочисленных читательских писем к нему с высокими оценками его творчества и продолжал свою обличительную линию. Комедия «Уважаемый товарищ» о недобросовестном чиновнике Барбарисове стала в 1930-м первой пьесой Зощенко. Ею заинтересовался Вс. Мейерхольд, собиравшийся поставить ее у себя театре. Уже начались репетиции, когда пьесу внезапно запретили.

К 1933-му году заканчивалось строительство Беломоро-Балтийского канала. Сталинскому режиму требовались позитивные, жизнеутверждающие отклики ведущих писателей на грандиозную «стройку социализма». На ББК отправили под присмотром энкэвэдешников творческую группу во главе с Горьким. В нее включили и Зощенко. Горький восторженно отозвался в очерке об увиденном. Зощенко же написал по впечатлениям от поездки хвалебную повесть «История одной перековки».

А в середине 30-х автора настигла тяжелая депрессия. Его, не страшившегося на фронте ни пуль, ни снарядов, ни штыков врага, пре-

следовали теперь панические атаки и приступы глубокой хандры. Чтобы справиться с болезнью, он начал работать над повестью «Возвращенная молодость», изучал для нее труды по психоанализу и медицине. Это, увы, не повысило художественный уровень произведения, хотя повесть обсуждали маститые ученые, а нобелевский лауреат, крупнейший физиолог Иван Павлов даже пригласил писателя на «научные среды».

Не лучшим образом обстояло дело и с другими его рассказами и повестями, среди которых выделяются «История болезни» и «Черный принц». Они разительно отличаются своей «беззубостью» от юмористически и сатирически остро заряженных вещей Михаила Зощенко 20-х годов, которые, собственно, и снизили ему всенародную известность. Он еще порой писал и публиковал подобного рода произведения (не получалось убить в себе та-

лантливейшего юмориста и сатирика), но теперь стремился, как он сам говорил, показывать «историю культуры и человеческих отношений».

Воплощением этих новых для писателя тем стал вышедший в 1935 году сборник бытовых новелл «Голубая книга». Юмор и сатира здесь направлены на историю персидского царя Камбиса и испанского владыки Дон Карлоса, Иоанна Грозного и Екатерины II... *«Нынче, когда открывается новая страница истории, той удивительной истории, которая будет происходить на новых основаниях... нынче особенно любопытно и всем полезно посмотреть, как жили раньше»*. Вот зачин «Голубой книги», которая направила «литературный корабль» Зощенко в прямо противоположном его прежним малым шедеврам направлении.

Писатель и сам почувствовал, что «плывет» куда-то не туда, и в конце 30-х годов решил сосредоточиться на детской литературе. До Зощенко в ней укрылись от вездесущего соцреализма и Д. Хармс с другими обэриутами, и М. Пришвин, и Е. Шварц. Можно утверждать, что, как и они, Зощенко нашел себя в произведениях для детей, а те восторженно приняли его публикации на страницах журналов «Еж» и «Чиж», сборник коротких рассказов «Леля и Минька». В нем юным читателям особенно полюбили признанные сегодня классическими новеллы «Великие путешественники», «Золотые слова», «Бабушкин подарок».

Все они послужили писателю подступом к рукописи его итоговой книги, первоначально названной им «Ключи счастья». В ней он попытался осуществить серьезное исследование человеческой психики, для чего обратился к трудам З. Фрейда и его ученика К. Юнга.

Плодотворная работа над книгой продолжалась не один год, и закончить ее помешала Великая Отечественная война. Михаил Михайлович хотел отправиться на фронт добровольцем, но не получил разрешения медкомиссии из-за хронической болезни сердца и записался вместе с сыном в противопожарную дружину.

Дежурил по ночам на ленинградских крышах, тушил «зажигалки», а днем сочинял хлесткие агитки и антифашистские памфлеты для какого-то время выходивших городских газет и журналов. В сентябре 41-го его успели эвакуировать в Алма-Ату, разрешив взять с собой лишь самое необходимое. Большую часть багажа Зощенко заняли черновики «Ключей счастья».

В 1943 году он переехал в Москву и начал писать на «Мосфильме» сценарии заказных военных фильмов, закончив в том же году повесть. Теперь повесть носила название «Перед восходом солнца» и печаталась главами в литературном журнале «Октябрь». Однако вскоре решением партийного руководства публикация ее была приостановлена. На Зощенко посыпались газетно-журнальные обвинения в иска-

жении советской действительности и презрении к читателям.

С этого, собственно, и началась травля писателя, не прекращавшая до самой его смерти.

Поразительные вещи творились тогда у нас в стране. Сразу после Победы Зощенко получил из рук «все-союзного старосты» М.И. Калинина почетную медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». При этом отношение к нему партийной верхушки оставалось резко отрицательным. Наиболее злобствовал А. Жданов, член Политбюро, визиравший расстрельные списки в годы сталинских репрессий, председатель Верховного Совета РСФСР, отвечавший по поручению Сталина за чистоту идеологии.

В августе 46-го он выступил с докладом, в котором осуждались лирические стихи Ахматовой и сатирические рассказы Зощенко. Особенно досталось рассказу «Приключения обезьяны». Автор был охарактеризован в докладе как «подонки от литературы», а поэзия Ахматовой названа «совершенно далекой от народа». Этот погромный доклад Жданова лег в основу пресловутого Постановления Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в которых главным образом печатались Ахматова и Зощенко, ключевые фигуры в отечественной литературе тех лет.

Неслыханная травля Ахматовой и Зощенко, развернувшаяся в печат-

ти, привела к исключению его из Союза писателей СССР, что означало лишение средств к существованию и неотмененных пока продуктовых карточек. Следующие несколько лет Зощенко писал «в стол», а зарабатывал на хлеб литературными переводами (одно время был даже сапожником!). Ахматову тоже превратили в литературного изгоя.

В 1953 году после смерти Сталина крупные поэты и одни из руководителей СП А. Твардовский и К. Симонов предложили вновь принять Зощенко в Союз писателей. Его не восстановили, но приняли как нового члена СП, без учета произведений, написанных им до 1953 года. В популярных журналах «Крокодил» и «Огонек» появилось несколько новых рассказов Зощенко. Однако в публикации комедии «Здесь вам будет весело» ему отказали.

Через год правительство устроило встречу по-прежнему опальных Ахматовой и Зощенко с английскими студентами, приехавшими в СССР. На встрече студенты спросили их, как они относятся к партийному Постановлению о журналах «Звезда» и «Ленинград». Зощенко заявил, что не согласен с обвинениями и гордится своим творчеством.

Сразу же последовала новая волна нападок на писателя в центральной прессе. Зощенко в приказном порядке вызвали на собрание «представителей московской интеллигенции». Он выступил там с полной достоинства речью, сказав: «...Моя

литературная жизнь и судьба при такой ситуации закончены. У меня нет выхода. Сатирик должен быть морально чистым человеком, а я унижен, как последний сукин сын... У меня нет ничего в дальнейшем. Ничего. Я не собираюсь ничего просить. Не надо мне вашего снисхождения... Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую имею».

Выступление это перечеркнуло дальнейшую писательскую карьеру Михаила Зощенко — больше его не печатали. Жил он в бедности,

ка, который бы не понимал, что с Зощенко обошлись несправедливо. Кто-то старался морально поддерживать его, кто-то просто молча пожимал ему руку при встрече. Но находились и такие, которые, завидев Михаила Михайловича на улице, делали вид, что не замечают его, отводили глаза в сторону или норовили юркнуть в боковой переулок...

Однажды ему позвонил Аркадий Райкин и, как ни в чем не бывало, предложил написать что-нибудь для своего Театра миниатюр. Аркадий

Зощенко, хоть и болезненно реагировал на любые проявления пошлости, любил людей и не был к ним строг, прощая приятелям банальности и пустопорожнюю болтовню. Пошлость он понимал по-своему и житейскими пересудами, в которых подчас черпал пищу для творчества, интересовался куда больше, нежели высокими рассуждениями, да еще с примесью пафоса

страдал от болезни сердца. Государство назначило ему положенную по возрасту и заслугам пенсию не по достижении 60 лет, а лишь за несколько дней до смерти, в июле 1958 года.

Близкие друзья его не забывали. В тяжелое время Михаил Михайлович, и без того человек мало общительный, замкнутый, старался как можно реже появляться на людях. Он сторонился людей, чтобы избежать новых разочарований. Конечно, среди знакомых отверженного властью писателя не было челове-

Исакович вспоминал, что Зощенко долго молчал в ответ на сделанное предложение, а затем сказал: «Хорошо. Я подумаю». И вскоре принес смешную миниатюру.

«У меня есть привычка делить людей на "вещающих" и "внимающих"», — говорил А. Райкин. — Так вот Зощенко, по моим наблюдениям, был не столько "внимающий", сколько "отсутствующий". Было в нем нечто такое, что заставляло даже близких ему людей (как, например, Евгения Львовича Шварца, человека открытого и жизнера-

достного) внутренне подбираться в его присутствии и трижды подумать, прежде чем что-нибудь сказать... Когда кто-то начинал говорить о предназначении литературы да еще при этом имел неосторожность употреблять такие обороты, как «совесть художника», лицо Михаила Михайловича принимало отсутствующее выражение».

Зощенко, хоть и болезненно реагировал на любые проявления пошлости, любил людей и не был к ним строг, прощая приятелям застольные банальности и пустопорожнюю болтовню. Пошлость он понимал по своему и житейскими пересудами, в которых подчас черпал пищу для творчества, интересовался куда больше, нежели высокими рассуждениями, да еще с примесью пафоса.

...Умер Михаил Михайлович в одночасье на своей дачке в Сестрорецке под Ленинградом. Друзья и родственники хотели похоронить его на «Литературных мостках» Волковского кладбища в северной столице, но не получили разрешения властей. В легендарном некрополе, существующем с 1802 года, когда там нашел упокоение Радищев, а следом — Белинский и десятки других выдающихся деятелей отечественной литературы, для прямого их наследника, Михаила Зощенко, места не нашлось. Он остался лежать на сестрорецком кладбище...

В период наивысшей славы писателя, который пришелся на 20-е — начало 30-х годов, ему завидовал

даже Маяковский. В стихотворении «Фабриканты оптимистов (провинциальное)» он написал:

*И кажется этой плоской фанере,
что она Венера, по крайней мере,
И рисуется ее глазам уж,
что она за Зощенку
выходит замуж.*

Михаил Михайлович дружил с Юрием Олешей и как-то в 1950-м мастерски залатал ему порванные штаны — оба замечательных писателя жили в тяжелой нужде. Олеша упоминает об этом случае в своей «Книге прощания»: «Я сказал приехавшему тогда в Ленинград и высокомерно появившемуся в моем и Зощенки обществе Фадееву (возглавлявшему Союз писателей — **Ю.О.**): "Ты думаешь, что важное событие в текущем моменте нашей литературы — это то, что ты приехал в Ленинград? Ошибаешься, важнее — это то, что писатель Зощенко починил штаны писателю Олеше"».

Патриарх советской литературы Даниил Гранин, который присутствовал на специальном заседании Секретариата СП СССР по поводу злосчастного постановления о двух ленинградских журналах, постановления, клеймившего Ахматову и Зощенко едва ли не «врагами народа», получил из рук знакомой стенографистки копию стенограммы того позорного судилища. Стенограмма сопровождалась запиской: «Извините, что запись эта местами приблизительна, я тогда сильно волновалась, и слезы мешали».

Михаил Зощенко

Плохой обычай

В феврале я, братцы мои, заболел.

Лег в городскую больницу. И вот лежу, знаете ли, в городской больнице, лечусь и душой отдыхаю. А кругом тишь и гладь и божья благодать. Кругом чистота и порядок, даже лежать неловко. А захочешь плюнуть — плевательница. Сесть захочешь — стул имеется, захочешь сморкнуться — сморкайся на здоровье в руку, а чтоб в простыню — ни боже мой, в простыню нипочем не позволяют. Порядка, говорят, такого нет.

Ну и смиряешься. И нельзя не смириться. Такая вокруг забота, такая ласка, что лучше и не придумать. Лежит, представьте себе, какой-нибудь паршивенький человек, а ему и обед волокут, и кровать убирают, и градусники под мышку ставят, и клистиры собственноручно пихают, и даже интересуются здоровьем. И кто интересуется? Важные, передовые люди — врачи, доктора, сестрички милосердия и опять же фельдшер Иван Иванович.

И такую я благодарность почувствовал ко всему этому персоналу, что решил принести материальную благодарность. Всем, думаю, не дашь — потрохов не хватит. Дам, думаю, одному. А кому — стал присматриваться. И вижу: некому больше дать, иначе как фельдшеру Ивану Ивановичу. Мужчина, вижу, крупный и представительный и больше всех старается и даже из кожи вон лезет. Ладно, думаю, дам ему. И стал обдумывать, как ему всунуть, чтоб и достоинство его не оскорбить, и чтоб не получить за это в рожу.

Случай скоро представился. Подходит фельдшер к моей кровати. Здоровается.

— Здравствуйте, говорит, как здоровье? Был ли стул?

Эге, думаю, клюнуло.

— Как же, говорю, был стул, да кто-то из больных унес. А ежели вам присест охота — присаживайтесь в ноги на кровать. Потолкуем.

Присел фельдшер на кровать и сидит.

— Ну, — говорю ему, — как вообще, что пишут, велики ли заработки?

— Заработки, говорит, невелики, но которые интеллигентные больные и хотя бы при смерти, норовят непременно в руку сунуть.

— Извольте, говорю, хотя и не при смерти, но дать не отказываюсь. И даже давно про это мечтаю.

Вынимаю деньги и даю. А он этак любезно принял и сделал реверанс ручкой.

А на другой день все и началось. Лежал я очень даже спокойно и хорошо, и никто меня не тревожил до этих пор, а теперь фельдшер Иван Иванович словно ошалел от моей материальной благодарности. За день раз десять или пятнадцать припрется он к моей кровати. То, знаете ли, подушечки поправит, то в ванну поволокет, то клизму предложит поставить. Одними градусниками замучил он меня, сукин кот. Раньше за сутки градусник или два поставит — только и всего. А теперь раз пятнадцать. Раньше ванна была прохладная и мне нравилась, а теперь набуровит горячей воды — хоть караул кричи.

Я уже и так, и этак — никак. Я ему, подлецу, деньги еще сую — отстань только, сделай милость, а он еще пуще в раж входит и старается.

Неделя прошла — вижу, не могу больше. Запарился я, фунтов пятнадцать потерял, похудел и аппетита лишился.

А фельдшер все старается.

А раз он, бродяга, чуть даже в кипятке не сварил. Ей-богу. Такую ванну, подлец, сделал — у меня аж мозоль на ноге лопнула и кожа сошла.

Я ему говорю:

— Ты что же, говорю, мерзавец, людей в кипятке варишь? Не будет тебе больше материальной благодарности.

А он говорит:

— Не будет — не надо. Подышайте, говорит, без помощи научных сотрудников.

И вышел.

А теперича снова идет все по-прежнему: градусники ставят один раз, клизму по мере надобности. И ванна снова прохладная, и никто меня больше не тревожит.

Не зря борьба с чаевыми происходит. Ох, братцы, не зря! □

Тереза Дурова

Фото из личного архива

В юности она дрессировала слонов, как и полагается наследнице знаменитой династии дрессировщиков. А потом судьба сделала неожиданный кульбит. Артистка цирка полюбила москвича-журналиста, ради не-

го оставила арену, получила профессию театрального режиссера и создала свой театр, который сегодня называется Театр Терезы Дуровой.

Основатели легендарной цирковой династии братья Владимир и Анатолий Дуровы наверняка гордились бы этой невысокой энергичной женщиной, приходящейся одному из них правнучкой, а другому — правнучатой племянницей. Потому что, пусть не на цирковой арене, но она продолжила прославлять фамилию. Кстати, Тереза считает, что все ее лидерские качества, ее упорство и сумасшедшее трудолюбие — наследственные.

— Тереза Ганнибаловна, вы рассказывали в одном интервью, что познакомились с будущим мужем Сергеем Абрамовым, когда он приехал брать интервью для журнала «Смена» у вашей мамы, знаменитой драпировщицы Терезы Васильевны Дуровой. Номер с тем интервью сохранился?

— Конечно! И даже в двух экземплярах, один хранится дома, другой — в театре, в моем рабочем кабинете. Сколько же лет назад это было? Нашему сыну исполнилось 45, значит — 48 лет назад!

— Представляю, какой у вас должен быть семейный архив, семейный музей — с такой-то родословной!

— Ничего такого нет. Практически все мамины костюмы я отдала в воронежский музей Дуровых, что-то уехало в музей таганрогский. Удивляетесь, почему музеи в провинции? Понимаете, мой прадед и вся семья считали, что жить нужно в провин-

ции, а работать в столицах. И воспитывать детей нужно в провинции, поскольку там другой уклад, другое отношение к детям, там чтут традиции. На мой взгляд, очень правильная позиция. Впрочем, есть один музей и в Москве — при театре «Уголок бабушки Дурова». В общем, все, что у меня было, я отдала в музей и сделала это с большим удовольствием, потому что там работают замечательные люди, которые очень трепетно относятся ко всему, имеющему отношение к семье. Удивительно, но они постоянно пополняют наши знания о нас самих, о наших корнях, так как обнаруживаются новые документы, возникают какие-то новые истории. Дело в том, что, когда семья такого порядка, вокруг ее представителей всегда накручивается много легенд, сплетен, слухов. Тем более что и Анатолий, и Владимир, наши родоначальники, уже тогда умели создавать свою популярность — без всякого Интернета! Более того, они, возможно, сами о себе рассказывали много каких-то, мож-

*Тереза Дурова,
мать Терезы Ганнибаловны Дуровой*

но сказать, «легенд». И здесь без профессионалов-музейщиков, умеющих работать с архивами, с документами, семье было бы тяжело понять, что истинно, а что нет.

— Вы ведь по сей день отдаете дань цирку, точнее, одному из цирковых жанров — клоунаде. В труппу театра приглашаете актеров, владеющих этим искусством. Да и сам театр первые годы назывался Театр клоунады, и в нем играли профессиональные клоуны. Интересно, каким было самое первое представление?

— Оно было сумасшедшим и называлось «Большая клоунская тусовка». Ведь труппа тогда сложилась из клоунов, приехавших со все-

го СССР на Московский международный фестиваль клоунады, мною организованный. У каждого участника были какие-то свои репризы, мы выбрали самые смешные, самые оригинальные и из них составили программу. То есть это был такой концертный вариант — много разных клоунов и разной клоунады. Мало кто знает, что в этом жанре существует целый букет направлений: есть «черная» клоунада, драматическая клоунада, детская клоунада, цирковая репризная клоунада, пантомима, есть разговорная клоунада, есть фрачники, есть буффон, есть музыкальные эксцентрики. И они все у нас были! Но я, к сожалению, не смогла доказать публике, что люди, которые выходят на сцену, это не клоуны, это актеры, которые владеют жанром клоунады. А к клоунам многие, увы, относятся с опаской. И это заставило подумать о переименовании театра. Но сначала надо было просто устоять, выжить. Неожиданно распался Советский Союз, настали трудные времена, и мои актеры разъехались по своим республикам, потому что надо было кормить семьи. В результате из тридцати человек у меня осталось семь. И вот с этой маленькой группкой мы начали делать уже театр репертуарный, но со спектаклями на основе клоунады.

— Прошло почти 30 лет. Кто-то из «первого призыва» в команде остался?

«Волшебная мельница Сампо»

— Конечно. Например, Игорь Калинин. Он был из группы акробатов, с которыми я работала как режиссер в цирковом училище. Но знакомы мы с еще более раннего времени: Игорь пришел ко мне на урок актерского мастерства в цирковое училище, когда ему было всего 13 лет. И вот тогда, в 1991-м, я попросила его помочь с фестивалем — в качестве администратора, и Игорь оказался незаменимым в этом качестве. Владимир Ананьев, второй режиссер, тоже с того времени. Я его пригласила, чтобы к фестивалю он подготовил моих клоунов по пластике, в итоге работаем вместе уже 28 лет. А поскольку мы оказались в этих стенах (в стенах Театра Терезы Дуровой), где до нас был Дом культуры, то со мной остались работавшие здесь и до нас художник по свету,

звукорежиссер, заведующая костюмерным цехом. И есть еще такой интересный человек — Надежда, которая занимается у нас цветами. Когда мы пришли сюда, она, биолог по образованию, вела в этом ДК «клуб цветоводов», занималась с детьми. Потом здание оказалось в руках людей, решивших сдавать помещение под аренду разным фирмам, и они Надю с ее «цветолюбями» выгнали. Вернее, предложили ей переквалифицироваться в уборщицы. Тогда она пришла ко мне: «Тереза Ганнибаловна, я сейчас перейду в уборщицы, а потом, когда здание полностью станет вашим, можно, я опять буду заниматься своим делом — разводит цветы? Обещаю — у нас здесь будет парк!» Мы ее безумно любим, все наши цветы в помещениях и посадки вокруг театра — это все Надя.

*«Волшебная
лампа
Аладдина»*

Фото
Владимира
Майорова

— Вы — и директор театра, и худрук, и главный режиссер. Столько ответственной работы — это не тяжело?

— Это правильно. Это отвечает моему характеру. Мы, Дуровы, все такие — берем на себя все самое ответственное. Та же ситуация была у Юрия Дурова, который руководит театром «Уголок дедушки Дурова», сменив на этом посту свою сводную сестру Наталью Дурову. Он пришел туда из цирка, потому что в цирке уже сложно было работать со слонами. В результате Юрий оказался прекрасным драматургом, очень хорошим режиссером и замечательным директором и худруком. То есть в «Уголке дедушки Дурова», как и в Театре Терезы Дуровой, — единоначалие!

— Прошлый год из-за пандемии был особенно трудным для всех театров страны. Как справлялись?

— Я помню время, когда мы не получали вообще никакой помощи, когда у меня не было ни спонсоров, ни помощников, никого. Театр был частный, и народу много — 67 актеров. Мы сложно... видите, я не говорю — тяжело, мы сложно, проблемно, но выживали. И весь этот инструментарий у меня остался в руках. Я знаю, что нужно делать, если вдруг по каким-то причинам все остановится. И мои сотрудники тоже знают, что будут делать, потому что они все это уже делали. И бухгалтер знает, что у нас всегда есть запас. То есть мы как белки — всегда запасаем что-то на черный

день. Вообще, я отношусь к категории людей, которые только тогда покупают автомобиль, когда знают, что есть гараж, есть деньги на бензин, есть права и так далее. Мне нравится планировать. Если мы делаем спектакль, я не думаю, где взять на него деньги, я начинаю думать о спектакле, когда нужная сумма у меня уже в кармане.

— Запасы — это хорошо, но ведь пришлось перестраивать всю работу?

— И мы достаточно быстро с этим справились. В первую очередь, нужно было обеспечить онлайн-общение со зрителями. Что не успели сделать в театре до карантина, делали дальше по квартирам. У меня как у директора театра был

пропуск для езды по Москве, и я развозила костюмы актерам, которые у себя дома снимали видео. Кто-то дома монтировал, кто-то дома писал сценарии. Поскольку за дело взялась такая команда — команда людей, безумно преданных общему делу, сомнений в успехе ни у кого не возникло. Наверное, у нас у всех были такие безумные глаза, что становилось ясно: эти — сделают. Другой вопрос, какими бессонными ночами, какими усилиями... И это позиция не только моя — так живет театр.

— Что скажете о труппе театра сегодня?

— Скажу, что она — одна из самых сильных московских театральных трупп. Наши актеры все из раз-

**«Японская
сказка»**

Фото
Владимира
Майорова

ных вузов — из ГИТИСа, из ВГИКа, из Щуки, в том числе, окончившие музыкальные факультеты — большая часть профессионально поют. Я к своим актерам очень требовательна, потому что, во-первых, зритель должен им верить, должен доверять тому, что они транслируют со сцены, во-вторых, никто не отменял слово «скучно». Моя задача как руководителя театра, в который приходят семьями, — удивлять! Мне надо удивить ребенка, маму, папу, бабушку с дедушкой. Ведь не только у людей разного возраста, но и разного пола — свои особые интересы, свои предпочтения. А когда они вместе приходят на спектакль, всех увлечь происходящим на сцене, у всех вызвать эмоции могут

только актеры «широкого диапазона» — прекрасно поющие, отлично двигающиеся, умеющие выполнять разные трюки... Поэтому наши артисты находятся в постоянном тренинге. Не все выдерживают, но те, кто у нас остается, они понимают, что нашли именно свой театр, что в любом другом им будет просто скучно.

— А чем же вы удивляете своих зрителей с их разными требованиями?

— Чудо-костюмами, в которых выходят актеры. Чудо-музыкой, которая звучит на сцене. Чудо-декорациями, которые у нас освещаются чудо-светом... Вот мы с нашим художником обе не любим экраны на

сцене, потому что у театра столько возможностей, столько средств, о которых просто все забыли! А экран — это чужое. Вы спрашиваете, когда зритель удивляется? Когда вдруг в пространстве театра возникает что-то, чего он никак не ожидал увидеть или услышать! Например, если по ходу пьесы должен пойти дождь, в нашем театре он идет настоящий, не на экране! Одним словом, у нас есть свой инструментарий, которым умеют пользоваться наши замечательные мастера, наши художники. И мы все — команда, создающая спектакли. Мы понимаем, что роскошные костюмы должны быть в декорациях, для которых они сделаны, а актер должен входить в пространство, понимая, что он не кук-

ла ряженая, что он должен быть адекватен и костюму, и декорациям. И драматургия должна соответствовать, и музыка, и все остальные составные части. И я понимаю, что несу большую ответственность перед всей командой, потому что стою у руля. В этой команде каждый — бриллиант, и я как режиссер должна сделать так, чтобы из этих бриллиантов всегда получалось красивое ожерелье.

— В репертуаре Театра Терезы Дуровой много «этники». Как происходит выбор материала?

— Всегда по-разному. Например, интересная была история с «Калевалой». Обратил внимание на этот карело-финский эпос посоветовал

наш музыкальный руководитель Максим Гуткин. Я ответила: надо подумать. Утром звонит Артем, мой сын и наш драматург: «Мать, я вчера вечером читал детям "Калевалу", им очень понравилось, несмотря на то, что это сложная вещь. Как ты насчет "Калевалы"?» Тут приходит Виктория Севрюкова, художник по костюмам: «Нам бы что-нибудь такое, такое... "Калевалу", что ли?» Я в ответ рассмеялась: «Вы меня просто окружили этой "Калевалой"!» Открыла я эту книгу и просто испугалась — бездонная вещь! Но мы взялись. Максим даже специально съездил в Карелию, чтобы послушаться карельской музыки, познакомиться с инструментами. Надо сказать, что мы в каждом спектакле пытаемся петь на языке того народа, о котором рассказываем, поэтому всегда приглашаем носителя такого языка, умеющего в том числе на нем петь, потому что правильное воспроизведение звуков — это тоже не просто. Сейчас, например, мы готовим спектакль о Шотландии. Выяснили, что в Москве есть Шотландский клуб, есть люди, которые умеют исполнять шотландские танцы, играть на волынках. Мы с ними всеми уже познакомились. Кроме того, мы учимся стрелять из шотландских луков. Нам их подобрали такие, чтобы соответствовали эпохам, о которых мы в спектакле рассказываем. А у нас там — от четвертого века до девятнадцатого.

— О чем будет спектакль? Имею в виду не сюжет, а, может быть, идею...

— Мы будем разговаривать с нашими семьями и нашими детьми о том, что, если ребенок думает, что он не из этого времени, родителям не надо бояться. Это не порок, не болезнь — такое случается! И не надо подходить к такому ребенку с мерками сегодняшнего дня, если он хочет жить по правилам того — своего времени. А еще поговорим о предательстве, о терпении, о понимании, о преодолении страха и о том, что нельзя вешать ярлыки на человека просто так, из своей прихоти. Такие темы нас волнуют. А вообще не «модные» — про мальчика, вдруг решившего, что он на самом деле девочка, и наоборот. Это нам совсем не интересно.

— Что дает вам силы на то, чтобы почти три десятка лет стоять у руля корабля под названием Театр Терезы Дуровой?

— Вы знаете, у меня всегда было ощущение, что я выполняю в жизни конкретное предназначение, и оно — созданный мной театр. А как только человек начинает понимать свое предназначение, так сразу начинает себя чувствовать хорошо, правильно себя осознавать — и тогда на все хватает и сил, и терпения, и любви, и желания идти дальше. □

Беседовала **Марина Бойкова**

Выбор Выборга

В свое время Выборгский замок сыграл уникальную роль в очень непростых и запутанных отношениях России и Швеции. Фактически, это единственный средневековый замок на территории нашего Отечества, который благодаря бережному и кропотливому труду реставраторов сегодня прекрасно выглядит и функционирует на радость туристам как музей.

Фото автора

ДЕЛО ЯСНОЕ, ЧТО ДЕЛО ТЕМНОЕ

По преданию, поселение с названием «Выборг» было основано новгородцами вместе с карелами еще в XII столетии. И это действительно был невероятно удачный выбор — крепость располагалась на небольшом островке Твердыш, там, где своенравная Вуокса впадала в Финский залив. Хозяин сих мест получал, таким образом, стратегический контроль над округой. Более чем весомые преимущества расположения новой новгородской крепости не могли не оценить соседи — в конце XIII века они завое-

вали эти места и поставили на соседнем Замковом острове свою, уже каменную крепость. Так, в 1293 году Выборг стал шведским, и со временем превратился в одну из самых мощных и хорошо укрепленных крепостей-замков не только шведской державы, но и всей Скандинавии. По одной из шведских версий, название «Выборг» переводится как «святой город». С возникновением Выборга шведы перехватили у русских контроль над оживленным торговым путем по Вуоксе, шедшим из Балтийского моря в Ладугу.

Основателем города традиционно считается регент шведского короля Торгильс Кнутсон — памятник этому отважному и воинственному шведскому маршалу стоит в самом центре Выборга напротив замка. Впрочем, эти сведения не более чем легенда, превратившаяся в устойчивый миф — имени предводителя похода 1293 года не называет даже наиболее подробно рассказывающая об основании города шведская «Хроника Эрика» (1320-е годы), составленная тогда, когда были еще живы многие участники тех событий.

Шведская история Выборга продолжалась много веков — вплоть до завоевания города Петром I в 1710 году. Хотя и вечевая Новгородская республика, и позднее Московия, еще задолго до Петра Великого неоднократно пыталась вернуть этот край в свои владения. Наиболее драматичные события разыгрались в ходе осады Выборга русскими в 1495 году.

ВЫБОРГСКИЙ ГРОМ

Именно под таким названием вошла в исторические хроники та самая осада. Осада Выборга тогда стала первым крупным событием русско-шведской войны 1495–1497 годов. Заметно усилившись в правление Ивана III, Россия стала активно заявлять о своих правах на выход к Балтике. Здесь ее политические и экономические интересы ожидаемо схлестнулись с соседней Швецией, привыкшей за предшествующие века феодальной

раздробленности и общей междоусобицы в русских землях чувствовать себя в восточной акватории Балтийского моря более чем вольготно.

Выступив в начале сентября 1495 года из Новгорода с очень значительными силами (до 10 тысяч человек) в поход против Выборга, к концу месяца объединенное московско-новгородско-псковское войско под общим сводным командованием московского воеводы Даниила Щени (его скульптурное изображение есть на памятнике «Тысячелетие России» в Новгородском кремле) осадило

ным валом и рвом, наполненным водой. Опыта осады крепостей столь мощных у России тогда еще просто не было. Под стать крепости были и ее защитники. Противостоявший русскому войску выборгский гарнизон состоял из рыцарей замка (свита коменданта Кнута Поссе), городской стражи, крестьянского ополчения из области

шведскую крепость. И хотя число защитников крепости было меньше числа ее осадивших как минимум втрое, русские столкнулись с очень непростой для себя задачей.

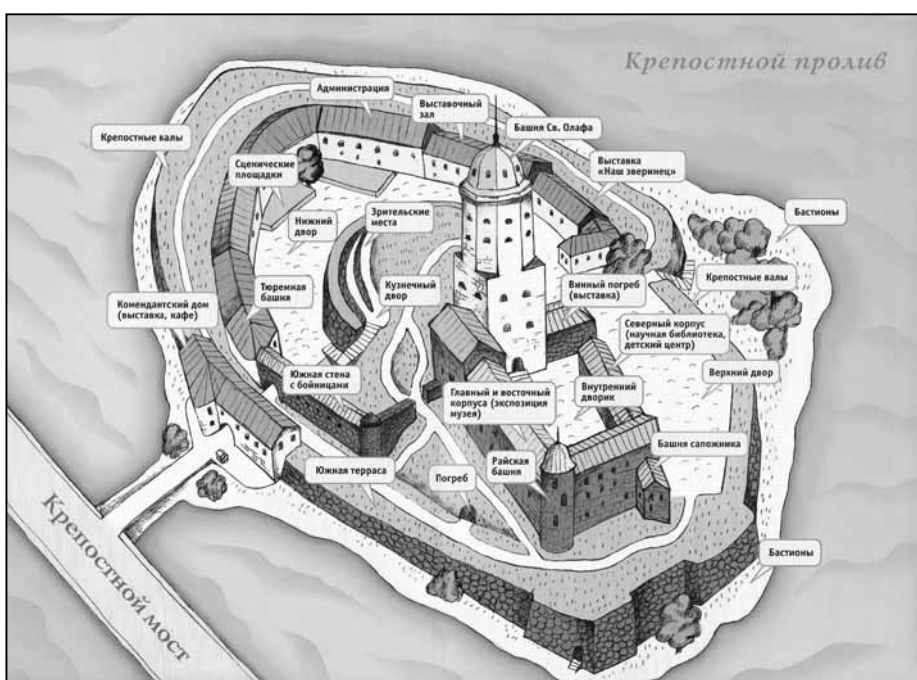
Для своего времени Выборг был одной из лучших крепостей Швеции — в 1470-х году при наместнике Эрике Аксельссоне Тотте город был значительно укреплен: обнесен массивной каменной стеной с девятью башнями и двумя бастионами, дополнительно усилен для обороны земля-

Нюданд, а также отряда немецких наемников числом в полтысячи бойцов под командованием капитана Хартвига Винхольта, которые были специально наняты для защиты города правителем Швеции Стеном Стуре. Кроме того, свой отряд рыцарей прислал в Выборг епископ шведского Або, а еще на защиту крепости под стены города стянулись отряды финского дворянства.

Сдаваться на милость победителя защитники Выборга не собирались

и, сразу после того как кольцо блокады вокруг города замкнулось, стали вести активную оборону, стремясь с помощью метких и дерзких вылазок нейтрализовать осаждавших, разделив их на части. Однако мобильный отряд Выборгского коменданта во главе с Магнусом Фрилле попал в засаду и был практически весь уничтожен. Многие знатные воины попали в плен, в том числе и сам Магнус

вреждена третья. В городской стене образовались проломы, и комендант крепости Поссе приказал спешно насыпать за ними земляной вал. Судьба шведского Выборга висела буквально на волоске — прекрасно понимая это, ранним утром 30 ноября 1495 года воевода Даниил Щеня отдал приказ о решающем штурме крепости. Захватив городские стены и даже одну из башен, русские ворвались

Фрилле. После этого шведы уже не могли предпринимать активных вылазок и перешли к глухой обороне.

Осада между тем затягивалась, а холода с каждым днем становились все сильнее. Когда русские подвезли к стенам Выборга «наряд» (артиллерию), дела осажденных стали совсем плохи. В конце осени московиты начали методичные обстрелы крепости: в результате были разрушены две башни Выборгской крепости и по-

в город. Казалось, падение Выборга неизбежно. Но тут... страшный гром поразил окрестности. Вот как описан самый кульминационный момент осады шведским епископом Магнусом: «Было очень тяжело. Много бед и разрушений принесли нам русские. Город почти пал под их ударами. В то самое время, когда уже готовы были сложить оружие, на небе появился блестящий крест Святого Андреаса, при виде которого наши противники

так испугались, что сразу же обратились в бегство».

Так что же случилось? И почему фактически взявшее город русское войско внезапно бежало прочь, потеряв, как пишет Большая рифмованная шведская хроника, «одного очень дорогого человека, по которому рыдали все русские» (им, вероятно, был лично командовавший штурмом Иван Андреевич Суббота-Плещеев).

А случилось, видимо, вот что. Шведам удалось взорвать городскую башню св. Андрея, в которой хранились большие запасы пороха. Оглушенные страшным грохотом, вкупе с последовавшим мощным взрывом и сильным пламенем, и понесся при этом значительные потери, нападавшие отступили. Атака захлебнулась, и, казалось бы, неминуемое падение Выборга не состоялось. Наступила зима, из-за жестоких холодов, а также начавшейся в Западной Финляндии эпидемии чумы русское войско было вынуждено свернуть свою осаду и, к радости шведов, уйти обратно в Московию.

А «Выборгский гром» вскоре превратился в городскую легенду: каждое последующее поколение дополняло к рассказу свои детали. Так, комендант города Кнут Поссе превратился в колдуна, своими магическими заклинаниями заставившего сильного и коварного врага в страхе бежать из Выборга, а сам взрыв пороховой башни стал «адским котлом», в котором заживо сгорели лютые грешники, дерзнувшие покуситься на хранимый самим Провидением Святой город. Уже в следующем, XVI столетии, шведский исто-

рик Олаус Магнус приводил городскую легенду о таинственной пещере «Смеллен» в окрестностях Выборга, из-за которой русское войско и сняло в 1495 году свою осаду. Пещера якобы обладала чудесным свойством: издавала такой шум или грохот, что наводила жуткий ужас на окружающих и тем самым защищала город от врага, поскольку никто не мог вынести этого шума. Чтобы в мирное время пещера не вредила местному населению, правитель города крепко-накрепко закрывал ведущие к ней двери, а сама пещера была обнесена семью заборами с мощными воротами.

ПАДЕНИЕ ВЫБОРГА

История завоевания Выборга Петром I хорошо известна. В ходе Северной войны после завоевания у швейцарской державы молодой российской армией Нотебурга и Ниешанца и основания молодым царем Московии в устье Невы Санкт-Петербурга, русские стали брать шведские крепости в Ингерманландии одну за другой. Так, бывший тыловой шведской крепостью

на Карельском перешейке Выборг неожиданно для себя вышел на передний край театра боевых действий и стал угрожать существованию только что основанного царем Санкт-Петербурга, на которого у Петра Алексеевича были очень далеко идущие планы. Однако первая попытка захватить Выборг в 1706 году, предпринятая русской армией, оказалась провальной. Обладая практически семикратным преимуществом в живой силе и уже имея опыт взятия таких хорошо укрепленных крепостей в Шведской Ингрии как Дерпт и Нарва, Петр I в течение двух октябрьских недель так и не сумел взять морально устаревшие укрепления Выборга. Воедино сошлись несколько причин: наступившая глубокая осень с ее распутицей, и, как следствие, отсутствием своевременного поступления провианта для армии и фуража для конницы, что вызвало массовый падеж лошадей у драгун. Морская блокада Выборга русскими не была осуществлена, а осадная артиллерия из-за раскисших дорог прибыла

только под самый конец осады, и ее действия особого результата на ход сражения не дали. В итоге раздосадованный русский царь повелел снять осаду Выборга.

Лишь на следующий год после Полтавской виктории, когда о победе России и разгроме армии Карла XII заговорили в Европе, Петр, уже ставший теперь Великим, предпринял новую попытку захвата Выборга. На этот раз она оказалась удачной: 12 июня 1710 года, после почти двух с половиной месяцев полной блокады города как с моря, так и с суши, комендант города полковник Магнус Шернстрале отдал приказ о капитуляции шведского гарнизона. Согласно условиям почетной капитуляции, шведы сдавали русским крепость «на аккорд» — на условиях свободного выхода гарнизона с оружием. Через два дня в Выборг вошел Петр I во главе своего лейб-гвардии Преображенского полка и, по военному обычаю того времени, принял караулы у шведского гарнизона. Однако в нарушении условий договора шведский гарнизон Выборга был арестован «за многие неправды». Русский царь напомнил шведам об их нарушениях военной дипломатии: например, после начала Северной войны в 1700 году и катастрофы под Нарвой шведское правительство не исполнило условий о размене генералов, облегчении участи пленных и, в частности, отпуске русского посла в Стокгольме князя Хилкова (он так и умер в шведском плену), тогда как шведский посол был отпущен из Москвы

на родину. Кроме того, после Полтавской битвы Петр I воспринимал солдат из захваченных русской армией прибалтийских провинций как своих подданных. Лишь после Ништадтского мира 1721 года, пробыв свыше десяти лет в русском плену, Магнус Шернстрале смог вернуться в Швецию. Как ни странно, но на родине его не только не осудили за сдачу двух крепостей в Ингрии (в 1704 году, будучи комендантом Ивангорода, он после падения Нарвы, дабы избежать ненужного кровопролития, сдал русским крепость), но даже повысили в чине до генерал-майора и отдали в командование Саволакский пехотный полк, в котором он служил в молодости.

В честь взятия Выборга в том же 1710 году была выбита специальная медаль: на аверсе — портрет Петра I, на реверсе — план осады Выборгской крепости, аллегорическое изображение победы — орел, преследующий журавля, и надпись по-латыни «ОССУРАТ АВДЕНТЕМ. ОВИД.» («Овладевает дерзким. Овидий»). Взятием Выборга была обеспечена безопас-

ность Петербурга. Выборг, по выражению Петра I, стал «крепкой подушкой» Петербурга. «...и тако чрез взятие сего города Санкт-Петербурху конечное безопасение получено», — писал Петр. А с падением в начале сентября все того же 1710 года шведского Кексгольма весь Карельский перешеек стал владением России.

...С тех пор началась российская история Выборга, которая продолжается по сию пору. Выборгский замок постепенно утратил свое бывшее назначение, став в наши дни музеем. Вот уже почти 30 лет Выборгский замок входит в Ассоциацию замков и музеев Балтийского моря, представляя в ней находящийся в единственном числе на территории России памятник средневекового западно-европейского оборонного зодчества. □

ОГНИВО

— Возил я, значит, одного мужика. Серьезный мужик, в правительстве работал, так он мне все по полочкам и разложил.

Таксист выразительно посмотрел на меня в зеркало заднего вида и заговорщицки подмигнул. Я натянуто улыбнулся. Но таксисту не требовалось мое одобрение. Он уже взалхлеб рассказывал теорию мирового заговора, так сильно жестикулируя руками, что казалось, будто машина едет сама, подчиняясь звуку его голоса. Я закрыл глаза. Заметив мое безразличие, он обиженно замолчал. Но хватило его ненадолго.

— Хоть бы наушники вытащил, — пробормотал таксист, поглядывая в зеркало, — ишь, сидит, важный.

— Это не наушники, а слуховой аппарат, — объяснил я, доставая из уха овальную капсулу.

— Глухой, что ли? — искоса глянул он на меня. Затем, старательно растягивая слова, спросил по слогам: — От бо-лез-ни или с рож-де-ни-я?

Я привык к таким вопросам, и они давно перестали меня смущать:

— Родился нормальным, а потом заболел. В шестнадцать лет. Осложнения после ангины. С аппаратом слышу хорошо, а без него — совсем ничего. Тишина.

— А в аэропорт зачем? Летишь куда? В Москву, поди, на лечение?

— На Урал.

— За огнивом, что ли?

Я вздрогнул. В машине резко стало холодно. Руки покрылись мурашками. Пальцы заледенели, и я непроизвольно сжал их в кулаки.

— Почему за огнивом?

— Ну, ты даешь! — хмыкнул таксист. — Думаешь, один такой умный? Как по телеку репортаж про пришельцев показали, все на Урал едут. Да только

без толку все это. Возил я, значит, одного мужика, он на телевидении работает, так он мне подробно про огниво рассказал. Знаешь, зачем его ищут? Наука тут ни при чем. Биологическое оружие, вот что такое твое огниво! Кто владеет огнивом — владеет миром. — Он помолчал немного, многозначительно выдерживая паузу, потом спросил: — А звать тебя как?

Наверное, подумал, что глухих должны звать как-то по-особенному. Я решил его не разочаровывать:

— Бетховен.

— Тью! — удивленно протянул таксист. — Это как собаку, что ли?

— Как композитора. Он тоже глухой был. В институте придумали, я привык. Таксист неодобрительно покачал головой.

— Я тебе скажу, Бетховен, только между нами. Возил я, значит, одного мужика, а он на разведку работает, нашу, секретную. Так он мне все про это рассказал. Не там они огниво ищут, понимаешь? Все куда лезут? Правильно, в озеро, аккурат, куда корабль свалился. А надо искать в тайге. Они, когда падали, выкинули его из корабля, чтобы не пропало. И потом за ним вернутся. Так что в воду даже не лезь — гиблое дело! А еще лучше, домой езжай. Огниво просто так забрать нельзя. Пришельцы не дураки тебе... А ты чего вдруг ехать решил?

Я махнул рукой, мол, так получилось, и уставился в окно.

Заказ мне подкинул Антоха. Работали мы вместе, но друзьями никогда не были, и я удивился, увидев от него сообщение:

«Есть работа. Серьезные ребята, платят хорошо. Инструмент дорогой, запущенный. Хотят совершенного звука. Рожи бандитские, но слух идеальный. Я уже пятый, кто к ним ходил, а им все не нравится. Ну что, берешь, Бетховен?»

Деньги мне были нужны, и я согласился.

До того, как полностью оглохнуть, я успел навсегда влюбиться в музыку. Наверное, это нельзя даже было назвать любовью — скорее одержимостью. Я узнавал на слух каждую ноту, любой звук, сочетание клавиш. Куда бы я ни шел, музыка неизменно преследовала меня. Цвета, формы, запахи — все это было для меня музыкой. Лето танцевало вальсами Штрауса, осень хандрила скрипичными концертами Вивальди, город разговаривал со мной вторым концертом Рахманинова, а редкие вылазки на природу звучали, как фортепианный концерт Чайковского. Болезнь полностью обеззвучила мой мир. Теперь только работа настройщика давала мне призрачный шанс исполнить детскую мечту: найти совершенную музыку.

Я всегда работал в полной тишине. Вынимал слуховой аппарат, клал руку на инструмент, брал небольшую деревянную палочку и касался струн. Меня не интересовал звук. Вибрация — вот, что мне было нужно. Фальши-

вые ноты всегда выдавали лишние вибрации. Они мешали плавному течению музыки, словно невидимая плотина перекрывала водопад звуков, не давая им свободно двигаться вперед. Как только я чувствовал фальшь, появлялось странное ощущение: жжение на коже, словно маленькие иголочки покалывали пальцы.

Двое бритых парней в черных пиджаках, с одинаковыми хмурыми лицами, стояли за моей спиной и внимательно следили за каждым движением пальцев. Рояль был старый, но, несмотря на возраст, звучал чисто. Я чувствовал это с каждым прикосновением. Вибрации: невесомые и нежные, словно крылья бабочки, целовали подушечки пальцев, проникали сквозь кожу, растворялись в крови, погружая меня в транс.

Через два часа все было готово. Они по очереди подошли к роялю, потыкали на клавиши. Переглянулись. «Подходит».

Один достал кошелек и, отсчитывая купюры, спросил:

— Тебя как звать?

— Бетховен.

Пальцы, пересчитывающие деньги, застыли на мгновение. Я заметил татуировку на указательном — перевернутую восьмерку, знак бесконечности.

— Как собаку, что ли?

— Композитор такой был. Глухой, — пояснил я.

— Ты, значит, тоже композитор? — спросил второй.

— Нет, — ответил я, — просто глухой.

— И что, не лечится?

— Лечится. Надо в Германию ехать. На операцию. А это дорого.

Парни переглянулись.

— Дело к тебе есть, Бетховен. Денежное. Про огниво слышал? Так вот...

Все было так, как предупреждали бритоголовые. В аэропорту меня встретил молчаливый мужчина, довез до гостиницы, сунул в руку бумажный пакет.

— Карта, — пояснил он, — в лесу пригодится.

Утром он же вывез меня из города, высадив на окраине, махнул рукой в сторону леса: «туда», и дал по газам. Я проводил взглядом громыхающий «уазик» и пошел по дороге, ведущей в чащу.

«Первый ориентир — шлагбаум, смело пролезай под него и иди дальше, метров через пятьсот увидишь «жигуль», ржавый, без колес. После этого будь начеку, скоро начнется...»

Зверь сидел на поляне, спиной ко мне. Задрал голову, он, не отрываясь, смотрел в небо, словно ничего больше не заслуживало его внимания. Я за-

стыл на месте. Длинная, пшенично-желтая шерсть зверя блестела так ярко, что, казалось, я мог разглядеть свое отражение на гладком зеркальном боку. Лохматый хвост полумесяцем укрывал лапы, а острые уши с пушистыми кисточками вздрагивали, стоило хрустнуть ветке или птице вспорхнуть с дерева.

«Как его увидишь, вырубай свой наушник».

Зверь обернулся. Глаза, большие, круглые, словно чайные блюдца, равнодушно разглядывали меня. Я потянул руку к наушнику, и тут зверь запел. Тонкий, протяжный звук наполнил лес, и я застыл, парализованный тоскливым, рвущим на части душу воем. Одиночество, боль, страх — вслед за песней зверя я погрузился в зыбкие волны безысходности.

Хрустнула ветка, и я резко обернулся. Сзади стоял мужик. Высокий, худой, в рваной, запачканной грязью куртке. В руке он сжимал топор. Вместо левого глаза зияла черная пустая глазница, тонкие запекшиеся от крови губы беззвучно шевелились. Страх мурашками пробежал по спине. Мужик криво усмехнулся и беззвучно зашевелил губами. Я как замороженный смотрел на него, пытаюсь прочесть по губам немое послание. Мужик захрипел, широко открыв рот, обнажая черные беззубые десна. В глубине рта вместо языка шевелился маленький обрубок.

«Если не успеешь, хана тебе, Бетховен. Просто беги!»

Я несся по лесу, забираясь в самую чащу, ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду, а сзади я слышал хриплое дыхание мужика. Я устал быстро. Каждый шаг отдавался острой болью в боку. Цветные пятна прыгали перед глазами, в ушах звенела жуткая песня зверя. Запнувшись о корягу, я полетел вперед, упал, больно ударившись коленом, попытался встать, но сверху уже навалился мужик, с силой двинул по спине, вдавил в землю. Не давая шевельнуться, он обшаривал мои карманы, со злостью выбрасывая на землю их содержимое. Прерывистое дыхание переросло в злобное мычание. Он вскочил, схватил меня за грудки, с легкостью, словно я был соломенной куклой, поднял с земли и прижал к дереву. Лицо, желтое, покрытое темными пятнами смерти, перекосило от злости. Запах гниющей плоти ударил в ноздри, длинные костлявые пальцы сжали горло. Воздух быстро закончился, я дернулся, пытаюсь вырваться, наушник упал на траву. И сразу, как по волшебству, стало тихо. Музыка замолчала, мужик исчез.

«Если выживешь — иди вперед. Все равно куда, он сам на тебя выйdet».

Я брел по узкой тропе, не включая слуховой аппарат. Тишина не пугала, наоборот, сейчас она была моим лучшим другом. Лесных зверей я не боялся. Никто не тронет меня, да и откуда тут звери, если эта тварь способна вызывать такие слуховые галлюцинации.

Девушку я заметил издалека. Вернее, почувствовал покалывание в кончиках пальцев. Она сидела на земле и, закрыв лицо руками, плакала. Я долго не решался подойти. Выглядывал из-за кустов, пытаюсь понять, насколько она реальна. Устав плакать, девушка поползла к дереву, легла, сжавшись в комок, и затихла.

— Эй! — позвал я.

Она не шелохнулась.

— Ты кто?

В ответ — тишина.

— Что ты тут делаешь?

Молчание.

Я осторожно подошел к ней и тронул за плечо. Увидев меня, она дернулась, лицо исказилось ужасом, губы безмолвно зашевелились. Она схватила меня за рукав, притянула к себе. Я испуганно отшатнулся, но девушка продолжала что-то беззвучно бормотать.

Я вставил наушники.

— Помогите, помогите, — повторяла она, всхлипывая, — выведите меня отсюда, пожалуйста!

— Ты кто? Как ты сюда попала?

Она, словно не слыша, все повторяла и повторяла одно и то же:

— Помогите, заберите меня отсюда, заберите...

— Ты кто? — заорал я и, схватив ее за плечи, начал трясти.

Она замолчала, испуганно озираясь по сторонам, затем прошептала:

— Не надо кричать. Я все равно ничего не слышу, я — глухая.

— Что ты тут делаешь?

— Нас привезли сюда. Двое мужчин. Сказали — будут ждать в лесу. Остальные, когда мы пришли сюда, словно сошли с ума. Стали бегать, орать, потом разбежались в разные стороны. Я осталась одна. Звали их, но никто не пришел. Мне страшно. Помогите мне! — Она всхлипнула и уткнулась мне в плечо.

Я поднял ее лицо за подбородок и приказал:

— Читай по губам. Те двое говорили, зачем вы идете?

Она отрицательно замотала головой, а потом шепотом добавила:

— Я должна была чувствовать опасность и предупредить остальных. Но я ничего не смогла. Они думали, раз я глухая, то смогу понять заранее, поймаю вибрацию. А я так не умею.

— Ты их обманула?

Она кивнула и вытерла слезы.

— Зачем?

— Мне деньги нужны. Они обещали хорошо заплатить.

— Ясно. Значит, не только меня наняли. Пойдем со мной. Если я вдруг начну странно себя вести, бегать и орать как сумасшедший, вытаскивай мои наушники. Поняла? Если буду сопротивляться, можешь бить. Я разрешаю.

Девушка медленно поднялась, отряхнула одежду и впервые за время нашего разговора улыбнулась. Я заметил, что глаза у нее голубые, а возле губы родинка.

— Как тебя зовут? — спросила она и почему-то покраснела.

— Бетховен. Но это не в честь собаки, не думай.

— Я и не думала. А меня — Вера.

Я кивнул и пошел вперед. Вера двинулась следом. Я так и не решил, могу ли доверять ей, и поначалу прислушивался, отмечая ее шаги и тихое прерывистое дыхание. В какой-то момент, задумавшись, я совершенно забыл о ней, пока вдруг не почувствовал полную тишину. Никто не шмыгал носом, не шаркал ногами, не вздыхал. Я обернулся.

Зверь стоял за моей спиной. Здоровенный, лохматый, огненно-рыжий, с огромными, словно суповые тарелки, глазами.

Я потянулся к наушнику, а зверь, вытянув морду, завыл...

Лес начал меняться. Деревья уменьшились в размерах, а трава, наоборот, выросла, стала гуще. Мы стояли посреди степи. Вокруг гремели взрывы, полыхал огонь, кричали люди. Девушка с голубыми глазами и родинкой возле губы смотрела на меня, беззвучно шевеля губами. Громко ударили барабаны, взвыла труба. Звуки военного марша наполнили степь.

— Бежим! — крикнул я.

За спиной раздалась пулеметная очередь. Пуля со свистом пролетела совсем близко, оцарапав щеку, я бросился, не разбирая дороги, петляя, как заяц. Я не знал, зачем они хотят убить нас, кто эти люди, и что вообще происходит, но единственное, чего я хотел, это спрятаться, закрыть голову руками, чтобы не слышать больше грозной, убийственной музыки, не чувствовать сводящий с ума страх смерти. Вера бежала рядом.

Она первая заметила спуск в туннель. Схватилась за меня, замахала руками: «вниз». Размышлять было некогда. Мы нырнули в туннель одновременно. Ледяная вода обожгла ноги, кроссовки мгновенно промокли. Я шел вперед по темному, заполненному водой лазу, Вера брела сзади. С каждым метром проход уменьшался, а вскоре и совсем стал узким и низким. Тонкая струйка света исчезла, и мы остались в полной темноте. Звуки марша стихли. Тревожная, пугающая тишина заполнила туннель. И сквозь густую, вязкую стену

безмолвия я почувствовал тонкий, зудящий звук. Звук постепенно нарастал, превращаясь в монотонный стрекот.

Что-то коснулось щеки, поползло за шиворот. Вера истошно завизжала. Я прижался к стене. Колотил себя по ногам, телу, пытаюсь избавиться от облепивших насекомых. С каждой секундой их становилось больше. Стая саранчи гудящей тучей заполнила все пространство туннеля. Они ползали по голове, падали за шиворот. Царапаясь острыми лапками, насекомые лезли в уши. Стараясь вытащить их, я со всей силы ткнул пальцем в ухо, яркая вспышка боли острым гвоздем пронзила голову. Я закричал, упал на колени. Кто-то толкнул меня в спину, и я полностью погрузился под воду. Вода оглушила, возвращая в реальность. Я уперся руками в дно, кончики пальцев обожгло, словно я дотронулся до раскаленной сковороды, и звуки потекли по венам. Опираясь на стену, я поднялся и побрел вперед. Темнота по-прежнему окружала меня, но теперь вместо оглушающего, сводящего с ума стрекота у меня была музыка. Она дарила надежду, звала вперед, я шел к ней, зная, что она обязательно выведет к свету, даруя спасение.

«Пройдешь второго — считай, заново родился. Больше аппарат свой не включай, а лучше выкинь на хрен. Третий — особенный. Увидишь — поймешь».

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я выбрался наружу, наступила ночь. Я был один, в лесу, моя спутница, если она и существовала, осталась в тоннеле. Зудящая боль в пальцах не проходила. Я поднес руку к глазам. Кожа на пальцах сморщилась, покраснела, покрылась волдырями. С такими пальцами я вряд ли смогу работать настройщиком. По щеке к шее стекала горячая струйка крови. Я тронул онемевшими пальцами уши. От прикосновения болью пронзило затылок, цветные пятна поплыли перед глазами, тошнота подкатила к горлу. Идти дальше не было смысла. Я лег на траву, включил слуховой аппарат и стал ждать зверя...

В небе зелеными огоньками танцевали светлячки. Они сбивались в стайку, которая росла с каждой секундой, и скоро огромный мерцающий шар из миллиарда крошечных светлячковых тел завис надо мной. Я протянул руку, дотронулся до него. Шар дрогнул, брызнул в разные стороны сверкающими огоньками, словно кто-то запустил в небо салют. Светлячки замерли на секунду в небе, а потом снова начали сближаться. Но теперь они собирались не в шар, а в созвездия. И каждое из них звучало по-своему. Лебедь плакал звуками джаза, прощаясь с любимой. Тяжелой поступью имперского марша шла Большая Медведица, яркими брызгами польки неслись по небу Гончие псы. Но последняя фигура из летающих звездочек казалась мне неизвестной. Музыка, которую я никогда не слышал раньше, заполнила лес. Огромный зверь, с глазами желтыми и большими словно луна, плыл по небу.

Шерсть искрилась тысячью огоньков, он то и дело протягивал сияющую лапу и дотрагивался до блестящей в небе звезды. В ту же секунду звезда гасла, а зверь плыл дальше. Его лапа протянулась ко мне. Я схватился за нее, он зарычал, пытаясь вырваться. Но я уже чувствовал, как звуки, из которых состояло его тело, текут по моим пальцам, наполняя музыкой, делая меня частью зверя. Зверь тускнел, становился меньше и вскоре совсем исчез, растворившись в вечерней прохладе.

Небольшой кусок кремня и длинный металлический стержень, привязанный к нему плетеной нитью, упал на землю. Я поднял его. Кремень — холодный, словно я держал в руках кусок льда, был весь в царапинах. Огниво! Я чиркнул стержнем по кремню, высекая искру.

Звуки реквиема оглушили лес. Орган, контрабас, виолончель, я знал каждую партию. Вдруг поднялся ветер. Лес за моей спиной шумел, стонал, сосны скрипели, качаясь в такт музыке. Еловые ветки похоронными венками укрыли землю.

Теперь я услышал скрипку. Тонкий, плачущий звук. Светлячки окружили меня, окутав блестящей шалью. «Кто владеет огнем — владеет всем», — вспомнил я и усмехнулся.

Огнем нельзя владеть, огниво — иллюзия, порождающая иллюзии. Оно владеет нами, создавая для каждого мир, доступный его пониманию. Огниво выбрало меня, чтобы я охранял его, защищая от назойливых глаз. За это я могу создавать для себя любой мир, какой захочу. Могу уничтожить землю или стать ее хозяином. Могу осушить мировой океан, вернуть динозавров, растопить вечные льды. Все мыслимые и немыслимые сокровища принадлежали мне. Но ничего из этого я не хотел.

Было лишь одно желание, что с детства сводило меня с ума, заставляя просыпаться ночью и с замиранием сердца прислушиваться к шорохам за окном. Я мечтал найти совершенный звук. Только он имел смысл и создавал гармонию. В поисках совершенного звука я настраивал сотни инструментов, выискивая его в каждой ноте, но так и не смог достичь идеала.

Я закрыл глаза, прислушался. Сердце забилось так сильно, словно собиралось проломить грудную клетку и выскочить наружу. Я опустился на траву и чиркнул огнем...

Музыка, шелест, шорохи, все стихло, словно Землю накрыли огромным стеклянным куполом. Мир наполнился совершенным звуком — тишиной. Два зверя, сотканые из света и тишины, подошли ко мне и опустились рядом. В отражениях их глаз я видел поляну, огромные сосны и себя: белого с рыжими подпалинами пса, с огромными, горящими, словно два солнца глазами. Я лежал на траве, положив мохнатую голову на лапы, и впервые, по-настоящему был счастлив. □

Дмитрий Никаноров

Дмитрий Никаноров — молодой талантливый оперный певец, солист оперной труппы Московского академического музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, является также приглашенным артистом Московского академического Театра оперетты. В его репертуаре: Ленский («Евгений Онегин»), Дон Хуан («Влюбленный дьявол»), Граф Альмавива («Севильский цирюльник») и другие партии. Он также участвует в концерте-спектакле «Зимний вечер в Шамону».

«Услышав голос Лучано Паваротти, я окончательно осознал, что хочу посвятить свою жизнь опере»

— Дмитрий, в Московском музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко состоялась премьера спектакля "Севильский цирюль-

ник" Россини, в постановке художественного руководителя, режиссера Александра Тителя, в спектакле вы исполняете партию графа Альмавивы... Расска-

*Д. Никаноров —
Граф Эссекс*

Справа:

*Д. Никаноров —
Мальвольо*

жите, пожалуйста, об этом событии в вашей творческой жизни.

— Партия Графа Альмавивы — моя первая по-настоящему серьезная и главная работа в оперном театре. Для меня было приятным сюрпризом услышать новость о том, что в нашем театре планируется возобновление оперы «Севильский цирюльник». И эту прекрасную новость мне сообщила мой коуч и пианист Светлана Ефимова. Светлана поверила в меня, и мы срочным образом взялись за работу над партией. Надо сказать, что наше знакомство со Светланой состоялось в театре во время постановки оперы Александра Вустина «Влюбленный дьявол», и эта встреча для меня стала определяющей, так как в дальнейшем именно благодаря совместной работе со

Светланой мы пришли к репертуару, в котором мой голос раскрывается. ... И это именно музыка Россини. Она легкая, искрящаяся, полная жизни и света, но требует колоссальных усилий для певца. Он должен обладать кантиленой, подвижностью в голосе. Во время исполнения на контроле должно быть все: дыхание, слово, а также управление вокальным аппаратом.

— «Севильский цирюльник» — это классическая или современная постановка режиссера Александра Тителя?

— Действие происходит в послевоенной Италии 60-х годов. На сцене воссоздана эпоха неореализма, напоминающая стиль и атмосферу фильмов великих итальянских ре-

жиссеров Витторио де Сика, Федерико Феллини...

Несмотря на это, постановка очень современна и актуальна для сегодняшнего зрителя. Россиниевские герои очень живые и понятные. В спектакле выверены каждая нота, каждый поворот головы, каждая мизансцена. Именно благодаря этому спектакль смотрится легко и непринужденно, но на самом деле он очень сложен технически. Сложность партии заключалась в том, что нужно соединить весь сделанный в классе музыкальный материал с рисунком и иными задумками режиссера. Нами была проделана огромная работа, актерская, языковая, стилистически-музыкальная.

— Как в вашей жизни появилась музыка?

— Я вырос в очень музыкальной семье, все мои родные в разной степени занимались музыкой, играли

на музыкальных инструментах, но никто не продолжил свой путь в этой профессии. Я же, наверное, другого для себя не желал. С детства занимался пением и по стопам старшего брата окончил музыкальную школу по классу хорового дирижирования. После продолжил обучение, чтобы подготовиться к поступлению в колледж эстрадно-джазового искусства имени Гнесиных. А самое первое мое выступление на сцене состоялось в возрасте трех лет, мы вместе со старшим братом исполнили песню в школе, где наша мама работает учителем математики.

Но для меня и моей семьи этот путь был не таким простым и легким, как может показаться. Чтобы повышать свои профессиональные вокальные навыки, необходимо было брать частные уроки и ездить на занятия в столицу, так как в моем городе были достаточно огра-

*Д. Никаноров —
Достигаев*

Справа:
*С пианистом-
коучем
Светланой
Ефимовой*

ниченные возможности. И только когда я уже поступил в колледж, я узнал, насколько дорогими и финансово неподъемными были эти уроки для нашей семьи, маме приходилось больше работать и отказывать себе во многом. И все это ради моего будущего.

Можно было, конечно, выбрать и другую профессию. Я хорошо знал химию, был силен в точных науках, но больше всего в жизни я любил и люблю петь! Мама это видела и знала. Только благодаря ей, ее желанию, ее силе духа, любви и смелости я стал певцом и сегодня выхожу на сцену.

— Расскажите, пожалуйста, как вы пришли к оперному искусству, и кто вам в этом помог?

— Удача — огромное составляющее профессии актера и певца.

В колледже меня распределили к педагогу Рощину Константину Викторовичу, он перед выпуском рекомендовал поступать в театральный институт. В тот год как раз был набор в ТИ им Б. Щукина на курс музыкального театра для Московского академического Театра оперетты. Художественными руководителями курса были ректор института, народный артист Евгений Князев и директор театра «Московская оперетта» Владимир Тартаковский, музыкальный руководитель курса — Татьяна Николаевна Агаева. На курсе работали приглашенные педагоги по вокалу: народный артист Герард Васильев, заслуженный артист Николай Васильев, народная артистка Людмила Георгиевна Иванова.

И вот снова мне повезло, спустя год обучения в институте меня перевели в класс к Николаю Ивановичу Васильеву — профессору, соли-

сту Большого театра, тенору, ученику великой оперной певицы Ирины Архиповой.

С Николаем Ивановичем мы стали заниматься классической постановкой голоса. Признаться честно, мне абсолютно не нравилось, как тогда звучал мой голос в этом жанре, ведь я в основном пел эстраду, и оперное искусство мне было неизвестно. Но однажды случилась ситуация, которая перевернула мое отношение к этому жанру. Подбирая репертуар на экзамен, Николай Иванович настоятельно рекомендовал мне послушать и выучить арию Рудольфа из оперы Пуччини «Богема». Ранее эту арию я никогда не слышал. Но когда нашел запись арии в исполнении Лучано Паваротти, то от услышанного не мог сдержать эмоций, так точно эта музыка попала в меня... И я окончательно осознал, что хочу посвятить свою жизнь опере. Вот какой силой может обладать человеческий голос! Поэто-

му именно благодаря моему педагогу я открыл для себя мир оперы и пробудил в себе любовь к этому великому искусству.

— И благодаря великому Лучано Паваротти!

— Конечно.

— Помимо службы в МАМТ имени Станиславского и Немировича-Данченко вы также являетесь приглашенным артистом Московского государственного академического Театра оперетты...

Театр оперетты — это моя самая первая профессиональная сцена. В 2016 году после

победы на конкурсе молодых исполнителей музыкального театра «Оперетта Ленд» дебютировал в роли Принца в мюзикле «Золушка» (постановка режиссера Жанны Жердер). Я очень трепетно отношусь к этому спектаклю и рад быть частью этой доброй сказки. А уже в 2017 году меня и моих однокурсников Жанна Эдуардовна пригласила играть в мюзикле «Брак по-итальянски», где я и по сей день исполняю роль старшего сына Филумены.

В настоящее время активно проходит репетиционный период постановки оперетты «Королева Чардаша» режиссера Валерия Архипова. Я ис-

полняю роль графа Бони, а премьера спектакля планируется летом.

— Заведующий кафедрой актерского мастерства Павел Любимцев, когда рассказывает поступившим абитуриентам про выпускников Щукинского училища, говорит, что двое из них стали оперными певцами — народный артист СССР, бас Артур Эйзен, выпускник 1948 года и молодой, талантливый тенор Дмитрий Никаноров — выпускник 2018 года.

— Такое упоминание поистине ценно и лестно для меня. Павел Евгеньевич успел уже побывать на премьере «Севильского цирюльника», чему я, безусловно, рад.

— Как вы пришли в музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко?

— После третьего курса с Николаем Ивановичем готовились к прослушиванию в Молодежную Оперную программу Большого театра. Дошел до второго тура прослушивания на Новой сцене Большого театра, а дальше, увы, не пропустили. Затем сразу был отбор на конкурс Бельведер в театре «Геликон-опера». И после небольшого затишья Александр Борисович Титель, узнав обо мне, связался с Николаем Ивановичем, и они договорились о прослушивании. Александр Борисович, как раз искал тенора. Как и договорились,

Слева:

*Д. Никаноров —
Мальвольо*

*Опера
«Севильский
цирюльник».*

*Граф
Альмавива*

спел с оркестром арию Рудольфа из «Богемы», арию Ленского из «Евгения Онегина», романс Неморино из «Любовного напитка» и показательную для тенора каватину Тонио из оперы «Дочь полка» Доницетти с девятью «до». Программа сложная и требовала особой выносливости, для театра это очень важный показатель. Конечно, я сильно волновался.

После прослушивания меня пригласили в зал, и Александр Борисович легко и непринужденно спросил: «Ну что, пойдешь к нам?» — «С удовольствием!» — ответил я. Наша профессия, это как марафон, важно поверить в начинающего певца, дать ему шанс. Александр Борисович дал мне этот шанс.

Я не мог не сообщить об этом решении руководству Театра оперетты, потому что меня и моих однокурсников ждали после выпуска из института. С директором театра Вла-

димиром Тартаковским у меня состоялся очень профессиональный разговор, по итогу которого было решено, что я продолжу играть в спектаклях театра и всегда буду рад новым приглашениям.

В 2018-м начал служить в МАМТе, первый спектакль был «Фрау Шиндлер» Томаса Морса, затем дебютировал в партии Ленского в опере «Евгений Онегин». Параллельно началась работа над мировой премьерой оперы «Влюбленный дьявол» Александра Вустина.

— Вы подготовили партию графа Альмавивы в «Севильском цирюльнике» с пианисткой Светланой Ефимовой. Светлана работает с лучшими певцами мира!

— Да, мне несказанно повезло. Светлана для меня больше, чем просто пианист-коуч, это по-настоящему

чуткий человек и гений своего дела. Для певца большая редкость встретить профессионального пианиста, ведь именно этот человек становится ВСЕМ в профессии, непосредственно готовит партии и следит за голосом. Светлана — мое ухо, мой наставник. Человек, который обладает фантастическим знанием музыки, стиля, иностранных языков. Светлана работает с лучшими дирижерами мира и топовыми певцами. Она до последнего дня работала с гениальным Дмитрием Хворостовским и всегда приводит в пример его отношение к работе, то, как он жил, какие у него были ценности, ориентиры в искусстве.

Чтобы достичь действительно высокого результата, мало просто петь. Нужно неустанно совершенствоваться, искать новые грани. Эту возможность мне сегодня дает Светлана. Мы каждый день ищем «правильный звук», свободу голоса и тренируем координацию. В Щуке нам говорили так: «Нельзя научить, можно только научиться!» Я абсолютно согласен с этим утверждением. Учиться и только учиться! Музыкальный театр беспощаден, ошибки недопустимы. Сцена, она как лупа, приумножает хорошие положительные качества и оголяет плохие отрицательные.

— Что посоветуете нынешним студентам?

— Еще будучи студентом, я очень хорошо запомнил правило «трех Т»,

которому нас учил Евгений Владимирович Князев. Не забывайте, что в первую очередь в нашей профессии важно трудолюбие, потом терпение и только в последнюю очередь — талант. А вообще это касается, конечно, не только студентов, но и уже сложившихся актеров, певцов.

Очень важно не сравнивать себя с кем-то другим, а сравнивать себя с самим собой вчерашним и стараться быть лучше.

— Расскажите об особенностях певческого голоса...

— Работа с голосом — это каждодневная работа. Он меняется и взрослеет вместе с нами, он очень капризен. Не зря итальянцы сравнивают голос с женщиной, никогда точно не знаешь, как он поведет себя сегодня. К любому голосу нужно относиться с трепетом. Тем более к высоким голосам, например, тенорам, как у меня. Многие шутят, что тенор — это отклонение от нормы. Соглашусь только с тем, что тенор — редкий голос. В России, например, из-за специфики речи всегда преобладали крупные низкие голоса, басы, меццо-сопрано, баритоны, драмтенора. Это в нашей природе, ничего с этим не поделать. Были, конечно, знаменитые лирические тенора, такие как Леонид Собинов, он всю свою жизнь учился, ездил в Италию брать уроки, итальянцы его даже опасались. Сергей Лемешев, мой земляк, из деревни Старое

*С Евгением
Князевым*

Князево Тверской губернии, удивительной красоты голос и невероятной музыкальности человек. Каждый раз включая его записи, обязательно нахожу много нового.

— Существует расхожее мнение, что оперному певцу нежелательно много говорить в бытовой жизни...

— Длительные разговоры для начинающего певца, да еще и не очень опытного — это не очень хорошо. На 3-м курсе я даже прогуливал занятия по сценической речи, так как понимал, что там я потеряю то, что наработал на уроках вокала. Драматическая постановка голоса имеет другую специфику работы голосового аппарата, в основном задействуются связки и мышцы. В пении

так нельзя. Резонаторы, дыхание, опора, правильная атака звука — все должно работать точно до каждой мелочи, если вдруг появился зажим, это может привести к серьезным последствиям. К голосу нужно относиться бережно.

— Что пожелаете сегодняшним зрителям?

— Хочется, чтобы люди приходили подготовленными и не относились к театру как к увеселительному заведению. Мне очень обидно, когда театр скатывается до развлекательной вечерней программы. Хочется, чтобы люди открывали что-то новое в себе, а это требует усилий, и искусство им в этом поможет! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Мэри Кассат

Ирина Опимах

*Мэри Кассат.
Автопортрет*

Среди картин американских художников, представленных для показа на Всемирной Парижской выставке 1878 года, была и эта, называвшаяся «Девочка в синем кресле» — уставшая, видно, от игр и забав девчушка готова вот-вот вскочить и снова бежать куда-то из этого мира взрослых, которые велели ей угомониться хоть на пару минут... Автором картины (небольшой, 89,5x130 см) была молодая художница Мэри Кассат.

Жюри отклонило работу.

«Я была в ярости, — писала возмущенная Кассат. — Именно в этом году жюри состояло всего из трех человек, один из которых был фармацевтом». («А судьи кто?»)»

Но уже в следующем, 1879 году милая девчушка, а вместе с ней и художница, покорили зрителей, увидевших картину на четвертой выставке импрессионистов. А Мэри Кассат стала полноправным членом сообщества импрессионистов.

«Девочка в синем кресле»

Мэри Стивенсон Кассат родилась в 22 мая 1844 года в штате Пенсильвания, в городке Аллегени. Ее родители были очень обеспеченными людьми: отец, Роберт Кассат, — преуспевающий биржевик, да и мать, миссис Кэтрин Кассат, происходила из весьма успешного банкирского семейства. Кассаты любили Европу, эти уютные европейские города, в которых так остро чувствовалось дыхание истории, а потому часто бывали в Старом свете. Когда Мэри исполнилось 7 лет, семейство в очередной раз отправилось сначала в Париж, а затем — в Германию, в Гейдельберг и Дармштадт (в этом

городе старший брат Мэри с увлечением изучал инженерное дело).

Родители Мэри были богаты, а потому их принимали в лучших домах европейской аристократии, и Мэри полюбила эту утонченную атмосферу, а еще овладела почти всеми европейскими языками, что впоследствии очень ей помогло.

В 1855 году в Париже с мая по ноябрь проходила Всемирная выставка, и, конечно же, Кассаты должны были побывать там. На выставке публика могла увидеть не только достижения промышленности и сельского хозяйства, но и лучшие картины современных худож-

*«Дама
в жемчужном
ожерелье»*

Справа:
«Мандолинистка»

ников. И маленькая Мэри с восторгом рассматривала полотна двух величайших художников Франции — классициста Энгра и романтика Делакруа, таких разных, но, вместе с тем, таких ярких. Наверное, именно тогда, в Париже, стоя перед полотнами французских художников, Мэри решила стать художницей. У нее неплохо получалось рисовать, и в 1861 году она поступила в Пенсильванскую академию искусств и проучилась там четыре года. Ро-

дители были вполне ею довольны — легкий налет художественного образования совсем не вреден для барышни из приличной семьи, которую ждет достойное замужество. Но замужество — о, это было совсем не то, о чем мечтала Мэри! Она поедет в Европу, дабы там продолжить обучение — она хочет стать настоящей художницей! Родители были в шоке. Совсем иное будущее они видели для своей дочери. Никуда она не поедет! — зая-

вили ей мистер и миссис Кассат. Но Мэри было не так-то просто сломить. Больше года она боролась за свою мечту, и, в конце концов, родители смирились. В 1867 году Мэри в сопровождении матери приехала в Париж.

В это время в Париже по-прежнему главенствовало классическое направление, но новое искусство в лице Мане и его друзей потихоньку пробивало себе дорогу. В то время женщины не имели право учиться в академии художеств, а потому она стала брать уроки в студии художника Шарля Шаплена — это было одно из очень немногих мест, где дамам разрешалось учиться живописи. Мэри изучала картины Мане и Курбе, ходила в Лувр и внимательно рассматривала полотна старых мастеров. И вот первый, и вполне заслуженный, успех — в 1868 году ее картина «Мандолинистка», написанная вполне реалистично, была принята жюри Салона.

Из-за начавшейся франко-прусской войны Мэри пришлось вернуться домой, но долго она там не усидела — ну как можно тратить время в этой глухой провинции, когда в Париже бурлит настоящая жизнь! Однако отец отказался спонсировать ее прихоти, и, казалось бы, она была обречена сидеть дома. Но тут ей повезло — архиепископ Питтсбурга заказал ей сделать копии полотен Корреджо, которые находились в Парме, и Мэри отправилась в Италию! Ее работа понравилась и была неплохо оплачена,

что дало ей возможность побывать и в Испании, увидеть там работы старых испанских мастеров, а потом вернуться в свою любимую Францию.

И она была права, стремясь в Париж! Уже в 1874 году в фотоателье на бульваре Капуцинов открылась выставка группы художников, которые войдут в историю искусства как импрессионисты — это Моне, Дега, Писсарро, Моризо и другие. Теперь Мэри окончательно решила — именно так она и хочет работать, так, как эти живописцы, на картинах которых все такое живое — люди, небо, солнце, воздух, где краски создают жизнь.

А потом и будущие импрессионисты ее заметили. Увидев на Салоне 1874 года портрет ее кисти «Ида», Эдгар Дега пришел в восхищение.

«Это гениальная работа, — писал он, весьма скупой на похвалы, своему другу. — Она запала мне в сердце. Она чувствует так же, как я».

А Мэри уже давно была заочно влюблена в Дега. Его работы очень ей нравились, она уже многому научилась у мсье Дега и изучала его картины, как вспоминала сама Мэри, «приклеив нос к витрине одной из парижских галерей, вбирая в себя, насколько это возможно, его стиль».

В 1877 году они, наконец, встретились — один из общих знакомых привел Дега в мастерскую Кассат. Дега, строгий, желчный, ироничный, женоненавистник, уверенный в том, что женщина пригодна лишь для определенных занятий, проникся

Слева:

«Лето»

Слева:

«Тореадор»

«Ида»

уважением к этой независимой американке и тут же предложил ей выставиться с ним и его друзьями. Мэри, понятное дело, была счастлива и немножечко горда. Позже она рассказывала: «Теперь я могла работать спокойно и независимо, без оглядки на жюри. К тому времени я уже начала понимать, кто они, настоящие мастера, и восхищалась Мане, Курбе и Дега. И тогда я навсегда оставила закованную в рамках условностей живопись и начала просто жить».

Так Мэри стала верным членом союза импрессионистов. Она выставлялась на их выставках не раз — в 1879, 1880, 1881 и 1886 годах. Ее картины нравились и публике, и критикам, и даже самим художникам, ее коллегам, что бывает не так уж часто. Так, к примеру, Гоген, сравнивая ее с работами другой дамы-импрессионистки Берты Моризо, говорил: «Картины миссис Кассат не менее очаровательны, чем картины Моризо, но при этом намного сильнее».

*Портрет
Мэри Кассат
работы
Эдгара Дега*

Она всегда считала себя ученицей Дега. Их многолетняя дружба продолжалась 40 лет! Конечно, Дега не был в нее влюблен в обычном смысле слова, но они стали очень близкими по духу людьми. Они одинаково понимали искусство, понимали, что такое настоящее творчество. Они вместе ходили на выставки, в гости к друзьям, вместе работали, экспериментировали с новыми материалами, техниками, приемами, помогали друг другу. Так, к примеру, исследователи обнаружили, что в картине «Девочка в синем кресле»

присутствуют мазки, сделанные кистью Эдгара Дега. (После этого открытия команда экспертов Вашингтонской Национальной галереи, где хранится картина, решила продолжить исследования полотен обоих художников. Результатом их работы стала выставка «Дега — Кассат», прошедшая в 2017 году в Вашингтонской Национальной галерее.)

Конечно, в артистических кругах Парижа ходили слухи, что Дега и Кассат — любовники, но, скорее всего, это было не так, их отношения были чисто платоническими. Кассат

была воспитана в строгих правилах, а Дега — тот однажды сказал своему приятелю: «Я бы женился на ней, но не смог бы заниматься с ней любовью». Их связывали гораздо более значимые вещи, чем секс — творчество, искусство, желание создать нечто значимое... Он не раз писал портреты Мэри, и в этих портретах — его глубокое уважение к ней, тепло-дружеское, а может, и что-то большее... К сожалению, не сохранилась их переписка, и мы можем только догадываться о том, что эти две ярких личности испытывали друг к другу.

Их отношения не всегда были радужными — Дега частенько отпускал едкие замечания, которые глубоко ранили обидчивую Мэри, они подолгу не разговаривали...

В 1877 году в Париж переехали родители Мэри и серьезно болевшая старшая сестра Лидия. Наверное, Кассаты надеялись, что французские врачи ее вылечат. Мэри, обожавшая сестру, забросила живопись и принялась ухаживать за Лидией. Но... в 1882 году Лидия умерла. За два года до этого в Париж приехал с женой и детьми и остался жить во французской столице и брат Мэри, Александр. Пришлось много времени отдавать родным, но они ей отплачивали тем, что покорно позировали — так появились чудесные, наполненные любовью картины — портреты маленьких и больших членов этого дружного семейства.

А между тем работы Мэри приобретали все большую известность.

Как и многие художники того времени, она увлеклась японской гравюрой, и вот уже сам Дюран-Рюэль, этот известнейший галерист и маршан, устроил ее персональную выставку (цветные офорты на тему японской графики) в своей галерее. Ее картины украшали галереи и частные дома в Европе и Америке.

В 1892 году Мэри получила важный заказ — написать фреску для Женского павильона на Всеамериканской выставке в Чикаго. Несмотря на все пророчества ее родителей, когда-то убеждавших ее, что живописью не прокормишься, она теперь зарабатывала весьма неплохие деньги и уже могла даже купить себе старинный особняк недалеко от Парижа.

Но потери и дальше сопровождали Мэри. В октябре 1895 года умерла ее мать. Она долго и тяжело болела, и конечно, Мэри понимала, что мама вот-вот уйдет из жизни, но когда это случилось, ей было так страшно... Началась глубокая депрессия. Чтобы выйти из этого состояния, Мэри решила сменить обстановку и поехала в США, где не была более 25 лет.

Она вернулась во Францию в 1899 году, весной. Все цвело, в природе все оживало, оживала и она.

Ее место в современном искусстве уже никто не оспаривал. Ей подражали молодые начинающие художники, к ее советам прислушивались. В 1904 году во Франции были официально признаны ее заслуги перед искусством — Мэри наградили орденом Почетного легиона.

Увы, такой блистательный успех продолжался недолго. Прошло всего несколько лет, и ее стали потихоньку забывать, она уже была немодной. Но у Мэри хватило мудрости отнестись к этому правильно и не стремиться подлаживаться под новые вкусы публики. Хватило мудрости не изменить себе, своим художническим принципам.

Мэри Кассат была яркой, незаурядной личностью, и рядом с ней всегда были люди сильные, умные, тонкие. Вот и в эти непростые годы рядом с ней — ее старинная, с юных лет, подруга Луиза Хейвмейер, выдающаяся американская феминистка, отдавшая много сил борьбе за права женщин, и ее муж, Генри Хейвмейер. У супругов были деньги, и им очень хотелось собрать достойную коллекцию старой и новой живописи. Мэри стала их первым советчиком, главным консультантом. В результате Хейвмейеры получили великолепное собрание старого и нового искусства, и конечно, в нем было много картин самой Мэри и ее друзей импрессионистов (ныне они хранятся в Метрополитене), а многие французские художники, знакомые Мэри, выручали неплохие деньги за свои работы. Она и в прежние годы очень помогала своим частенько сильно нуждавшимся парижским друзьям, показывая их работы богатым американцам, ее знакомым, которые с удовольствием покупали французскую современную живопись и украшали ею свои роскошные особняки.

В 1910 году врачи поставили Мэри серьезный диагноз. Диабет. Она начала терять зрение — трагедия для всякого человека, а для художника — особенно. После 1914 года Кассат уже не могла заниматься своим любимым делом — она почти ослепла. А потом к диабету добавились ревматизм и другие болячки.

Почти все ее друзья, художники-импрессионисты, уже умерли. Она все более чувствовала себя одинокой. Но ехать в США к родственникам у нее уже не было сил.

Мэри Кассат умерла в полном одиночестве 14 июня 1926 года в своем доме, в Шато де Бофрене. Похоронили ее в семейном склепе.

А та картина, «Девочка в синем кресле», стала, наверное, ее самой знаменитой работой. Многие годы она хранилась в частных коллекциях. Последние ее собственники, американские меценаты Пол и Элиза Меллон, в 1983 году подарили ее Национальной галерее искусств в Вашингтоне. (В этой галерее, основанной в 1937 году банкиром, стальным и нефтяным магнатом, а также известным филантропом и меценатом Эндрю Меллоном, неоднократно проходили персональные выставки Мэри Кассат.) С тех пор картина была показана на выставках в разных городах и странах, и с каждым выездом за пределы Национальной галереи она становилась все более известной. Многие не помнят имя ее создательницы, но образ очаровательной порывистой девчушки знают сегодня во всем мире. □

Наталья Бабичева

Убедись, что ты — это ты,
Расставляя сети привычно,
Растянув намереньем личность
По периметру пустоты.

Что попался, ты не поймешь.
Что попалось, ты не измеришь.
Что пропустят странные двери —
Нашу истину или ложь?

Парадокс стоячей волны,
Как ловушки силы и шанса —
Обоюдного резонанса
Результаты предрешены.

Преломляя пойманный взор
Болью близких ассоциаций,
Не давай себе поменяться
На вливающийся узор.

Как разливается река, забыв границы,
Так я свою издалека теряю нить,
И забирает глубина года и лица.
Но что во мне она не в силах растворить?

Исчезнет то, что перекачивалось слепо,
То, кем была и кем пока стараюсь быть.
Лишь тонкой нитью, наполняющую скрепы,
Я продолжаюсь, и меня не заменить.

Не потому, что безупречно воплощенье,
И жажда длиться бесконечно велика,
Но сквозь туман тревожных дум и сожалений
Давно сама себя веду издалека.

Пройдемся от Тверской? Прохладная погода.
От ветра — капюшон. Дождем промытый день.
Бульварное кольцо толкаем против хода,
И медленно плывут каштаны и сирень.

Сомкнулись фонари на том конце Арбата,
Попробуй, обернись — столбятся на другом.
Садовое кольцо вздыхает виновато
За шумный свой поток в наряде дорогом.

Вот башен странный строй над городом всплывает,
Смоленская несет на Бородинский мост.
И Киевский вокзал часами нас встречает —
Разлук и новых встреч бессонный наш форпост.

Ты строчками стихов вшиваешь душу в небо,
Но тянет вечный шах воронкой пустоты,
И застывает в ней «едино на потребу»,
И плавит каждый шаг бесправие мечты.

Как ярко на себя ты этот мир примерил,
Вливаясь тишиной и падая дождем,
Что кажется вот-вот, и нам откроет двери
Иной бескрайний мир, где мы уже живем.

Пиши, поэт, пиши, и за стихи воздастся,
Творимые душой по образу в себе.
Давайте продолжать «друг другом восхищаться»,
Сшивая новый мир по выкройке небес.

Мы рисуем наши судьбы
Отражением решений,
От созвучий главной роли,
Неизбежностью дыша.

Наши пламенные строчки,
Наши лучшие ошибки,
Наши яркие картинки
Разворачивают цель.

И себя под мир меняя,
Мы становимся мишенью
Перекрестных планов-целей,
Что судьбу судьбой вершат.

Раскрывается надеждой
Новых целей отзвук зыбкий...
И дрожит, летя сквозь время
Вечных судеб карусель.

Ты послушай, как дышит, вливаясь,
Новый день, новый час, новый миг,
Как дорожка бежит круговая,
Чтобы финиш ее не настиг.

Убегает к заветному старту,
Унося боль и радость побед,
И меняет дорожную карту
Каждый верно оставленный след.

И по кругу, по кругу, по кругу,
Чтобы след отпечатать точней,
Мы бежим, отражая упруго
И дорожку, и то, что за ней.

Через тени слепых равнодуший
Пробивается бережный свет,
Проявляя узоры ловушек,
Освещая созвучный совет.

Ты послушай, послушай, послушай....

Здравствуйте, весь замечательный коллектив редакции!

Немного о том, как мы живем. Обстановка у нас действительно тревожная, соответствующая словам из известной песни «в воздухе пахнет грозой». Но в последние дни возникло ощущение, что маневры российской армии свою положительную роль сыграли, и в ближайшее время серьезных боевых действий не будет.

Когда в конце ноября 2013-го в Киеве начались акции протеста, я не обратил на это особого внимания. А вот старики, пережившие Великую Отечественную, сразу уловили грядущую опасность. Я, стыдно признаться, сначала отмахивался: «Слышал, что в Киеве творится? — Слышал, ну и что?! — Ой, беда! — Да че вы переживаете, пошумят и разойдутся! — Вот посмотришь, добром не кончится...» А потом: «В Киеве ОМОН коктейлями Молотова пожгли...» Предчувствовать, распознать надвигающуюся опасность («Ой, беда!»), когда еще не было никаких внешних предпосылок — вот что значит мудрость наших дедов, переживших страшную войну!

Россия нам помогла и продолжает помогать так, что не хватит никаких слов благодарности!!! В апреле 2014 года Украина объявила Донбассу экономическую блокаду, и до июня 2015-го мы не получали зарплату. Только пенсионерам раз в месяц выдавали гуманитарную помощь от Фонда Рината Ахметова (крупы, макароны, килограмм сахара, пол-литровая бутылка подсолнечного масла, пара банок рыбных консервов). Жили, кто как мог, многие уехали. В 2014-м наблюдалась жуткая картина — неживые многоэтажные дома, в которых вечером не светится ни одно окно, если на всю девятиэтажку три-четыре окна горят, уже хорошо, дорогу можно было переходить с закрытыми глазами — машин в городе почти не осталось. Но выживание — это было чем-то второстепенным, сопутствующим. Главное — чтобы война закончилась, люди чтобы не гибли!

За полтора года до ее начала в наш главный городской православный храм — Свято-Георгиевский собор — перенесли мощи святого Илии Макеевского (до этого он был просто похоронен на кладбище, и его могила была местом массового паломничества). Он прожил трудную, долгую (более ста лет) жизнь. Так вот, с началом Великой Отечественной войны жителей города, собиравшихся покинуть Макеевку и обращавших к нему за благословением, он не благословлял. Говорил, что сильных боев не будет, город не пострадает, и так будет до скончания века! Вспомнился этот эпизод с началом этой войны. Да, наш город обстреливали, погибли и военные, и мирные жители (среди них 5 рабочих завода, шед-

шие на работу). В Макеевке в результате подлого теракта погиб наш знаменитый комбат с позывным Гиви (Михаил Толстых). Но с Донецком или многострадальной Горловкой — не сравнить! Недавно отмечался славный юбилей полета Юрия Алексеевича Гагарина. В наших сводках имя первого космонавта звучит постоянно из-за не прекращающихся обстрелов поселка горловской шахты имени Гагарина (бывшая угольная шахта, работает в водоотливном режиме, чтобы подземные воды не затопили жилые дома и другие объекты на земной поверхности).

Самая большая беда в том, что война на Донбассе — это война русских против русских (американцы давно об этом мечтали). Националистов-бандеровцев и вообще выходцев из западной Украины с той стороны линии фронта, наверное, не наберется и 10 процентов. Остальные — как бы наши. Если бы они не пришли на Донбасс с оружием в руках, то и никакой войны бы не было. На новостном сайте «Русская Весна» время от времени публикуют фамилии командиров бригад «збройних сил України». Почти все фамилии русские, в том числе Иванов. О чем еще можно говорить?! Причем идеологически их за последние годы обработали хорошо. Простой пример: в 2014-м было много случаев, когда выпущенные в нашу сторону снаряды не взрывались, а на торчащих из земли снарядах реактивных систем «Град» даже были надписи: «Извините, сделали, что смогли». Сейчас о подобных случаях не говорят, значит, их нет.

Жизнь начала налаживаться с июня 2015 года, когда на нашей территории ввели российский рубль. И сразу пошло оживление по всем направлениям, которое продолжается и сейчас. Пусть не в полном объеме, но работают предприятия, за прошлый год добыли более 5 млн тонн угля (конечно, с 400 миллионами тонн угледобычи в России не сравнить, но по нашим меркам, учитывая, сколько осталось действующих шахт, неплохо). Работают все госучреждения и коммунальные службы, в магазинах и аптеках имеется необходимый минимум и даже больше. В нашем институте есть госбюджетный заказ научно-исследовательских работ, зарплата выдается вовремя.

День сегодня выдался хлопотным, в первой половине дня было заседание Ученого совета. Но все равно, думаю, схожу на почту, продлю подписку на 2-е полугодие. Ведь из литературных журналов «Смена» по-прежнему единственный «луч света»! Спасибо огромное-огромное за журнал!!!

Всему вашему замечательному коллективу крепкого здоровья, безграничного счастья, мирного неба, огромной любви и невероятной удачи в исполнении всего задуманного!!!

С уважением, Деревянский Вадим,
г. Макеевка, Донецкая Народная Республика.

Джон Голсуорси

Алла Зубкова

ДВЕ «БОГИНИ» В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

Судьба подарила этому человеку любовь двух женщин, сыгравших исключительную роль в его жизни. Первая принесла ему в дар историю своей жизни, тему, которой суждено было красной нитью проходить через все его творчество. Вторая нарушила покой и внесла смятение в его размеренную и счастливую семейную жизнь. Впрочем, не стоит забегать вперед...

*Ада Немизида
Пирсон*

*Маргарет
Моррис*

Весной 1891 года в Лондоне состоялась свадьба двадцатилетней красавицы Ады Немезиды Пирсон Купер и Артура Голсуорси, двою-

родного брата будущего автора «Саги о Форсайтах». Впрочем, тогда о литературной карьере тот еще только мечтал.

Джону Голсуорси исполнилось двадцать три года. Он получил великолепное образование, окончив сначала Хэрроу, а затем Оксфорд. Правда, юриспруденция мало интересовала красивого, элегантного, всегда одетого по последней моде молодого человека. Гораздо больше в то время его увлекали театр и скачки. На одном из семейных обедов в честь молодоженов Джон и познакомился с Адой.

Новая родственница произвела на него необычайно сильное впечатление. Ада и в самом деле обладала незаурядной внешностью. У нее был классический профиль, на редкость выразительные глаза, изумительно стройная фигура. Она прекрасно играла на фортепиано.

Судьба ее складывалась непросто. Незаконный ребенок, она так никогда и не узнала имени своего отца. Ее собственное второе имя Немезида (древнегреческая богиня мщения) — свидетельствовало о достаточно сложном отношении матери к появлению девочки на свет. Мать и дочь так никогда и не сумели найти общий язык, поэтому брак с Артуром Голсуорси, молодым человеком из очень порядочной буржуазной семьи, был для Ады единственным способом уйти из-под опеки матери. Однако союз этот не принес счастья ни самой Аде, ни ее мужу. Слишком мало оказалось у них общего. Вскоре молодая женщина поделилась своими горестями с новыми симпатичными ей кузина-

ми Лилиан и Мейбл Голсуорси, а те, в свою очередь, поведали эту грустную историю своему брату Джону. В этих рассказах Артур Голсуорси представал едва ли не чудовищем. Он даже поднимал руку на свою жену, и, бывало, домогался физической близости с нею с помощью силы.

Для Джона, с его живым воображением и мягким благородным характером, сама мысль о подобной ситуации казалась невыносимой. Из искры сочувствия неизбежно должно было разгореться пламя любви. Молодые люди стали встречаться, правда, в начале лишь в присутствии сестер Джона. Их роман развивался далеко не скоротечно. Лишь в сентябре 1895 года, спустя четыре года после их первой встречи, они стали любовниками. Нельзя не отдать должное мужеству Ады. Своим поведением она бросала вызов общепринятой морали. Разумеется, положение Джона в обществе тоже осложнилось. Ему пришлось отказаться от членства в клубе, некоторые «респектабельные» члены которого отказывались подать ему руку. К этому времени он также закончил свою недолгую карьеру на юридическом поприще. Денежного содержания, которое выплачивал ему отец (кстати, Джону приходилось скрывать от него свои отношения с Адой), хватало для того, чтобы вести вполне обеспеченную жизнь.

По свидетельству друзей, Джон тогда занимал холостяцкую квартиру, у него была небольшая конюш-

ня, и одевался он с той тщательно продуманной небрежностью, которая была тогда в моде. Он уже несколько лет испытывал желание попробовать свои силы на литературном поприще, но, возможно, именно влияние Ады заставило его отбросить сомнения и взяться за перо. Помимо вдохновения и уверенности в себе Ада принесла Джону в дар историю своей жизни, тему, которой суждено будет пройти через все его творчество. Тема прекрасной женщины, страдающей в браке с жесто-

носить близость с нелюбимым мужчиной. Вторая жена Артура, Вильгельмина, которая жила с ним в полном согласии до самой его смерти, считала Аду просто «невротической особой». Сам Артур так никогда и не прочитал роман своего кузена «Собственник», герою которого, Сомсу Форсайту, автор придал некоторые черты Артура, но Вильгельмина сделала это и нашла роман «отвратительным».

В 1902 году Ада предприняла решительный шаг и поселилась от-

Помимо вдохновения и уверенности в себе Ада принесла Джону в дар историю своей жизни, тему, которой впоследствии суждено будет пройти через все его творчество. Это тема прекрасной женщины, страдающей в браке с жестоким, эгоистичным мужчиной

ким, эгоистичным мужчиной, проходит у Голсуорси из романа в роман, начиная от красавицы Ирэн в «Саге о Форсайтах» и кончая Клэр Корвен из его последней посмертно опубликованной книги «Через реку».

Кстати, насчет того, был ли Артур Голсуорси в самом деле столь уж неприятным и жестоким типом, существуют серьезные сомнения. Многие современники отзывались о нем, как о воспитанном, мягком и даже застенчивом человеке. Вряд ли такой человек мог вести себя по отношению к жене как грубое животное. Скорее всего, Ада просто физически не способна была пере-

дельно от мужа. Тем не менее, вместе с Джоном открыто они могли появляться лишь во время совместных путешествий за границу. Именно это плюс любовь Ады к заграничным поездкам и объясняло то, что они так часто выезжали за пределы Англии. Особенно любили посещать Италию. В Лондоне они формально жили порознь, но их квартиры находились всего в нескольких кварталах друг от друга. В конце 1904 года умер старший Голсуорси. Теперь Джону и Аде уже ничто не мешало воссоединиться.

Бракоразводный процесс Ады и Артура и всякого рода формально-

сти заняли большую часть следующего года. Двадцать третьего октября, в первый же день свободы, они поженились. После десяти лет тайной связи. В это же время появился роман Голсуорси «Собственник», который принес ему национальную известность.

Для Джона Ада была скорее богиней, нежели женщиной, она представлялась ему слишком утонченной, слишком изысканной и совершенной. Вместе с тем, он, должно быть, представлял, какие трудности, а, возможно, даже жертвы готовит ему в будущем жизнь с этой женщиной. Да, Ада была беспредельно предана ему и его работе. Она образцово выполняла обязанности личного секретаря: внимательно читала и давала оценку всему, что он написал, затем терпеливо перечитывала рукопись, часто по несколько раз. Но не все было так просто. В характере Голсуорси было заложено стремление исполнять все желания любимого человека, и эту его черту Ада эксплуатировала без меры.

Джону приходилось оберегать Аду от любых тре-

*Джон
Голсуорси*

волнений, которые могли бы напомнить ей о долгих годах ожидания. Более того, ее нужно было баловать, как ребенка, уступать ей во всем. Дело доходило до смешного. Однажды племянник писателя обыграл Аду в бильярд. Джон отозвал его в сторонку и мягко сказал: «Ты, наверное, не в курсе, старина, но в этом доме всегда выигрывает только тетушка».

Его любовь к жене и объясняла ту необыкновенную атмосферу преданности и совершенства их отношений, которая была им присуща и которая так бросалась в глаза окружающим. Трагедия Ады, возможно, состояла в том, что она, не ведая, что творит, требовала от Джона все больше и больше, пока его самопожертвование не стало полным, и писатель, которого она сначала поддерживала

своей верой и вдохновляла, не оказался всецело в оковах их брака.

По своей природе Джон Голсуорси был прямым и искренним человеком. Окружающий мир он воспринимал только в черных и белых тонах, а поступки людей оценивал как хорошие и плохие, правильные и неправильные. Такими же однозначными и определенными были и выстраданные им взгляды на любовь и брак. Именно поэтому в 1910 году сорокачетырёхлетний писатель оказался совершенно неподготовленным к чувствам, которые в нем вызвала юная и прелестная танцовщица Маргарет Моррис. Прежде всего, Джон не в состоянии был даже представить себе, что может поддаться чарам другой женщины, не Ады, и первое время совершенно

не сознавал, что с ним происходит. Впрочем, сходные чувства испытывала и девушка. Они познакомились в лондонском театре «Савой» на премьере постановки оперы Глюка «Орфей и Эвридика». Маргарет выступала в этом спектакле в качестве хореографа, танцовщицы и художника-декоратора. Греческая хореография была тогда новинкой на лондонской сцене. Маргарет овладела ею под руководством Раймонда Дункана, брата знаменитой Айседоры. Дункан разработал оригинальную методику подготовки танцовщиков. Она основывалась на изучении и копировании техники поз древнегреческого танца в той мере, в какой ее можно было скопировать, анализируя образцы сохранившейся античной живописи и скульптуры. Молодость не помешала Маргарет творчески воспринять идеи Дункана и приспособить их к индивидуальной, характерной лишь для нее манере танца, в которой естественная грация сочеталась с классической точностью движений.

Писатель был в восторге от мастерства, естественности и совершенства движений молодой танцовщицы и ее таланта педагога-хореографа. Маргарет готовила танцевальную труппу в течение двух месяцев. По ее словам, главная трудность, с которой ей пришлось столкнуться, состояла в том, чтобы заставить балерин отказаться от традиционной техники, основанной на вращениях, и приучить их держать

ноги прямыми. Голсуорси, большого любителя балета, заинтересовали новаторские для того времени взгляды юной танцовщицы, и он от своего имени и от имени жены пригласил девушку на чай в их дом на Эдисон-

«проплыть по всей сцене и бросить тапочки за кулисы».

Что касается Голсуорси, то его интерес к девушке был тем более велик, что ее манера танца соответствовала тому, что он хотел увидеть в

По своей природе Джон Голсуорси был прямым и искренним человеком. Окружающий мир он воспринимал только в белых и черных тонах, а поступки людей оценивал как хорошие и плохие, правильные и неправильные. Такими же однозначными были и его взгляды на любовь и брак. Именно поэтому сорокачетырехлетний писатель оказался совсем не подготовленным к чувствам, которые в нем вызвала юная и прелестная танцовщица Маргарет Моррис

Роуд. Радужие хозяев произвело на Маргарет огромное впечатление. Ада и Джон Голсуорси проявили глубокий интерес к ее профессиональной деятельности. По их мнению, техника классического балета грешила некоторой искусственностью и излишней стилизацией, которые не позволяли достоверно выражать человеческие эмоции на сцене. Новая «естественная» техника танца, которую пропагандировала Маргарет, казалась в этом смысле куда более предпочтительной.

После посещения дома писателя Маргарет находилась в столь приподнятом настроении, что на вечернем представлении «Орфея», забывшись, вышла на сцену танцевать ... в красных войлочных тапочках. Пришлось, как она вспоминала,

постановке своей новой пьесы «Мимолетная Греза». Он почти сразу же предложил ей участвовать в этой музыкальной фантазии с многочисленными танцевальными дивертисментами. Музыку написал австрийский композитор Вольфганг фон Бартельс. Маргарет должна была участвовать в спектакле вместе с группой подготовленных ею детей. К февралю 1911 года Маргарет и Голсуорси уже регулярно встречались, обсуждая детали постановки. Маргарет тогда танцевала в пьесе Метерлинка «Синяя птица» в театре «Хаймаркет», однако все свободное время отдавала репетициям и занятиями с детьми. Кстати сказать, к тому времени она так уверовала в действенность и пользу своей методики подготовки, основанной на

*Танцовщицы
труппы
Маргарет
Моррис*

Справа:
*Маргарет
Моррис*

«естественности движений», что даже предложила Джону и Аде заняться умеренным тренингом. Маргарет полагала, что подобные упражнения способны увеличить гибкость, подвижность и вообще улучшить состояние здоровья людей даже не очень молодых. Впоследствии она, по ее словам, успешно применяла свою методику для занятий физиотерапией с пожилыми людьми.

Премьера «Мимолетной Грезы» прошла с большим успехом. Особенно бурные аплодисменты выпали на долю Маргарет и подготовленных ею детей.

Примерно в это же время она с огромной радостью приняла предложение Голсуорси дебютировать в премьеру его пьесы «Голубь» уже в качестве драматической актрисы. Репетиции и обсуждения роли еще больше сблизили их. Взаимная симпатия и восхищение переросло в любовь. Вскоре ситуация прояснилась окончательно. В своей книге «Моя

повесть о Голсуорси» Моррис опубликовала около семидесяти писем к ней Голсуорси (она вышла в свет в 1967 году). Уже весьма пожилая Маргарет вспоминает: «Мы возвращались из театра на такси. Погода была ужасная. Джон сказал: «Кажется, вы очень замерзли», — и обнял меня... Никогда раньше он не дотрагивался до меня. Я прильнула к нему, и вдруг он сказал: «Посмотрите на меня». Я не осмелилась это сделать, спрятала лицо у него на груди, но он настойчиво повторил: «Посмотрите на меня, мне нужно знать». Я посмотрела на него, и он все понял, и, конечно, поцеловал меня, и весь мир преобразился».

Последующие недели Маргарет и Джон бесконечно обсуждали сложившуюся ситуацию. Больше всего их волновало положение Ады. Встречались они в квартире Маргарет, но, по настоянию Джона, сидели далеко друг от друга, в разных концах комнаты. Этому трогатель-

ному, так и оставшемуся платоническим роману суждена была недолгая жизнь.

Узнав истину, Ада старалась вести себя подобающим образом, быть благородной и отказаться от «собственных инстинктов». Она даже отравила Маргарет письмо, в котором, в общем-то, оправдывала девушку и заверяла ее в своем доброжелательном к ней отношении. В письме она упоминала о своем «недомогании». Джон не был человеком, способным построить свое счастье на страданиях и болезни женщины, которую он боготворил столько лет. Болезнь Ады спасла ее, вернув все на круги своя. Голсуорси принял решение порвать с Маргарет, прежде чем их отношения зайдут слишком далеко. Он послал ей прощальное письмо, в котором просил быть «мужественной девочкой» и надеяться на «лучшие времена, которые непременно наступят».

Больше они так и не встретились, хотя продолжали переписываться еще довольно длительное время.

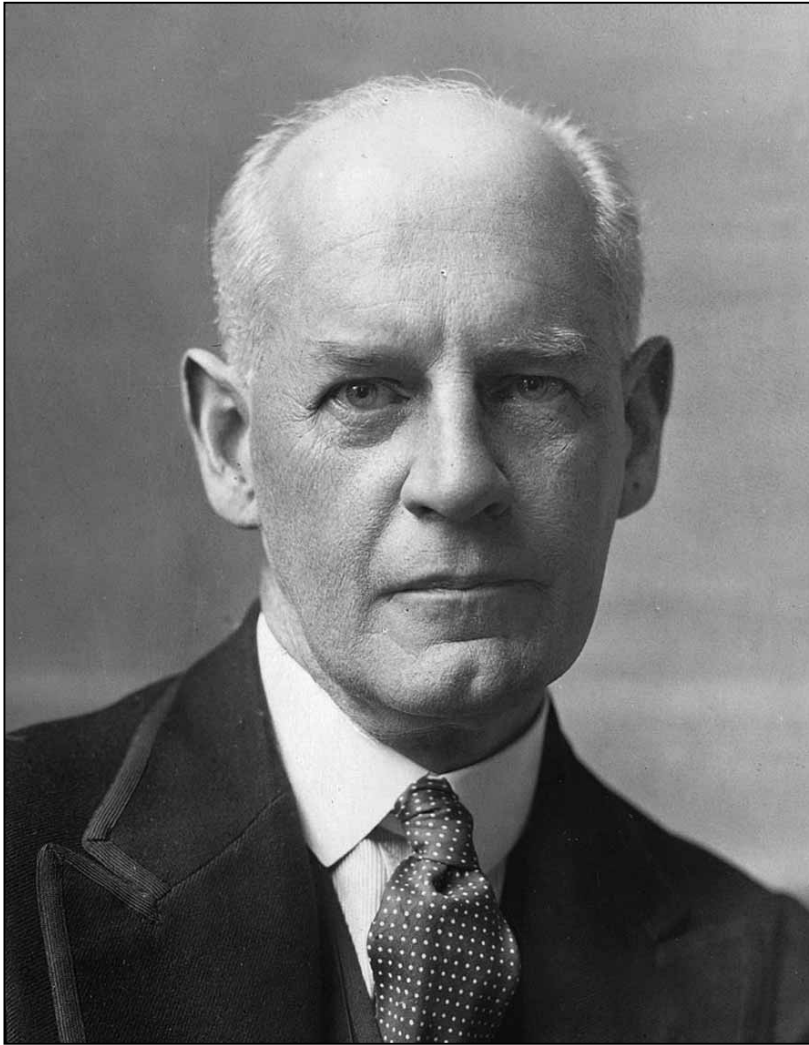
Голсуорси продолжал оставаться в курсе всех дел Маргарет. Ей удалось подготовить ряд интересных балетных постановок, в том числе балет «Каллисто», сюиту Грига «Пер Гюнт», а также балет «Весна и Четыре Ветра» на либретто самого Голсуорси. Летом 1913 года труппа Маргарет была приглашена на гастроли в Париж. Они выступали в театре «Мариньон» и были довольно тепло встречены публикой. Между тем, чета Голсуорси уехала сначала во

Францию, потом в Соединенные Штаты. Это было тяжелое время для писателя. Ада продолжала болеть и страдать от неверности мужа. Она переживала крах всех надежд и была убита тем, что он, который, по ее убеждению, так отличался от других мужчин, мог желать близости другого человека. Поведение мужа Ада расценивала как непростительную измену их взаимному доверию. Их брак продолжил свое существование, но уже полностью лишился интимной основы.

Не менее сурово осуждал себя сам Голсуорси. Он считал, что обида, которую он нанес Аде, не может быть искуплена. Отныне он должен был еще строже контролировать свои чувства и не мог позволить себе еще раз поддаться эмоциям.

Между тем время потихоньку врачевало раны Ады. Путешествие по

Америке пошло ей на пользу, и когда они вернулись в Англию, она чувствовала себя намного лучше. Кстати, для возвращения в Англию они забронировали на 11 мая билеты на «Титаник». Однако суперлайнер так и не достиг берегов Америки, затонул 15 апреля и унес множество человеческих жизней.

Шло время. Голсуорси продолжал работать. Писателю исполнилось пятьдесят лет, когда «Сага о Форсайтах» принесла ему всемирную славу, но счастлив он не был. Ему, как и Аде, так и не удалось окончательно оправиться от моральных травм.

10 ноября 1932 года из Стокгольма пришло известие о том, что Голсуорси присуждена Нобелевская премия в области литературы. Но он был

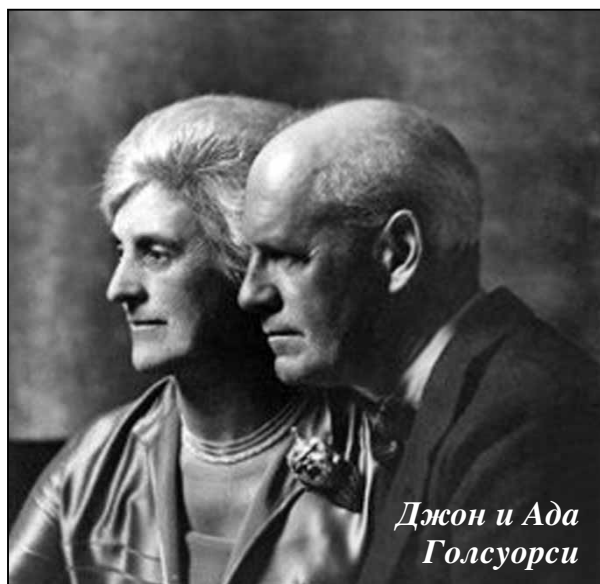
уже неизлечимо болен. Был ли его недуг вызван опухолью мозга или каким-то фатальным упадком душевных сил, так и осталось невыясненным. Он не мог поехать в Стокгольм, и медаль лауреата была прислана ему в Гроус Лодж, где он жил.

Король Георг V регулярно справлялся о здоровье писателя. Часто звонил премьер-министр. Весь мир ждал новостей. 31 января 1933 года Джон Голсуорси скончался. Ему было шестьдесят пять лет.

Ада всегда считала, что Джон переживет ее и будет рядом, когда наступит ее последний час. И вот его не стало. Для Ады это было самым страшным предательством, с которым она столкнулась в своей жизни, и это подействовало на нее так сильно, что первыми чувствами, охватившими ее, были гнев и горечь, а не горе. Первым ее порывом в тяжелом психическом состоянии было уничто-

жить все, что ему принадлежало, она даже приказала застрелить двух любимых лошадей Джона, но этот приказ был отменен благодаря милосердию племянника Джона.

Настоятель Вестминстерского аббатства отказал обществу писателей в их просьбе похоронить Голсуорси в Уголке поэтов в аббатстве (писатель был глубоко религиозным человеком, но не придерживался церковных догм). И тогда было исполнено пожелание Голсуорси, выражен-

*Джон и Ада
Голсуорси*

Шло время. Голсуорси продолжал работать. Писателю исполнилось 50 лет, когда «Сага о Форсайтах» принесла ему мировую славу. Но счастлив он не был. Ему, как и Аде, так и не удалось оправиться от моральных травм. В ноябре 1932 года из Стокгольма пришло известие о том, что Голсуорси присуждена Нобелевская премия в области литературы, но он был уже неизлечимо болен, поэтому не мог поехать в Стокгольм, и медаль ему была прислана в Гроус Лодж, где он тогда жил

ное в стихотворении «Развейте мой прах». 25 марта прах писателя был развеян в горах Бери. Двадцать три года спустя в этих же горах был развеян и прах Ады.

Голсуорси не мог в своих произведениях позволить Ирэн Форсайт умереть — ведь ее прототипом была Ада. И все-таки Ирэн умерла. Правда, произошло это уже не в романе Голсуорси. В 1994 году англичанка Зулейка Доусон написала продолжение «Саги». Она назвала его «Форсайты». (В 1995 году роман был

переведен на русский язык). В этой книге писательница попыталась проследить судьбу семейства и их родственников вплоть до пятидесятих годов XX века. Ирэн скончалась в конце Второй мировой войны. Стало быть, Ада пережила ее на десять лет.

Маргарет Моррис тоже суждено было прожить долгую жизнь. Она преподавала искусство танца, занималась живописью. Скончалась она в феврале 1980 года. Ей было семьдесят девять лет. □

Мой сеттер

Каждое утро, невзирая на лень, жару или дождь, Игорь покидал квартиру на пятнадцатом этаже и выбегал во двор.

Выбегал в зелень, свежий воздух, в утреннее приятное малолюдье. Йоговское дыхание, гимнастика, пробежка туда и обратно вдоль речушки Сетунь, заросшей по берегам обгрызенными бобрами ивами, борщевиком, лопухами и крапивой, ставили его на самое здоровое место среди прочих жителей мегаполиса.

Айтишник Игорек и раньше не брезговал физической культурой, но с тех пор, как женился на серьезной девушке Ольге Барсук и завел себе в друзья веселого пуделька Патрика, утренняя разминка стала для него необходимым ритуалом.

Так было и в то памятное утро. Побежали, как обычно, вдоль реки. Патрик «шустрил» впереди, обшаривал по собачьим делам прибрежные кусты и поглядывал на хозяина. Хозяин держался солидно и шумно дышал — пудель «шустрил» дальше.

Вдруг Патрик, даже не тявкнув, замер и вытянулся в стойку, как делали когда-то его далекие предки — охотничьи пудели. Игорек удивился. Проследил за взглядом пса и тоже замер.

Им навстречу, вжимая в землю шоколадную морду и пританцовывая на поворотах, кружил и петлял крупный охотничий пес. Сеттер! — определил Игорь. Сеттер-гордон, давняя его любовь. Что он здесь делает, что ищет? Гон у него, что ли? Помчался на запах самки и заплутал? Похоже. В ближайшей округе Игорь такой собаки не видел. Значит, прибежал издалека. Откуда? А, может, совсем потерялся? Может, ищет его хозяин? А может,

хозяина вовсе нет? Это вряд ли, остановил себя Игорь, такие псы без хозяев не водятся.

Игорь и Патрик наблюдали за сеттером.

Пес как пес, думал Патрик, ничем не лучше меня.

Роскошный пес, мысленно произнес Игорь, глубокий окрас и первоклассный экстерьер, определил он, считавший себя спецом по собакам. Если бы не веселый пудель, слабость его жены Ольги, Игорь, конечно, завел бы себе сеттера, хотя и понимал, что настоящий охотничий пес в московской квартире больше мучается, чем полноценно живет. И вот он, сеттер, сам к нему пришел. Чудо!

Патрик поскуливал от непонимания момента, от хозяина — ни на шаг, и напрасно: сеттер не обращал внимания ни на что постороннее. След интересовал его, один только след. Но он не мог его отыскать, и, казалось, был обречен на вечное движение. Пена поблескивала у него на груди, пузырилась на породистых брылях, шевелилась горячим собачьим выдохом.

Измотан, определил Игорь. Успокоить бы его, напоить, но как? Из грязной Сетуньки сеттер пить не станет. А вообще, никакое это не чудо, вдруг подумал Игорь. Он так сильно мечтал о сеттере, что вот оно, материализовалась мечта. Мой это сеттер, мой, сам ко мне пришел, и надо его привести домой!

Игорь зачмокал губами, махнул рукой и подал сеттеру простую команду: ко мне!

Сеттер взглянул на него умными глазами и отвернулся.

Игорь звал его ласково, ублажал, уговаривал, пес не реагировал. Заметив на собаке ошейник, он попытался приблизиться — сеттер отскочил на безопасное расстояние. «Пить, пить! Пойдем, я дам тебе воды!» — но все было напрасно. И Патрик понял, что все напрасно, и от обиды на хозяина, зазывающего чужого пса, залаял.

Время бежало, Игоря ждал завтрак, а потом работа, и он повернул к дому.

Сел за приготовленный Ольгой завтрак и все ей рассказал.

Они вышли на балкон и с высоты успели понаблюдать за живым шоколадным пятном, мотающимся среди зелени вокруг дома.

— Жаль, — вздохнул Игорь, — очень жаль, что не смог зазвать. Такой пес! Мечта всей жизни!..

— Не говори так, — сказала Ольга и обняла пуделя, — Патрика обидишь.

Расстроенный Игорь прыгнул в машину и поехал на работу. Сидя за компьютером, он думал не о логистике, а вспоминал сеттера и мрачнел от неудовольствия. А через два часа ему позвонила Ольга:

— Твоя мечта лежит на ковре в гостиной. Я его напоила и накормила.

— Как ты сумела его завести? — Игорь был потрясен услышанной новостью. — Это же невозможно!

— Я — женщина, — сказала Ольга. — Я ближе к природе. Патрик немало поворчал, но я ему все объяснила, и он понял.

Игорь с трудом дождался вечера.

Он открыл дверь ключом, вошел в квартиру, и увиденная картина изумила его. Сеттер едва отметил его взглядом. Он лежал в гостиной на текинском ковре как невозмутимый сфинкс, как король и хозяин положения и совсем не обращал внимания ни на Игоря, ни на лаявшего Патрика.

Патрик бросился к Игорю прыжками, был привычно оглажен и приласкан, но невозмутимость сеттера никто и ничто не могло поколебать. Его печальные глаза смотрели куда-то мимо Патрика и Игоря.

— Привет, Джой! Привет, Джек! Рекс! — обратился к нему первыми пришедшими в голову собачьими кличками Игорь, но сеттер не отозвался, остался невозмутим.

— А ко мне он подошел, — вошла в комнату Ольга. — Я позвала его просто: песик, песик, и он пошел за мной в квартиру. И попил, и немного поел, а потом, как царь, возлег на ковер и впал в тоску. Патрик, бедный, чуть ли не на лапы ему наступает, приглашает поиграть — бесполезно.

— Он потерялся, это ясно, — сказал Игорь. — Потому и тоскует.

— И что теперь? Хозяин его ищет?

Игорь ничего не ответил на этот вопрос, так как для себя уже решил: сеттер останется здесь, дома, с ним, Ольгой и Патриком, это его счастливый шанс — сеттер сам пришел, значит, так тому и быть. О том, что у сеттера есть другой хозяин, Игорь не думал. Не хотел думать,

К вечеру они с Ольгой повели сеттера на прогулку. Понятно, понадобился ошейник, который был изготовлен из старого кожаного ошейника Патрика, продырявленного под новый размер. Поводок сделали из Игорева ремня, получилось неплохо, даже красиво.

— Гулять, сеттер! — скомандовал Игорь, и пес, блеснув глазами, с готовностью вскочил на лапы.

И Патрика взяли с собой — куда ж без него? Он вообще в те дни был жутко важный. Сеттера вели на поводке, а он, как самый главный и самый боевой, был спущен с поводка, гавкал на всех встречных и предупреждал: внимание, мои хозяева идут с новым членом стаи!

Погуляли неплохо, если не считать того, что сеттер, едва нос его почуял землю, снова начал поиски утраченного следа.

— У него точно гон, — решил Игорь. — Это Патрик у нас балбес, совсем суку не чует, а сеттер чует.

— Это не гон, — покачала головой Ольга, — он дорогу домой ищет. Интересно, а как его все-таки зовут?

Они вернулись домой, влезли в Гугл и выписали оттуда самые ходовые мужские собачьи имена: Оскар, Зевс, Елисей, Ксанф, Пилат, Тимур, Царь, Герцог, Граф, Клайд, Нокс, и даже Ринго, и даже Стар. Потом перечислили их сеттеру, но пес оставался равнодушным.

— Назовем его Гошей, — предложила той же ночью Ольга. — У меня в детстве такой пес был.

— Гоша так Гоша, — согласился Игорь. — Мне нравится. И все же интересно, как его на самом деле зовут?

— Об этом знает только его хозяин, — сказала Ольга. — Наверное, ищет его.

— Давай спать, — закрыл неприятную тему Игорь.

Гоша жил у них уже несколько дней, они к нему быстро привыкли и полюбили. Сеттер ел, пил, гулял — но, правда, только на поводке, на Патрике, несмотря на все его старания, не обращал внимания, но к Игорю и Ольге понемногу привязывался, особенно к Ольге, подтверждением чего стало его согласие на предложение искупаться в ванной. Сеттер был вымыт и расчесан нежной женской рукой, шоколад его шерсти залоснился, заблестел, красота его добавилась неимоверно, и пес это почувствовал. Немного заважничал и позволил себе твякнуть на Патрика — Патрик смертельно возмутился, и Ольге пришлось его успокаивать печеньем и заверением в любви.

Гоша и Игоря вечерами встречал дружелюбно, даже немного помахивал хвостом, от Ольги же не отходил и однажды, в благодарность и преданность, лизнул ей руку. Но спать по-прежнему предпочитал на ковре в гостиной, откуда видна была вся двухкомнатная квартира, из чего Игорь сделал вывод, что прежнее его жилище было по размеру громадным.

Однажды Гоша, покинув ковер в гостиной и потеснив Патрика, потихоньку забрался на ночь в общую семейную кровать, в ноги к новым хозяевам. Патрик не возразил, а Игорь и вовсе остался доволен.

— Наш это пес! — сказал он утром Ольге. — Стая спит вместе, значит, стая сформировалась! Он доверяет нам, мы — ему. Наш это сеттер, наш, Оля!

Прошло две недели. Сеттер Гоша прижился окончательно и привык к новому собачьему имени. Игорю было хорошо, и Патрику, нашедшему нового товарища, тоже было хорошо. Нехорошо было только Ольге.

— Я все-таки так не могу, — сказала она однажды. — Мы обязаны позвонить в охотничий клуб.

— Зачем? — напрягся Игорь.

— Надо, Игорь, надо быть до конца честными. Мы дадим объявление. Мы сообщим о находке в соцсетях. Мы же не браконьеры, Игорь, согласись! Если уж никто не откликнется, тогда Гоша наш.

Игорь был согласен с тем, что они не браконьеры, но со второй частью ее предложения соглашаться не спешил.

— Не надо, Оля. Объявления — это пошло. Быт убьет сказку.

— Настоящую сказку не убьешь, — ответила Ольга.

— Меня ты убьешь, — помрачнел Игорь.

— Тебя? Это смешно!

Игорь смолчал, знал, что спорить с гениальной женой бесполезно, но снова вспомнил о том, что гениальность одного человека часто мешает жить нормальным людям.

Это был трудный вечер.

Ольга связалась с клубом, также разместила информацию о сеттере в соцсетях: сеттер-гордон, кобель, шоколадного цвета, приблизительно трех лет. Не успела она выключить комп, как начались звонки.

Ситуация висела на волоске.

Игорь отвечал сам, и первое, что он делал в ответ на претензии по поводу пропавшей собаки, спрашивал кличку. Он играл ва-банк: совпадет кличка — сеттер сразу отреагирует. Другие доказательства настоящему хозяину пса станут не нужны, и собаку придется возвращать.

Гоша, как обычно днями, сфинксом возвышался на ковре в гостиной — Игорь вышагивал рядом и, поглядывая на него, озвучивал клички. Джеков, Рексов и Боев он отвергал сразу, говорил телефонному претенденту спасибо и давал отбой. Он предлагал вниманию Гоши только оригинальные, незаезженные имена, те, что удивляли даже его самого.

Норт. Фред. Зорро. Сплит.

Трубка произносила — Игорь озвучивал очередную кличку сеттеру — сеттер не реагировал. Ура!

Хуго. Чарли. Франц. Месси.

Не то. Гоша равнодушно молчал.

Часа через два сплошные звонки прекратились, но отдельные, запоздалые, нервировали Игоря еще довольно долго.

Еще денек продержаться бы, сказал он Ольге, и Гоша окончательно будет наш.

С утра снова начались звонки, но все реже, и все реже предлагались новые интересные клички, все чаще клички повторялись, и Игорю, к счастью, нечего было предложить сеттеру. На радостях Гоше было выдано дополнительное мясо и предложен кусок торта, который он сглотнул с удовольствием, говорившем о давней привычке к хорошей жизни.

Звонки окончательно угасли на третий день.

Игорь чувствовал себя счастливым: Гоша окончательно и законно был усыновлен.

Ольгу Гоша преданно обожал, бегал за ней по первому зову и лизал руки, Игоря встречал с радостью и веселым достоинством, с Патриком стал играть как с братом, а на даче даже обучил его искусству выслеживания уток.

Прошло два месяца, жизнь мчалась дальше, счастливое обретение Гоши уже не было новостью и во дворе, к нему привыкли дети, мамочки и другие псы.

Уютным тихим вечером под тихий дождь за окном, под тихую музыку в квадросистеме, когда Игорь, сидя в любимом глубоком кресле, поглаживал Гошу и почесывал за ухом Патрика, раздался телефонный звонок.

Голос у женщины был виноватым, каким-то надтреснутым и немолодым.

— Извините меня, — сказала она, — я долго лежала в больнице и только недавно узнала, что к вам приблудился пес. А вдруг он мой?..

Игорь мог бы ответить ей все, что угодно, мог соврать, заболтать, отречься, сказать, что он — это не он, и собаки никакой в доме нет. Но он знал, что гениальная Ольга никогда не простит ему лжи, а еще знал, что ничем особо не рискует — таких пустых соискателей за прошедший месяц он выслушал немало и знал, как от них отбиваться.

— Да, — ответил Игорь, — есть такое дело. — И, чтобы не вдаваться в объяснения и не затягивать разговор, привычно спросил: — Как зовут собаку?

— Его зовут Алан, — сказала женщина.

Игорь оторвал трубку от уха, но ему даже не понадобилось повторять вслух имя сеттера. Заслышав тонким собачьим слухом знакомый голос в трубке и свое имя, Гоша-Алан мгновенно вырос перед Игорем дрожавшей струной; он размахивал хвостом и скулил.

— Алан, — негромко и словно бы в сторону повторил Игорь, рассчитывая на то, что сеттер ошибся, хотя уже чувствовал сердцем, что ошибки, к сожалению, нет.

Ответом ему стал низкий, отрывистый лай. И не лай это был вовсе, а трубный глас торжества и справедливости. — Да, да, да! — трубил сеттер, — Алан — это я!

И Патрик, понимавший собачий язык, чтобы поддержать друга, тоже залаял — высоко и заливисто.

Гоша-Алан был сейчас особенно хорош. Его нашли, его узнали, он скоро вернется домой! Собачье счастье запечатлелось во всем его облике, шерсть блестела, глаза сверкали, дыхание было чистым, голос глубоким.

А женщина, услышав в трубке лай сеттера, заплакала.

Игорь не знал, что ей сказать, разные чувства боролись в нем. Эх, если бы не Ольга... подумал он и поднял глаза, но Ольга уже стояла перед ним, и слух у нее, как понял Игорь, был не хуже собачьего.

— Это он, — с сожалением признал Игорь, и голос женщины в трубке охнул с новой силой.

— Это он, он, я знала... — заплакала она навзрыд... — Я так вам благодарна... От меня муж ушел, и оставался только он, мой дорогой Алаша... Но и он однажды исчез... Я думала, все меня бросили, я жить не хотела...

— Все хорошо. Живите. Алан вас ждет, — быстро проговорил Игорь и подумал, что больше сказать ему нечего.

— Я скоро, я быстро, — пролепетала женщина, записала адрес и отключилась.

Взглянув на сеттера, Игорь привлек его к себе, приласкал в последний раз и понял, что чудо снова обошло его стороной.

— Ты — гигант, — сжав его руку, сказала Ольга.

— Да, я — гигант. Спасибо, — согласился с женой Игорь и подумал, что его гениальная женщина действительно его понимает.

Они гладили и ласкали любимого сеттера, заглядывали ему в глаза, целовали в морду. И он ласкался к новым своим хозяевам, любил их всей душой и был благодарен. Пес еще не знал, что ему предстоит в ближайшие два часа, а вот люди — Игорь и Ольга — уже знали.

— Интересно, — прошептал Игорь, — он нас запомнит? Узнает через, скажем, год, два?

— Сеттеры никогда ничего не забывают, — задумчиво произнесла Ольга. — Я даже думаю, он вообще от нас не уйдет.

— Ты шутишь? Такое возможно? — удивленно воскликнул Игорь, но про себя ухватился за такой вариант. А вдруг?

— Почему бы и нет? Вполне. Убежал же он от нее? А может, не случайно убежал?

Через два часа к дому подъехал черный «мерседес». Водитель остался за рулем, а из задней дверцы на асфальт ступила немолодая женщина во всем черном.

Она! Супруги сразу это поняли, едва женщина подняла глаза и отыскала взглядом их пятнадцатый этаж.

— Как ты думаешь, — быстро спросил Игорь, — как он ее встретит?

— Никак, — ответила Ольга. — Хвостом помашет, вот и все. А может, и вообще спрячется...

— Спасибо, — выдавил из себя улыбку Игорь. — Я спокоен.

— Я вижу, — понимающе взглянула на него Ольга. — Все обойдется в лучшем виде. Она ему не нужна. Все будет хорошо.

Он обнимал сеттера даже тогда, когда раздался звонок в дверь. Патрик залаял, сеттер вздрогнул, Ольга направилась в прихожую открыть дверь.

— Здравствуйте, — поздоровалась женщина в черном. — Я — за Аланом. Самое интересное произошло в следующие пять минут.

Едва сеттер услышал ее голос, он, вырвавшись от Игоря, мордой и телом упал на ковер, распластался на нем и пополз к ногам вошедшей в

комнату хозяйки с воем, читавшимся одинаково и людьми, и животными. Это была мольба о прощении. Прости, прости, прости! — выл сеттер. В метре от хозяйки он перевернулся на спину, выставив на всеобщее обозрение беззащитное розовое брюхо. Сдаюсь, говорила его поза, бей, наказывай, все стерплю...

— Алан, Алаша, — только и успела произнести женщина, как пес вскочил, встал на задние лапы, вскинул передние на плечи хозяйки и, не обрывая воя, принялся вылизывать ее лицо сухим горячим языком.

Она смеялась и плакала одновременно. И Ольга смеялась и плакала. Только Игорь не смеялся и не плакал. Ему было очень плохо.

Потом Ольга предложила гостье выпить чаю. За столом говорили больше об Алане, меньше о Патрике и совсем не говорили о других собаках.

Алан сидел у стола, прижавшись к хозяйской ноге, ее рука не покидала широкого собачьего лба.

Ольга предложила псу кусок его любимого торта, но он не взял его, он смотрел на свою хозяйку, и больше ничего его не интересовало.

Перед уходом Анна Петровна, так звали женщину, оставила им свою визитку и добавила, что они могут приезжать в любое время, что и она, и Алаша всегда будут им рады.

— Ну, Алаша, — обратилась она к псу, — попрощайся с Ольгой и Игорем и скажи им спасибо.

Он никак не отреагировал на ее слова и последовал за ней в прихожую, держась так близко, словно был припаян к хозяйке, словно кроме нее ничего больше не существовало в его собачьей жизни.

Патрик залаял вслед другу — Алан не отозвался.

— Алан! — вдруг, не выдержав, сорвался Игорь. — Ко мне!

Алан не обернулся. Его сеттер, его чудо уходило от него, потряхивая шоколадной холкой.

Через пару минут лифт шумно укатил вниз. Они не стали смотреть, как уезжает «мерседес». Зачем? Главное, что сеттера больше нет с ними.

Ольга погладила и приласкала Патрика. А потом погладила Игоря по голове и прошептала:

— Все хорошо.

— Все хорошо, — выдохнул он. — Сеттеры никогда ничего не забывают.

— Сеттеры никогда не забывают первого хозяина.

— Все правильно, моя гениальная жена. Почему ты раньше мне этого не сообщила?

Повертев в пальцах визитку женщины, Игорь разорвал ее и отошел к окну, разглядывая панораму вечернего города.

А Ольга молчала. В эту минуту она поняла, что он никогда ее не простит. □

Со времен Средневековья в Западной Европе это красивое и источающее необыкновенно приятный аромат растение считалось лучшим средством в борьбе со страшной «черной смертью». И хотя в России в диком виде оно не встречается, но уже более двух веков культивируется в Крыму. Речь идет об одном из самых сильных и удивительных колдовских растений — розмарине.

Наиболее известный и популярный в применении розмарин лекарственный (он же — розмарин обыкновенный) ботаники выделяют в отдельный род розмаринов, семейства яснотковых. В естественной среде эти вечнозеленые кустарниковые

или полукустарниковые растения высотой от полуметра до двух произрастают в Северной Африке, в Турции, на Кипре и в Южной Европе. Древние римляне, приписывавшие растению чудодейственную волшебную силу, считали, что очаровательный голубовато-синий цвет розмарин сохраняет именно благодаря тому, что растет вдоль берега моря, а морская пена омывает его своими целебными брызгами (отсюда и латинское название кустарника *rosmarinus* — «морская роса»). И действительно, розмарин часто произрастает на морском побережье, на продуваемых всеми ветрами горных склонах.

В древности розмарин у ряда народов символизировал верность и любовь. В античных Древней Греции, Риме, Египте, а позже и в средневековой Европе розмарин символизировал память. В Элладе венок из цветов розмарина клали на могилу, а родственникам покойного дарили в память о почившем розмариновые ветви. Египтяне же вкладывали в руку покойника ветвь розмарина, ибо по их поверьям считалось, что ее аромат скрасит путешествие усопшего в страну мертвых. Изображение розмариновой ветви часто фигурирует на старинных надгробиях. Кстати, вместо слишком дорогого и зачастую привозного ладана на Западе в церквях в средние века во время отпевания использовали значительно более дешевый и зачастую произрастающий в окрестностях розмарин.

Упоминается розмарин и в библейских преданиях. Так, по одной из версий, во время путешествия Святого семейства в Египет на одной из остановок Дева Мария положила младенца Иисуса на каменистое место под кустик с белыми цветочками. И, о чудо — цветки окрасились в небесно-голубой цвет, ставший символом вечности, божественности, мудрости и правды. А розмарин попал на многочисленные средневековые полотна, изображавшие Святое семейство. Согласно же другой легенде, свой сине-голубой цвет розмарин получил от плаща Девы Марии, в который она переодева-

лась в его зарослях, спасая младенца Иисуса от гонений жестокосердного царя Ирода... Наконец, еще одно старинное предание повествует нам о том, что розмарин растет ровно 33 года, пока не достигает в высоту роста Спасителя и того возраста, в котором он был распят. После этого растение растет уже не ввысь, а вширь.

У некоторых европейских народов было принято, чтобы невеста надевала венок из душистых веточек розмарина, веточками розмарина в праздничные дни горожане украшали свои дома. В средневековой Франции розмарин использовался при церемонии по приему мастера в цех: кандидат должен был принести с собой новый глиняный или фаянсовый горшок с розмарином, с корнем и с ветвями, увешанными сладостями — засахаренными орехами, апельсинами или другими фруктами, в зависимости от времени года.

В средние века, когда в Европе свирепствовала чума, розмарин жгли как в домах, так и на улицах для защиты от заразных болезней и для очищения воздуха. Упоминается розмарин и в признанных шедеврах европейской литературы. Так, у Мигеля Сервантеса в его романе «Дон Кихот» упоминается некий таинственный бальзам Фьерабраса, в состав которого помимо прочих компонентов входили вино, масло, соль и розмарин. Действие этого чудо-снадобья было весьма

сильным, а применяли его вовнутрь. Приготовивший его Дон Кихот «счел себя совсем здоровым и окончательно убедился, что изготовил настоящий бальзам Фьерабраса, и что благодаря этому снадобью ему не страшны отныне никакие стычки, побоища и потасовки. Исцеление господина показалось Санчо Пансе настоящим чудом, и он тотчас же попросил Дон Кихота дать ему волшебного бальзама. Дон Кихот охотно протянул ему горшок».

Похожим секретным рецептом чудо-бальзама из розмарина обладал и главный герой романа Александра Дюма «Три мушкетера». По сюжету, д'Артаньяна снабдила им его матушка. Это средство обладало удивительной силой и излечивало любые раны, кроме сердечных, а в его состав входили вино, масло, розмарин и еще кое-какие снадобья. Применялся бальзам наружно, то есть для обработки ран. Действие этих ингредиентов было настолько эффективным, что д'Артаньян рекомендовал их раненому Атосу.

В магии розмарин использовали и используют как надежное средство от любой нечистой силы. Подвешенные перед входом в дом веточки розмарина не пропускают внутрь жилища негативную энергетику и злых духов, защищают от воровства. Считается, что розмарин помогает продлению молодости.

Ценят же это растение в первую очередь благодаря получаемому из

его листьев, цветков и верхней части побегов душистого розмаринового масла, активно используемого в парфюмерии и косметике, при производстве мыла и товаров бытовой химии. Розмарин — великолепная и популярная в кулинарии пряная приправа для многочисленных блюд кухонь самых разных стран и народов, полюбившаяся за свой неповторимый аромат и приятную, чуть заметную горчинку. Наиболее они проявляются при использовании свежего розмарина, высушенный же розмарин теряет значительную часть аромата и вкуса. Например, в средиземноморской кухне, где розмарин популярен и часто используется, его добавляют к мясу оленины, а также всем остальным видам мяса, в рыбные блюда, супы. Розмарин — прекрасная приправа для блюд из овощей и риса. Также его используют как добавку в некоторые сорта пива и вина, благодаря чему они приобретают неповторимый вкус и аромат.

Розмарин улучшает зрение и предотвращает развитие катаракты. В американском научно-исследовательском центре при институте Санфорд-Бернхэм были проведены любопытные исследования, которые подтвердили положительное воздействие розмарина для сохранения зрения и предупреждения развития катаракты. Это свойство розмарин оказывает благодаря содержанию в нем карнозной кислоты.

Розмарин улучшает пищеварение, снимает боли в желудке, защищает от язвы желудка. Впрочем, в народной медицине эти свойства розмарина были давно известны и с успехом применялись для снятия болей и лечения различных расстройств желудочно-кишечного тракта. Горечь, содержащаяся в листьях розмарина, оказывает на организм желчегонное действие, улучшает пищеварение. Сегодня научно подтверждено, что розмарин защищает стенки желудка от развития язв.

Розмарин — это прекрасный антидепрессант, выводящий из состояния равнодушия и апатии. А еще он стимулирует умственные способности, благоприятен при слабой памяти, плохой концентрации внимания и умственном переутомлении. В экстракте из его листьев содержится много антиоксидантов, которые снижают окислительные процессы

в клетках мозга, вследствие чего улучшается его работа. Также розмарин предотвращает развитие старческого слабоумия. О таком его чудесном воздействии на человека заявили медики из американского университета в Сент-Луисе. Целители и эзотерики рекомендуют носить с собою веточки розмарина, чтобы разум всегда оставался ясным. А чай из розмарина перед сдачей различных сложных тестов или экзаменов поможет вам подготовиться к ним наилучшим образом и с легкостью ответить на самые сложные и каверзные вопросы.

Одним словом, розмарин — это хранитель вашей бесценной жизненной энергии, он эффективно защищает от порчи и сглаза, дарует спокойный сон, укрепляет интеллектуальные силы. Так что рекомендуем использовать его для поддержания молодости вашего духа. □

Елена Чулкова

Прутик за прутиком

Фото из личного архива

На фоне достижений науки и техники в век информации современному человеку не хватает гармонии с природой, забытых умений. Одни что-то мастерят для души, так как это интересно, другие — для «профилактики», укрепляют нервную систему и организм в целом, третьи — чтобы выжить в непростых экономических условиях. В старину лозоплетение считалось мужским ремеслом, а сегодня из ивовых прутьев с успехом плетут и мужчины, и женщины. Поклонников древнейшего народного промысла немало. Благодаря плетельщикам, любителям и профессионалам, традиции сохраняются, развиваясь и в деревне, и в городе.

*Оксана
Сахновская*

Как в сердце проник творчества родник

Петербурженка Оксана Сахновская, продолжая давние традиции, уверена, что не нужно быть художником, чтобы плести из лозы. Это под силу любому человеку, было бы желание. Не первый год она состоит в полку плетельщиков, ценителей чудесного народного промысла, на собственном примере стараясь возрождать интерес к индивидуальному и массовому лозоплетению, развивать его в северной столице.

У Оксаны с детства было стремление к творчеству. К примеру, благодаря бабушке умела шить, вязать. Но особенно нравилось плетение из ивы, удивительного растения, широко распространенного в природе. С почтением относились в семье к ивушке, и юная творческая натура не осталась равнодушной. Матушка-природа вдохновляла, восхищал величественный лес с запахами деревьев и трав. Ежегодно в семье заготавливали лозу, и Оксана, заложница прелестных ветвей и дивного стана ивы, участвовала в этом процессе. Ранней весной и осенью, перед началом листопада, вооружившись садовыми секаторами, члены семьи отправлялись на поиски прутьев. Искали лозу или краснотал, ракиту, вербу, лозину, тальник, как называют иву в народе, преодолевая не один километр, пробираясь сквозь заросли. Ходили в межсезонье вдоль дорог, по канавам, бере-

гам рек, где ивы было полным-полно, аккуратно срезали наиболее эластичные и стройные прутья, оставляя пеньки для новой поросли, как санитары прочищали кустарники дикого ивняка. Наблюдая, как из ветки в руках взрослых рождается плетеное чудо чудное, Оксане хотелось совершенствоваться, перенимая достижения предков, и других обучать этому ремеслу. Замыслы дочери, которая была в подмастерьях, активно поддерживала мама Любовь Онуфриевна.

И хобби, и работа, и призвание

Двенадцать лет назад умер муж Оксаны. Женщине, воспитывающей двух дочерей, нужны были средства на содержание семьи, и она обратилась к увлечению прошлых лет. Ивушка спасла от депрессии, помогла выстоять в поединке с бытовыми проблемами, преодолеть нужду, обрести смысл жизни. Оксана занялась изучением всех этапов — от посадки ивы до изготовления из нее солнечных изделий. Помимо ловкости, силы требовались и теоретические, и практические знания. Постигала основы сплошного, ажурного и смешанного плетения. Сначала прутья не слушались. Методом проб и ошибок, благодаря поддержке родных, главных помощниц-дочерей, а также опытных коллег по цеху, настойчивая плетельщица овладела принципами и техническими

приемами. Разобравшись в хитро-сплетениях прутьев, запомнила слова одного мастера о том, что материал как пластилин, не глупее ремесленника, чувствует его настроение. Прутья сами подсказывают, что из них плести — кашпо или изгородь. Экспериментировала, мысленно представляя будущий шедевр, подсчитывая, сколько понадобится прутьев и какой величины. Плетет одну вещицу, а в голове рождается образ следующей. В «отряде» ее многофункциональных предметов быта — практичные, сделанные на века корзины разных форм, размеров и назначения: для фруктов, овощей, грибов, ягод, продук-

тов, белья, других целей. Оригинально смотрятся корзинка для яиц с отверстиями в донце, подарочные санки, бра. Излучает свет добра и уюта домик для хранения чая. Глядя в его окна, можно проверять чайные запасы. Мастерница научилась плести хлебницы, конфетницы, подносы, лотки, дровницы, подставки, лежанки для домашних животных и даже гнезда для аистов. Тепло умелых рук и частицу души хранят все художественные изделия, и симпатичные, и в хозяйстве полезные: от миниатюрных сувениров, абажуров, шкатулок до объемных конструкций — больших и малых живых деревьев (русских пальм), изгородей, бесе-

*Корзины
О. Сахновской
на Кронштад-
ской площади*

док, французских грядок, ваз, кадок для кустарников (сирени, рябины, малинника). Для полного счастья при производстве плетеных изделий не хватало подходящего качественного прута, собственной сырьевой базы. Специалисту с высшим экономическим образованием хотелось упростить процесс заготовки и поиска лозы.

От каменного века до наших дней

Оксана стремилась узнать об иве все. С энтузиазмом изучала литературу, интернет-сайты, историю, краеведение, перебирая прутик за прутиком. Настольной стала книга К.К. Вебера «Корзиночное производство и культура корзиночной ивы» (1911 г., г.Петербург).

— Плели из лозы еще в каменном веке и в античности, — рассказывает Оксана Вячеславовна. — Мастерили атрибуты охоты, рыболовства,

жилище и хозпостройки, сани, посуду, игрушки. В ход шла трава, сосна, корни ели, камыш, солома, лещина. Везде, где росла прутовидная ива, процветал кустарный промысел. Не занимался им только ленивый. Промысел плетения из лозы не требовал больших затрат. Дом, двор, постройки коренных жителей Ленинградской области в деревнях обносились косям плетнем. Большинство промыслов Шлиссельбургского уезда служили для удовлетворения нужд столицы. В конце XVIII века петельщики, как называли корзинщиков, плели мебель, модные шляпки, изящные сумочки, все, на что был спрос. Корзинное плетение показывали на выставках ученики Виркинского земского училища, выходцы из Колтушской волости. Семья выступала артелью, где с пяти-шести лет дети «чистили» корзины, вырезая торчащие концы, а с 14 лет мальчики трудились как взрослые. Хозяйственные «плетухи» годились для уборки

лука, картофеля. С податливой ивой работали до старости, передавая умения из поколения в поколение. Славилась корзинщиками Петергофский и Гдовский уезды. Корзины для корма скоту, лукошки для грибов и ягод, люльки плели в Лужском, Петербургском и Новолодожском уездах. В книге «Народные художественные промыслы и ремесла Санкт-Петербурга и Ленинградской области» В.Савченко сказано о том, что «толчок развитию лозоплетения дала вторая Всероссийская выставка 1913 года. Корзиночным промыслом занимались более 30 000 кустарей в 17 губерниях России!» Цех по плетению из лозы входил в состав Ленинградского областного производственного объединения народных художественных промыс-

лов (1968 г.), а в 80-е годы «мастера были вынуждены перейти на индивидуальную заготовку лозы, отыскивая ее в глубинках области».

На ивовой плантации

Более десяти лет Сахновская изучала культивирование селекционной ивы и плетение из нее в России, Белоруссии, Латвии, Дании, Швеции, других странах. В 2011 году она создала небольшую мастерскую, а в 2013-м — свою плантацию селекционных сортов ивовой лозы, что редкость в Ленинградской области и, возможно, в нашей стране в целом. Подходящий земельный участок предоставила администрация Кингисеппского района Ленинградской области. На арендованных четырех гектарах хозяйка посадила черенки американки гигантской из Ботанического сада Екатеринбурга, где росли сорта ивы знаменитого селекционера В.И. Шабурова. 40 лет биолог посвятил выведению селекционной морозостойчивой ивы для лозоплетения и декоративной — для озеленения. На досуге ученый мастерски плел из лозы, удивлял и своими растениями, и чудо-изделиями из него. «Дети» уральской земли, «выходцы» из уникальной коллекции селекционных сортов, купленных в Екатеринбурге, адаптировались на ленинградской. Каждый посаженный на плантации черенок Оксана холила и лелеяла, работая на коленках с конца апреля

до начала июня, трудилась как пчелка. Рыхлила почву в рядах, удобряла, боролась с сорняками, вредителями. Львиная доля урожая уходит на посадку, меньшая часть — для плетения. Сегодня участок дает свыше 40 тонн прочных, гибких, ровных трехметровых селекционных ивовых прутьев.

— Были бы в распоряжении просторные помещения для обработки прута, расширила бы плантацию, — мечтает плетельщица. — Руки и ноги устают, конечно, но мысли оставить хлопотное занятие и разу не возникало.

Посвящается петельщикам

Накануне дня рождения Петербурга мастерица решила подарить любимому городу две корзины-великанши (высотой 2 м 80 см и диаметром 1 м 70 см). Ее инициативу в садово-парковом хозяйстве Кировского района одобрили, предоставив пустующий газон на Кронштадтской площади. Петельщица плела на площади в конце мая две недели, с утра до поздней белой ночи. На каждую гигантскую корзину ушло в привычной технике классического послойного плетения ушло по две тысячи прутьев, выращенных на плантации! Сложнее всего было плести ручку, превосходящую длину прута. Но затейница грамотно состыковала самые длинные прутья. На основу и бока мегаизделий выбрала покрупнее. Край корзины декорирован косой, а не

типичной корзиночной загибкой. Автор идеи показала красоту нелегкого, бесценного, поистине волшебного ручного труда. Символичный масштабный проект посвятила всем петельщикам (корзинщикам). Громадным корзинам не страшны ни дожди, ни снегопады. В весенне-летний сезон чудо-клумбы — с цветами, а зимой — с новогодними игрушками.

В 2015 году Оксана посадила на плантации и традиционную иву для плетения, и более 50 видов декоративных селекционных сортов — для озеленения города и загородных участков. Увлечлась новым перспективным направлением — плетением многолетних живых арт-объектов (деревьев, изгородей, беседок и даже лабиринтов). Каждый из них, как единый организм, покрывается

кудрявой листвой в первый же весенне-летний сезон. Гордость плетельщицы — спиралевидные живые деревья в трудоемкой технике «мелкий ромбик». Их можно увидеть на газоне у метро Ленинский проспект. Кропотливая работа — живая беседка в Воронцовском сквере и арка у его входа, где любят отдыхать горожане. Творческий почерк Сахновской, знание тонкостей любимого дела заметны и в ландшафтном оформлении участков шикарными мини-клумбами, грядками, вазонами, многометровыми живыми изгородями (ажурными, горизонтальными и вертикальными).

— На простые изделия времени уходит меньше, чем на тонкую, штучную работу (порой два-три месяца), но более сложная интереснее, — говорит Оксана. — Раньше виртуозы делали

в основном корзины с двумя ручками для урожая, хранения запасов. Мастера нашего времени реализуют в аналогичной технике более амбициозные идеи. К примеру, сейчас начала плести чайный сервиз (чайник высотой 1 м 30 см и чашки), фламинго, белые грибы от 50 см до двух метров (грибную «семейку»). В планах на зиму — сплести животных (олений, лошадей, слонов и других). В перспективе хочу освоить плетение мебели, объемных скульптур, конструкций, в общем, не останавливаюсь на достигнутом.

Формула счастья

В своем увлечении петербурженка не видит ничего сверхъестественного. У нее в соцсети «ВКонтакте» в группе «Русская ива» — огромное число поклонников из разных регионов России, и не только. Оксана Вячеславовна делится знаниями, обучая лозоплетению и детей, и молодежь, и взрослых, проводит содержательные мастер-классы,

записывает видеоуроки-памятки. Приобщает к плетению и социально незащищенные слои населения — людей с ограниченными возможностями, пожилых, даже после инсульта.

— Важно развивать забытый промысел, рожденный в народе, чтобы ремеслом занимались как можно больше людей, молодежь, — считает она. — Возродить его непросто, но можно при поддержке государства, открывая школы лозоплетения и специальные училища, как раньше на Руси. Одна из ремесленных школ была создана под Москвой благодаря щедрому меценату Савве Морозову. В России нет ни одного лицея, техникума или колледжа, не говоря о вузе, где лозоплетение профессионально изучали бы все желающие юноши и девушки. Пока изготовление художественных изделий из лозы учат в некоторых средних

учебных заведениях только людей с ограниченными возможностями (инвалидов).

Планов у Оксаны Сахновской — громадье: осовременить мастерство корзинщиков, вплести ивовые прутья в приоритеты поколения века нынешнего. Всем, кто «заболел» лозоплетением, советует запастись временем, трудолюбием, терпением и осваивать его поэтапно, с добрыми намерениями и чистым сердцем. Ивушка обязательно ответит взаимностью. Посчастливится «поймать живинку в деле», плести быстро и качественно, — результат будет и душу радовать, и энергию дарить, и доход приносить. Работая с деревом, раздражительный и напряженный человек успокаивается, страдающий недугом — укрепляет здоровье, нервную систему, тренирует мышление и мышцы, усталый — набирается сил для новых свершений. □

СОКРОВИЩА ГОХРАНА

Часть II

Глава шестнадцатая

Виктор Венгеров, сорокалетний кладоискатель по прозвищу Викинг, ставший в одночасье исполнительным директором компании «Родные просторы», переживал самый деятельный период в своей недолгой жизни. Так, золотой проект закрутился! Выйти из игры уже никак нельзя, да и не такой он человек, чтоб уползть на попятную. Будь что будет. Однако слово «золото», рефреном звучавшее в его мозгу, то и дело напоминало Виктору об отце, Ефиме Станиславовиче Венгерове. Мало того, что этот подонок уморил мать Виктора, а его самого в шестилетнем возрасте сдал в детдом, так нет же, он ухитрился еще и обобрать своего единственного сына.

Именно Венгеров-старший опередил кладоискателя Викинга, случайно наткнувшись на запрятанную в Ольгинской церкви богослужебную утварь — золото, бриллианты, яхонты всех мастей... Увел клад из-под носа у Виктора, который столько времени «вычислял» сокровища, сокрытые от коммунистов.

Надо разыскать папашку. Взять то, что принадлежит ему, Викингу, по праву. За все нужно платить. Пусть батя платит. Причем немедленно, сейчас же!

Окончание. Начало в №6, 2021.

Виктор смутно ощущал, что скоро станет лишним в операции «Золото». Ну что такое, скажите на милость, 250 тысяч долларов, которые он внес в учредительный фонд? Но даже не это главное. Легкая тревога, возникшая в его душе, когда он увидел муровского подполковника Бурцева и его дружка — мрачного, все понимающего доктора Груздина, перерастала в панику. Кто такой Виктор Венгеров? Пиранья. С появлением Бурцева и Груздина в игру вступали акулы. А что будет, когда на прииске появится настоящий монстр — золотопромышленник Леонид Трофимов?

Значит, нужно уже сейчас максимально укрепить свои позиции. Как? Деньгами, как же еще! Вот чернявому подполковнику Бурцеву, долговязому капитану Каморину и бородатому судмедэксперту Груздину не нужны деньги, чтобы всегда быть востребованными на прииске. Быть нужными, незаменимыми людьми. Ведь они формируют силовое прикрытие для будущего прииска, отвечают за взаимоотношения с законом.

Григорий Волохов ценен вовсе не тем, что открыл золотые залежи. Казалось бы, убрать его, и все дела. Ан нет! Он ценен связями с местной общественностью, властями. Да и знание латнических окрестностей, обычаев, истории — все это также необходимо в начавшейся операции.

А вот дебелий Вася Шестаков и накачанный Виктор Венгеров могут доказать свою полезность общему делу только с помощью финансовых вливаний. Да-да, и Викинг тоже! Все свои организаторские возможности он практически уже исчерпал: составил учредительные документы, зарегистрировал фирму, открыл счет, напечатал акции... Ну а дальше что? Дальше-то он зачем нужен — без денег, без каких-либо других рычагов воздействия на ситуацию?

Значит, нужны деньги. Большие деньги. А для этого требуется всего-навсего выпотрошить отца.

Интересно, правду ли говорил сермяжный писатель Григорий Волохов, что старик Венгеров сошел с ума? Вот бы выяснить...

Почему-то самые простые способы решения проблемы приходят в голову не сразу, и человек частенько удивляется: как это я раньше не сообразил? Виктор приехал в Москву, сел в своей квартире за компьютер и тупо набрал в поисковой системе три ключевых слова: «Венгеров Ефим Станиславович». И вот пожалуйста! «Житель столицы Венгеров Е.С., Юго-Западный административный округ...» Подробный адрес, телефон.

Виктор оседлал свой «фольксваген» и двинул по этому адресу. Белая длинная девятиэтажка, постройка начала семидесятых. А вот и похмельный дворник угрюмо чистит планету от всякого мусора.

— Выпить хочешь? — напрямик спросил Викинг побитого жизнью мужичка.

— Хочу, — так же просто, без затей, отвечивал «чистильщик мироздания».

Пошли в магазин, Виктор взял водку и два пластиковых стаканчика. Пить решено было за гаражами, стоя.

Уже после второго наката Викинг узнал, что старик Венгеров — чокнутый зануда, и вообще — сволочь, каких свет не видывал.

— Ты не представляешь, Витек, как он меня достал, — изливал душу дворник. — Грит, мол, тебя специально мои родичи наняли, чтоб за мной следить. Я ему: да зачем следить-то за тобой, мил человек? А он: чтоб, дескать, убить меня. Из-за денег. Во как люди с ума-то сходят!

— Так он что, сумасшедший? — уточнил Венгеров.

— Да самый натуральный, — заверил дворник. — По нем «дурка» плачет слезьми.

— Ну, это так всех можно в дураки-то записать, — усомнился кладоискатель.

— Ни-ни! Я точно говорю — псих! Да ведь он и на учете в психдиспансере стоит. Натурально! Каждую субботу, точно к часу дня, туда на прием ходит. И медсестра к нему на дом ходит, уколы делает от сумасшествия. Симпатичная девка... Только тебе-то все это зачем, а? Ты этому Венгерovu родственник, что ль?

— Угу, — кивнул Виктор и достал из подплечной кобуры «парабеллум», молча прикрутил глушитель.

— Э-э... Занятная штукавина, — дрожащим голосом проговорил дворник.

— Еще бы, — согласился Виктор. — Ты спрашивай, спрашивай. Не стесняйся.

— Чего спрашивать-та? Я уж забыл...

— Ну, зачем мне старик Венгеров сдался, например. Так я тебе скажу. Убить я его хочу. За деньги. — Викинг передернул затвор и, судорожно вздохнув, добавил: — Не повезло тебе, приятель.

— Убьешь?.. Меня-то за что?!

Виктор ничего не ответил, молча прицелился и выстрелил собутыльнику в лицо. Потом убрал «парабеллум» за пазуху и, шатаясь от внезапно нахлынувшей слабости, пошел к машине.

Он не переживал о том, что впервые убил человека. Это должно было случиться в его жизни, и чем раньше он перешел черту, тем лучше. Ему надо было убедиться, что он способен стрелять на поражение.

Да, способен. Он на многое способен. И готов абсолютно ко всему...

Процедурная медсестричка Маруся была самой обычной и даже неплохой девушкой. И, как всем обычным девушкам, ей очень хотелось жить

хорошо. Но как, как стать богатой? Этим вопросом Маруся терзалась с детства. Ну почему, почему она не может прожить свою жизнь в довольстве и радости? Ну что ему, боженьке, жалко, что ли?

Самой большой и, по мнению Маруси, вполне осуществимой мечтой было — стать вдовой сумасшедшего миллионера. Или хотя бы, на худой конец, его законной супругой-опекуншей. Вот только в районный психдиспансер чокнутые богачи почему-то не обращались — видимо, они предпочитали дорогие зарубежные клиники.

Как-то раз, приведя себя в порядок после очередного мимолетного секса с главврачом Маруся ненароком всплакнула над своей горькой судьбой.

— Ах, Маруся, когда-то и я был долларовым миллионером... Да еще каким! — рассмеялся Саянов.

— Правда, Михаил Епифанович? — загорелась девушка. — А сейчас? Хоть пара «лимончиков» осталась?

— Тэ-тэ-тэ, — поцокал языком Саянов, качая головой. — Не хотел бы я, Марусенька, быть твоим суженым... При миллионах-то... Ты бы, девонька, мигом вколола мне что-нибудь этакое... Успокоительное...

— Да что вы такое говорите, Михаил Епифанович! — возмутилась Маруся. — Как вы можете...

— А, задело тебя за живое! — потешался доктор Саянов. — Ладно, не горюй, подыщем тебе супруга... Богатенького и шизанутенького. Что ты, например, скажешь о старике Венгерове? А? Ты его хорошо знаешь, он ведь наш давний пациент.

— Фу, какой противный... И нищетой от него так и прет.

— Ха! Нищетой... Он, между прочим, владелец огромного количества золота и бриллиантов. На том и помешался...

Саянов подтрунивал над бедной девушкой, но та всерьез призадумалась...

Пустяшный этот разговорчик произошел с полгода назад, и Михаил Епифанович напрочь о нем позабыл. А зря, совершенно даже зря...

Очередной пациент, состоящий на учете в его диспансере, восседал перед Михаилом Епифановичем. Это был высохший старик с блуждающим взглядом. «Венгеров Ефим Станиславович, 69 лет, паранойя», — значилось в амбулаторной карте, лежащей перед доктором. Наблюдался Венгеров уже два года, стало быть, сейчас ему семьдесят один. Надежд на исцеление, естественно, никаких. Так и помрет гражданин Венгеров параноиком.

— Доктор, я открыл страшную тайну, — проникновенно вещал старик. — Только с вами и могу поделиться... Один вы меня понимаете...

— Валяйте, — поощрительно кивнул пациенту Михаил Епифанович.

— Слушайте! — горячо зашептал Венгеров-старший. — Бог меня наказует, я знаю. Пятнадцать лет уж прошло, как я у себя в деревне, в Ольгинском, совершил тяжкий грех. Там церковь рядом была заброшенная, и как-то ночью, по осени, я отправился туда на своем «Москвиче», захотел плиты мраморные из пола церковного выломать. Стал ломом ковырять солею, отвалил несколько штук плиток, глядь — сундук в яме-то, а в нем — чаши золотые, кресты с камнями. Видно, когда-то от большевиков-безбожников святыни упрятали.

Доктор Саянов с усилием подавил зевок: этот бред сивой кобылы он выслушивал уже десятки раз.

— Только с тех пор нет мне покоя, — гулко ударил себя в грудь старик Венгеров. — Жена моя вторая, Валентина, пять лет назад умерла без покаяния. Знаете, от чего, доктор? Поскользнулась Валя на той садовой дорожке, что я церковными плитами вымостил! Нутро себе отшибла... Так и не поднялась больше с постели, отнесли ее, сердешную, на погост возле той самой церкви. Теперь вот меня хотят убить за наследство! Но ничего они не получат! — с неожиданной злобой взвизгнул старик. — Ничего! Все отдам сыночку своему родному, Витюшке. Искуплю вину перед мальчиком...

Доктор Саянов хмыкнул: как только умерла первая жена, Ефим Станиславович женился на молоденькой, с ребенком. И тут же сдал родного сына в детский дом — якобы на время. В угоду новой супруге. Однако почему-то это воспоминание не вызывало в нем острого раскаяния.

— Витюша с детства любил машины, — продолжал старик Венгеров. — Пусть купит себе «макларен». Миллиона долларов должно хватить, как вы думаете?

— Я думаю, что нам стоит выпить кофейку, — ответил Саянов как можно дружелюбнее.

Глава семнадцатая

Санитар психдиспансера Леня Чижиков с детства был обречен на жалкое существование: с такой фамилией никто, нигде и никогда не воспринимал его всерьез. Ни в школе, ни в Химико-технологическом институте, ни в лаборатории секретного «ящика», где в советское время разрабатывали боевые отравляющие вещества. И это несмотря на то, что специалист он был от бога. Чижиков смирился со своей неприметной судьбой. Видно, так ему на роду написано. Фамилия такая. Но вот наступила эпоха разоружения, а фактически — капитуляции, и чижиковский закрытый «ящик» закрыли

по-настоящему. С тех пор началось вялотекущее сползание Лени Чижикова в трясину общественного презрения.

Безбрежное море водки уносило бывшего химика в кромешную пучину. Однако по-настоящему пить он начал после того, как в середине 90-х к нему на квартиру заявился юркий господинчик с ящиком отборного виски.

— Это задаток, аванс, — коротко пояснил визитер.

— А что делать-то надо? — облизнул губы Чижиков.

— Пить, что ж еще. Закуска нужна?..

Юркий господинчик терпеливо дождался, когда Леня освежится, и заговорил по-деловому.

В общем, Чижикову снова предстояла научная деятельность. Правда, заказ был одноразовым: воссоздать в количестве 20 граммов свою последнюю разработку — яд, который до сих пор не значился ни в одном реестре и, соответственно, антидота, то бишь противоядия, не имел. Способ применения этой смертоносной отравы был весьма хитроумен: порошок помещали в телефонную трубку, и в течение суток все, кто имел несчастье в эту трубку говорить, уходили в мир иной.

— Дайте список ингредиентов, реагентов и всего прочего, что вам понадобится, — вежливо протянул ему лист бумаги неведомый заказчик. — Мы вам все доставим на дом.

Заказ Леня исполнил, получил денюжат, еще два ящика виски и постарался не думать о том, для кого же предназначалось изготовленное им угощение. Но не дали ему забыться в ласковом хмелю, не спасли от горьких дум лошадиные дозы «Белой лошади». Беда в том, что телевизор у Лени вообще никогда не выключался — то есть выключался-то Леня, а телевизор — нет.

Спустя неделю по «ящику» повсюду комментировали внезапную смерть известного политика-воротилы и его красавицы-секретарши. Смерть без каких-либо признаков криминала...

Тут-то и перешел Чижиков черту, отделяющую пьянство от алкоголизма. Было томительно жаль секретаршу, фотографию которой то и дело демонстрировали по ТВ.

Казалось, все в этом мире стало для Чижикова безразлично. Но это, как выяснилось, было не так. В последнее время Леню переполняла ненависть — тяжкая, лютая. И объектом столь сильного чувства был его начальник, главный врач психдиспансера Михаил Епифанович Саянов.

В этом мире существует немало людей, которые ненавидят тех, перед кем виноваты. И тех, кто давал им правильные советы, а они не послушали. Именно поэтому Леня Чижиков и ненавидел Михаила Епифановича:

тот постоянно советовал ему бросить пить, зашиться, а там, глядишь, вернуться к работе по специальности...

Вопреки ожиданиям Михаила Епифановича, его давний рассказ о несметных сокровищах старика Венгерова вовсе не показался медсестре Марусе полной ерундой. «А вдруг все это правда?» — с надеждой рассуждала девушка. Венгеров — вдовец, следовательно, у нее есть все шансы заполучить эти драгоценности.

Маруся вызвалась делать Ефиму Станиславовичу успокоительные уколы на дому. Бесплатно. Во время своих частых визитов девушка сумела внушить старику, что его родственники — пасынок и племянник — всячески желают смерти престарелому Ефиму Станиславовичу. И Венгеров-старший стал всецело доверять процедурной медсестре, всякий раз с нетерпением ждал ее прихода, чтобы излить душу. Он жаловался девушке, что ему одиноко без нее, ибо только она одна его по-настоящему жалеет.

Похоже, скоро можно будет вести речь о законном браке... Старик ведь не хочет с ней расставаться? Не хочет. Мифического сына Витюшку Маруся как помеху не воспринимала: где он? жив ли? К тому же, став законной супругой Ефима Станиславовича, она сможет не опасаться других претендентов на церковные сокровища.

В том, что они действительно существуют, Маруся имела возможность убедиться...

Девушка настолько свыклась с мыслью о том, что золото и бриллианты уже вот-вот будут принадлежать ей, что поневоле начала прикидывать, сколько еще протянет на этом свете ее будущий муженек. Долгонько, ох, долгонько! Даром что параноик, а жилистый дядька, живучий. Лет пятнадцать вполне проволынит. Если, конечно, не пособить ему, не помочь перебраться в мир иной ускоренным темпом.

Что же делать-то? И тут Марусю осенило. Доктор Саянов, пошутив насчет смертоносного успокоительного укола, невольно направил мысли медсестры в это русло. Правильно все сказал начальник, умный он все-таки человек!

Конечно, передозировка — дело чреватое. Здесь требуется что-то другое, похитрее, позамысловатее.

В таком деле очень даже может пригодиться Леня Чижиков, он ведь химик, большой знаток отравляющих препаратов. А тут нужен такой порошок, чтоб никаких подозрений не возникло.

Первым делом Маруся подумала, было, о том, чтобы соблазнить Чижикова. Но этот простой, многократно апробированный житейский способ

пришлось отвергнуть: Леня совершенно не походил на сексуально озабоченную мужскую особь.

Санитар сам дал ей в руки козырь против него, когда, выпив утреннюю дозу спирта, рассказал про похищение амбулаторной карты пациента. Не сболтни он, никто бы еще сто лет этой карты не хватился. Маруся тут же передала рассказ санитару главврачу Саянову и, как того следовало ожидать, Михаил Епифанович объявил Чижикову о его скором увольнении.

Но ведь Маруся вполне может уговорить Саянова сменить гнев на милость, пожалеть несчастенького Леню Чижикова. И тот будет обязан ей по гроб жизни!

Не ведая того, Чижиков очень пригодился Марусе. Он подал ей весьма важную идею: амбулаторную карту Венгерова нужно будет непременно выкрасть. Чтобы великовозрастные наследники Ефима Станиславовича не смогли в суде опротестовать законность брака между психически больным стариком и цветущей медсестричкой.

Исполнительный директор компании «Родные просторы» Виктор Ефимович Венгеров пристально наблюдал, как из подъезда девятиэтажки вышел высокий сутулый старик и ходко зашагал прочь. Так вот какой он, его папаша... Зажился ты, батя, на этом свете, видит бог, зажился!

Викинг поднялся со скамейки, вошел в подъезд. Пешком поднялся на нужный этаж.

Дверь в квартиру Ефима Станиславовича он открыл быстро и без особых усилий: за годы профессионального кладоискательства Виктор научился справляться с запорами куда замысловатей.

По прикидкам Викинга, в его распоряжении было не меньше часа. Пока отец дотопаёт до диспансера, пока натешится исповедью у доктора Саянова да выпьет с ним кофейку... В общем, за это время двухкомнатное жилище можно исследовать буквально по квадратным сантиметрам.

Судя по замку и по состоянию входной двери, до Викинга никто не пытался забраться в квартиру с сокровищами. Значит, люди считают все эти слухи и разговоры бредом сумасшедшего. И, дай бог, будут так считать и впредь. Особенно, когда старик обратится в полицию: «Ах, у меня похитили золото и бриллианты на фантастическую сумму!» Ну, кто поверит параноику?

...Виктор методично обыскал всю квартиру, включая бачок унитаза, антресоли, подоконники. Простучал все стены, полы и даже батареи отопления. Вскрыл телевизор, стиральную машину. Исследовал ножки столов и стульев, выпотрошил диваны и кресла.

Сокровищ не было.

— Вам как, с сахаром?..

Доктор Саянов нажал клавишу электрического чайника, выжидающе посмотрел на старика Венгерова. Тот погрузился в некое сомнамбулическое состояние. «Это ненадолго, — подумал Михаил Епифанович. — Это кратковременная реакция на эмоциональное возбуждение. Через минуту-другую снова начнет лопотать всякую чушь».

— Значит, с сахаром, — сказал он, доставая из шкафчика две чашки с блюдцами, банку кофе, сахарницу. Потом водрузил на стол початую бутылку отборного коньяка, неспешно насыпал каждому темно-коричневых гранул, добавил в чашку пациента две ложки сахарного песка и откинулся в кресле, дожидаясь, пока в чайнике забурлит вода.

— А себе... что же? Сахару?.. — подозрительно глянул на него Ефим Станиславович.

— Я обычно пью несладкий, если добавляю коньяк. Вот без коньяка — тогда да, тогда с сахаром.

Михаил Епифанович поднял глаза на пациента и непроизвольно передернулся: лицо старика пошло пятнами, он смотрел на врача с ненавистью и гневом.

— Ты задумал отравить меня! — брызжа слюной, завопил больной. — Вместе с сахаром ты всыпал мне в чашку цианистый калий! Ты, мерзкий эскулап, в сговоре с моими сородичами! Они заплатили тебе!

— Да успокойтесь вы, ради всего святого, — раздраженно осадил его Михаил Епифанович. — Не хотите — не пейте, черт бы вас подрал, в конце-то концов....

— Я болен, я сильно болен, — заплакал старик. — Простите меня. Простите... Нашло что-то... Я пойду, доктор... Простите... — Он вдруг поднялся со стула, снова недобрым взглядом посмотрел на главврача и совершенно нормальным, деловым тоном проговорил: — Вы не особенно-то на меня обижайтесь, доктор. все знаю о вас. Вы долгое время были начальником Кудиновской строгорежимной психиатрической больницы. В Егорьевском районе, откуда и сам я родом. Так вот, милейший вы наш Михаил Епифанович... Сколько ни в чем не повинных людей вы спровадили на тот свет? Скольких довели до безумия? Лишили рассудка? Не пора ли платить по счетам, доктор Саянов?

Саянов почувствовал, как вся кровь отлила от его лица.

«Да он совершенно здоров! Прикидывался? Он приставлен ко мне полковником Лисиным, следил за мной все эти месяцы, что я здесь работаю! Вот оно что! Или... Или я все-таки заразился, и у меня мания преследования? У меня, а вовсе не у этого старика!»

— Советую по возвращении в кабинет выпить ваш кофе. Без коньяка. Очень советую добавил Венгеров.

— По возвращении? — растерялся Михаил Епифанович. — Что вы имеете в виду?

— То, что сейчас вы пойдете проводить меня до ворот.

Они вышли в приемную, где одиноко сидела за стойкой регистратуры медсестра Маруся. Она посмотрела на Саянова каким-то напряженным и чужим взглядом. А Ефим Станиславович снова преобразился в полоумного пенсионера, зачастил возбужденно:

— У вас, доктор, дорожка к воротам плитками вымощена... Прямо как та, на которой Валя смерть свою приняла... Я боюсь, боюсь по ней ходить! И заросли вдоль нее непролазные... Они там меня поджидают! Мои убийцы!

Из-за кустов на доктора Саянова, зловеще усмехаясь, смотрел уволенный с будущего месяца Леня Чижиков. И вдруг санитар подмигнул главврачу, медленно погрозил пальцем...

Михаил Епифанович, разумеется, читал исследования о том, как психиатры сходят с ума. Похоже, теперь ему довелось примерить эту медицинскую гипотезу на себе.

Глава восемнадцатая

Алексей Каморин корпел над сводкой происшествий и тосковал. К чему вся эта обыденная работа, когда на илистом дне речки Мошенка их дожидаются огромные залежи золота?

В отличие от Бурава, Комар даже краем сознания не помышлял о том, чтобы заделаться золотым магнатом. Нет! Прав, сто раз прав был подполковник Бурцев: в его молодом напарнике проснулся романтик. Азартный романтик! Действительно ли Мошенка — «золотая» речка? Убедиться в этом, извлечь драгоценный слиток из подводной трясины — вот приключение так приключение!

Интересно, а что сейчас поделывает Бурав?..

Не успел он так подумать, как в кабинет стремительно вошел подполковник.

— Привет, куманек! — бросил он Комару. — Есть чего-нибудь пожрать?

— Есть, — рассеянно ответил Алексей и полез в сумку за плюшками. — Две штуки осталось...

Вдруг настойчиво зазвонил телефон, соединяющий кабинет с дежуркой, и он снял трубку.

— Убийство, Макс, — промямлил Алексей, выслушав сообщение. — У нас в Беляево.

Саянов возвращался в родной кабинет, и постепенно ужас, леденивший конечности, отпускал его, растворяясь в теплых приливах крови.

Маруся выпорхнула из двери диспансера, беззаботно подхватила шефа под руку:

— Пойдемте обедать в наше кафе, Михаил Епифанович! Самое время.

Наивная, беззлобная, пустоголовая девчушка... Но почему она так смотрела на него, когда он со стариком Венгеровым покидал кабинет?

Плотно поев, доктор Саянов ожидал, что к нему окончательно вернется здравомыслие. Но нет, не возвращалось! Наоборот, какие-то дурацкие мыслишки лезли и лезли в голову.

«Вот сейчас я последний раз в жизни пообедал», «вот я в последний раз вхожу в калитку диспансера», «а теперь я в последний раз повесил плащ на вешалку в регистратуре».

— Надо выпить, — вслух сказал Михаил Епифанович и прошествовал в кабинет.

Через минуту оттуда раздался его негодующий крик:

— Маруся! Чижиков вылакал мой коньяк! А ну, приведи его сюда!

Девушка, вздохнув, пошла искать Леню. Завернула за угол здания и увидела санитаря, который спал в беседке мертвецким сном, и будить его было бесполезно.

Вернувшись в регистратуру, Маруся застала здесь посетительницу в строгом деловом костюме.

— Здравствуйте, Светлана Петровна! Сейчас я найду вашу карточку.

Посетительница, которую Маруся назвала Светланой Петровной, достала из сумочки небольшой изящный флакон.

— Это вам, милая Машенька. Французские.

— Спасибо, — зарделась от удовольствия медсестра. — Сейчас Михаил Епифанович вас примет.

Взяв нужную карту, девушка шагнула в кабинет главврача.

И замерла на месте.

Главный врач районного психиатрического диспансера Михаил Епифанович Саянов неподвижно скорчился за письменным столом, остекленевшим взглядом уставившись в одну точку.

Даже слабых Марусиных познаний в медицине было достаточно для того, чтобы понять: ее шеф мертв.

Полковник Кротов украдкой изучал Бурава, вошедшего в его кабинет.

— Ты чего зашел-то ко мне? — спросил он. — Дутова, кстати, мы отбили. Со дня на день, а может, уже сегодня, служебное расследование в его отношении будет приостановлено. Пока приостановлено, а там и во все прекращено. Мы, понимаешь ли... В общем, мы с генералом Беликовым на тебя стрелки перевели. Ты как, не в обиде?

— Я привычный, — фыркнул Бурцев. — Сдюжу.

— Сдюжишь, — согласился Хват. — А мы тебе поможем. Ох, как поможем, не сомневайся.

— Спасибо, Геннадий Иванович. Только я по другому поводу. Не совсем с этичной просьбой я к вам пожаловал... Просьба моя бестактная, но чисто деловая, рабочая.

— Постойте, постойте... Вы же временно отстранены от работы, Максим Юрьевич, — нахмурился Кротов. — Не надо мне тут новую головную боль прописывать!

— Так я и знал, — вздохнул Бурав. — Хочу доложить, буквально только что у себя в кабинете скончался психиатр Саянов. Смерть явно криминальная...

— А-а, вот оно что! — взъярился начальник отдела. — Ну-ка, вспомните, сударь, что говорил здесь этот парень из собственной безопасности, как бишь его... Свитский. Вокруг вас, товарищ подполковник, то и дело гибнут люди. И ведь он прав оказался! Саянов тестировал вас на предмет вменяемости, а сегодня он мертв! Как вы это изволите объяснить?

— Я как раз собираюсь это объяснить, — набычился Бурав. — И категорически прошу дозволить мне провести оперативный сбор информации с выездом на место происшествия.

— И речи быть не может, — отрезал Кротов. — Это грубейшее нарушение, вы отстранены от дела.

— А вы пошлите капитана Каморина, — ласково предложил Максим. — И доктора Груздина заодно... А я уж к ним как-нибудь присосежусь. Так сказать, неофициально. Я, Геннадий Иванович, уже известил районный угро Беляево, что лично приеду на место преступления. И распорядился ничего не трогать до моего приезда, задержать всех имеющихся в диспансере свидетелей и ждать.

— Да ведь это все равно, что допустить на место преступления постороннего! Человека с улицы! — кипятился Хват.

— Бросьте, Геннадий Иванович, — дружелюбно отозвался Бурцев. — Вы-то знаете, что никакой я не посторонний. Доктора Саянова убили, потому что... он должен был встретиться со мной для очень важного разговора. У меня есть десять минут, чтобы вкратце ввести вас в курс дела. А вы уж потом переваривайте услышанное. Но уже без меня...

Глава девятнадцатая

С утра на Москву посыпался неспешный летний дождь. К обеду похолодало.

Комар и Бурав знакомой дорогой ехали в Беляево на серебристой «девятке» подполковника. Подруливая к психдиспансеру, Бурцев с чувством полного удовлетворения вспоминал концовку разговора с Геннадием Кротовым.

— Желаю вам, Максим Юрьевич, хорошо провести время в отпуске, — многозначительно сказал Хват. — Если что — звоните...

И добавил, что официального разрешения на участие в расследовании убийства доктора Саянова он Бурцеву не дает. Что, разумеется, означало молчаливое согласие на поездку лучшего сыщика МУРа в район места преступления.

Перед входом в диспансер стояла «труповозка», возле которой, как обычно, маялись санитары. У крылечка курили два местных опера. Бурцев поздоровался с ними за руку, и один из сыскарей мотнул головой в сторону двери:

— Там Шаравин, Груздин и Слава Зарезин. Колдуют... А у вас как дела, товарищ подполковник?

— Все нормально, ребята, — бодро ответил Бурав.

— Мы так и думали, — обрадованно заулыбались опера.

Максим и Алексей вошли в святилище районной психиатрии. Из кабинета Саянова доносился монотонный голос криминалиста Славы Зарезина: он диктовал протокол осмотра места происшествия следователю по особо важным делам городской прокуратуры Константину Шаравину. Открыв дверь, Максим с порога пристально всмотрелся в посиневшее лицо покойника. Что же такое хотел сообщить ему доктор Саянов, если его вскорости быстренько спровадили на тот свет?

Выслушав стандартный доклад криминалиста Зарезина (наличие нескольких групп отпечатков пальцев, отсутствие следов борьбы, следы грязи на полу кабинета, пустая бутылка из-под коньяка и прочая), Бурцев повернулся к Груздину:

— Что скажешь, док?

— Судя по всему, цианистый калий, — пожал плечами Сергей Сергеевич. — Время смерти — час с четвертью тому назад. Если точно — в 14.20. Н-да, цианистый калий...

— Тут пузырек был на столе у него, товарищ подполковник, — добавил Зарезин. — Только... — Он замялся и протянул Бурцеву полиэтиленовый пакетик со склянкой.

Затем Бурав повернулся к следователю Шаравину, который буравил подполковника недобрым взглядом:

— Слушай, Костя... У нас ведь за последнее время целый ряд отравлений цианидом. Такое впечатление, что этот яд свободно продается в аптеках. Ты не помнишь, откуда брали цианистый калий прежние фигуранты?

— Ну... — запнулся Шаравин. — Достать его действительно не так уж сложно. Цианистый калий можно даже по Интернету заказать — хоть вагон. И недорого. Он широко применяется в металлургии, в гальванизации цветмета, в ювелирном деле...

— И в золотодобыче, — веско изрек доктор Груздин, многозначительно взглянув на Бурава. — И еще одно, Макс... Цианистый калий очень несложно изготовить на дому, если обладаешь знаниями и имеешь минимум оборудования. Для получения цианида годится обычный ацетон.

— Максим Юрьевич, — осмелился, наконец, затронуть больной вопрос Шаравин, — если я не ошибаюсь, вы временно...

— Ошибаешься, Костя, — мягко ответил подполковник. — К тому же розыск по данному делу официально проводит хорошо знакомый тебе капитан Каморин. А я лишь ассистирую. Или — консультирую, уж как тебе будет угодно.

Бурав подошел к письменному столу, на котором лежала чья-то медицинская карта, глянул на обложку и обомлел: на ней было написано «Венгеров Ефим Станиславович».

«А наш исполнительный директор компании «Родные просторы» — Виктор Ефимович. И тоже Венгеров», — подумал он и поднял карту. Под ней лежал лист бумаги, разрисованный чертиками и фигурными знаками вопроса. Тут же — несколько слов, написанных от руки.

Видимо, Саянов размышлял, а рука его машинально делала записи...

«Ископаева» — эта фамилия была написана несколько раз и жирно обведена. А вот, в самом низу: «Латницы. Тамара Ископаева. Так это Ископаева? Она!!! Да, да, да. Венгеров Ефим. Венгеров Виктор».

Бурав смутно ощутил, что разрозненные слова складываются в незавершенный пазл. И еще понял: перед смертью доктор Саянов думал о том главном, что собирался поведать ему, Максиму Бурцеву.

— Что, Макс, нашел какую-то эпистолу? — дошел до сознания подполковника шуточный баритон доктора Груздина.

— Чего? — Бурцев поднял строгий взгляд. — При мне прошу не выражаться... Где стакан, из которого пил потерпевший?

— Он пил кофе, — ответил Зарезин. — С сахаром. Из чашки. Я уже упаковал вещдоки...

— А вот и сахарница, — кивнул Максим на тумбочку. — Скорее всего, цианид предварительно всыпали в сахар... Слава, возьми сахарницу на экспертизу. Леша, позови медсестру!

Вошла Маруся, боязливо покосилась на труп шефа и мимолетно перекрестилась, чем привлекла внимание Бурава, который уставился на красивый и наверняка дорогой крест на ее груди.

— Откуда у вас этот крест, Маруся? — вкрадчиво поинтересовался он. — Кто вам его подарил? И вы хоть знаете, что это за крест, из каких таких мест он взялся? Из каких потаенных недр?

— Мне этот крест жених подарил! — порозовела девушка.

— А как фамилия жениха? — давил Бурцев. — Стоп, стоп! Попробую угадать... Уж конечно, это был не доктор Саянов... Зачем ему, когда он и так... Ммм... Фамилия вашего суженого — Венгеров! Так?

Краска схлынула с лица вмиг растерявшейся девушки.

— Так... — прошептала она. — А что это за крест, из каких он мест, я не знаю...

Разумеется, называя фамилию Венгеров, Бурав имел в виду отнюдь не престарелого параноика, а молодого и цветущего кладоискателя Виктора Венгерова. Это казалось естественным: почему бы, действительно, двум беспринципным себялюбцам не составить пару? Они вполне подходят друг другу. Виктор — кладоискатель, и Маруся тоже ищет свой клад в виде богатенького мужа. А крест на груди Маруси явно добыт Виктором в одной из его экспедиций. То, что в роли жениха юной красотки-медсестры выступает душевнобольной Венгеров-старший, коему уже за семьдесят, просто не могло прийти Бурцеву в голову. Даже при всем его циничном отношении к действительности. Вот только одно удивляло Бурцева — молодой Венгеров, оказывается, может быть таким щедрым. Ведь крест, сиявший на Марусиной груди, стоил никак не меньше двадцати тысяч долларов. Или даже евро.

Впрочем... Щедр исполнительный директор «Родных просторов» только до определенной степени: дорогое украшение болталось на простом черном шнурке. Поскупился Витенька на золотую цепь, воистину подходящую такому кресту.

Бурцев поманил Комара. Тот подошел и внимательно посмотрел на удивительное украшение. Это был золотой крест в виде двух прямых пластинок, в длину — сантиметра четыре с половиной. Такой крест ошибочно принято называть католическим. Это неверно, ох, неверно. Ибо крест медсестрички Маруси был изготовлен именно для православного архиерея. Причем рангом никак не меньше архиепископа. Обычные, «рядовые» епископы не имеют права помещать крест на свой головной убор. А этот крест был взят с передней стороны владычного клобука. Ушко для ношения на груди

было приделано совсем недавно. Похоже, Венгеров откопал церковный клад... Вот откуда у него четверть миллиона долларов. А может, и больше.

— Сечешь? — спросил Бурав Комара.

— Секу, — послушно ответил тот.

— Обрати внимание — рубины-то, рубины! По семь-восемь каратов, и всего их — двадцать два, по числу глав Апокалипсиса. Обычно, Марусенька, архиереи носят на клобуке бриллиантовый крест такой же формы. И лишь один раз в году, на Пасху, они служат в клобуке с рубиновым крестом.

— Я ничего об этом не знаю, — плаксиво пролепетала девушка и прикрыла крест ладошкой.

— Максим Юрьевич! — взмолился следователь Шаравин. — Давайте все-таки оставим все эти разбирательства на потом. Сейчас есть куда более неотложные следственные мероприятия. И труп надо отправлять на вскрытие. Мне никогда не нравилась эта ваша манера — выяснять все, что только можно, прямо на месте преступления! Для этого свидетелей повесткой вызывают...

— Спокойно, Костя, — небрежно отмахнулся подполковник. — Я занимаюсь самым, что ни есть, неотложным делом, уверяю тебя. А вы, гражданочка, скажите, пожалуйста, почему же ваш женишок, молодой и предприимчивый Виктор Венгеров, вместе со столь дорогим крестом не подарил вам золотую цепь? А? Поскупился?

Маруся разинула рот в замешательстве.

— Но мой жених вовсе не Виктор Венгеров... Я даже и не знаю такого...

— Как не знаете? — опешил в свою очередь Бурав. — Вы же только что...

— Ну да, — Маруся снова сделала высокомерное лицо. — Я выхожу замуж за Ефима Станиславовича Венгерова, понятно?

— Вашего пациента? Семидесяти с лишним лет от роду?! — ужаснулся Бурцев, а доктор Груздин захохотал без всякого стеснения.

— А Ефим Станиславович вовсе не скупой, — сказала вдруг Маруся с достоинством. — Просто он — человек набожный. Так и велел: ты, мол, Машенька, сходи в церковь и купи обычный освященный шнурочек. На нем и крестик этот носи. Так, мол, положено.

— Все верно, Макс, — подтвердил Алексей. — По православным традициям...

— Ладно, ладно, — проворчал подполковник. — Обескуражили вы меня тут все капитально... Традиции, понимаешь... Да по православным традициям, если хотите знать, жениха и невесту не венчают, если разница в возрасте больше тридцати лет! Разве только невеста на сносях... Вот так-то. А по традициям Московского уголовного розыска... Снимайте крест, гражданочка! Я изымаю его в качестве вещдока. То бишь, вещественного доказательства, а возможно — и улики.

— Не отдам! Ни за что! — страстно возопила Маруся. — Это все, что у меня есть!..

— Угу, — хмыкнул Бурцев. — Все, что нажито непосильным трудом.

Вмешался следователь Шаравин:

— Э-э... Максим Юрьевич... вмешался следователь Шаравин. — А вы уверены, что имеете право?..

— Уверен, Костя, уверен. Скорее всего, сокровища старика Венгерова приобретены незаконным путем.

Маруся побелевшими пальцами сжала крест на своей груди, глаза ее метал карие молнии.

— А я тут при чем? Какие ко мне-то претензии?

— А вот какие, — терпеливо начал Бурцев. — Твоего начальника, Михаила Епифановича Саянова, убили по ошибке. Отравить намеревались его пациента, Ефима Венгерова, твоего жениха. И цианистый калий вполне могла насыпать в сахарницу... ты, Марусенька. Чтобы завладеть сокровищами душевнобольного старика. — Он повернулся к Шаравину: — Костя, занеси крест этой милой девушки в протокол. Как улику.

Следователь кивнул, а Маруся кинулась к нему, заверещала:

— Нет, не заносите! Не отнимайте... Ну, подождите, хотя бы выслушайте! Я вам сейчас такое расскажу!

И медсестра начала рассказывать о церковных сокровищах старика Венгерова, о его сыне, который был тут пару дней назад и выспрашивал об отце... О планах Маруси выйти замуж за престарелого параноика, а потом спровадить его в мир иной с помощью профессионального отравителя Лени Чижикова, который работает тут у них санитаром и пьет как проклятый, о докторе Саянове и его страшном прошлом, о двух абортах, которые она сделала от похотливого начальника, чтоб ему на том свете припомнилось...

— Хватит для начала, — выдохнул Бурцев. — Костя, не заноси пока крест в список улик... Уважим свидетельницу. А вы, Машенька, позовите сюда вашего несостоявшегося подельника.

— Кого-кого?

— Санитара Чижикова, а еще посетительницу, которая пока не успела уйти.

Глава двадцатая

— Я служу в представительстве иностранной фирмы, зовут меня Светлана Петровна Климова, — входя, сразу представилась женщина. — И если там узнают, что я состою на учете в психиатрическом учреждении...

— Это обстоятельство останется в тайне, — заверил ее следователь Шаравин. — Вы только не волнуйтесь, пожалуйста, Светлана Петровна.

Мы вас не задержим. Расскажите о том, что именно происходило при вас в этом помещении.

— Сегодня я пришла сюда примерно в пятнадцать минут третьего, в регистратуре никого не было.

— Я выходила за Чижиковым, его вызвал Михаил Епифанович, — принялась, было, оправдываться медсестра.

— Мне послышалось, что доктор Саянов с кем-то разговаривает в своем кабинете, и я не стала к нему заглядывать.

— Он просто матерился вслух, — уточнила Маруся. — Когда я вошла в регистратуру, тоже слышала...

— Совершенно верно, — подтвердила Климова. — Когда вернулась Маша, Михаил Епифанович был еще жив, это точно: мы слышали, как он ложечкой болтал в чашке. Потом Машенька взяла мою карту и пошла в кабинет...

— А он там сидел мертвый, — глухим голосом вставила медсестра.

Климовой стало дурно: взгляд ее помутился, она принялась тереть виски. Шаравин тут же подскочил к ней со стаканом воды. Климова принялась жадно отхлебывать, потом отставила стакан и, поблагодарив следователя, произнесла:

— У вас есть еще вопросы ко мне? Может, хватит? Может, я все-таки пойду, наконец, на воздух?

— Вы свободны, — вздохнув, сказал Бурцев.

Климова подошла к вешалке, сняла легкий импортный плащ и гордо удалилась, неся его в руке.

А Маруся пошла искать Леню Чижикова.

— Я на зов явился, — проговорил санитар, едва переступив порог регистратуры.

— Привет, Командор, — отозвался Бурцев. — Только руки я тебе не подам.

— Надо же, — удивился бывший интеллигент. — Оказывается, среди ментов есть такие, которые знают «Каменного гостя». Уважаю.

У Чижикова, чей сон был так безбожно прерван Марусиным сообщением о смерти главврача Саянова, страшно раскалывалась голова. Но при этом он был совершенно протрезвевшим. А трезветь санитару нисколечко не хотелось.

— Судя по тем следам, которые вы, любезный, оставляете за своей командорской поступью, вы заходили в кабинет убитого. Заходили ведь? Не отпирайтесь, экспертиза...

— Да-да, экспертиза, — равнодушно произнес Чижиков. — Дело знакомое. Я, гражданин начальник, пьянею-то быстро, но и очухиваюсь момен-

том. И с памятью у меня все в полном ажуре. Так вот. Пишите. Я отравил главврача Саянова цианистым калием.

Шаравин старательно и невозмутимо заносил показания убийцы в протокол. Дело можно закрывать, и на этот раз подполковник Бурцев со своими извечными домыслами не помешает Косте закруглиться пораньше и отправиться к своим трем малолетним дочкам.

— Вы? Это вы отравили Саянова? — выдавил из себя Алексей Каморин.

— Именно так, — печально подтвердил Чижиков. — Пока Саянов провозжал пациента, я зашел сюда, в регистратуру. Думал, может, Маруся нальет мне грамм пятьдесят спирту на опохмелку. Как обычно.

— Неправда! — вскинулась медсестра. — Ничего я тебе никогда не наливала! Я спирт не ворую!

— Воруюшь, — махнул на нее рукой Леня. — Ну да ладно, замнем. В общем, гляжу — нету ее тут, Маруськи-то. А дверь в кабинет приоткрыта. Я зашел, а там, на столе у Саянова, коньяк стоит. В общем, я прямехонько на этот самый коньяк и пошел. И выпил его. Весь. Из горла. Что, и за это меня привлекать будете?

— За это — не будем, — успокоил его Бурцев.

— И на том спасибо, — издевательски поклонился ему Леня. — Да, выпил я... Ох, захорошело мне-е! Дивный коньячишко, сразу забирает. А потом вижу — пузырек на столе у начальника стоит. А формулу я хорошо знаю — цианистый калий там, значит. Ну, я крышечку отвинтил, да в сахарницу немножко цианиду и подсыпал. Пусть, думаю, доктор наш кофейку попьет. Коньяка-то у него благодаря мне совсем не осталось, значит, с сахаром хлебать будет. Вот, значит... Так и скопытился лютый душегуб Саянов. И я о том не жалею. А жалею я совсем о другом человеке. Семь бед — один ответ, — вздохнул Леня. — Помните воротилу Беруладзе? Это я изготовил порошок, который ему в телефонную трубку подложили. Но, опять-таки, и этого кровососа мне не жалко. Только там секретарша этого Беруладзе была, Дзинара... Красивая, молодая... Она тоже умерла. А теперь, видно, и мне пора сдохнуть на зоне.

Все молчали, потрясенные откровениями опустившегося человека.

— Товарищ подполковник! Товарищ подполковник!

— А? Что тебе, Слава? — повернулся Максим.

Из кабинета высунулся потный и взволнованный криминалист Зарезин.

— Я ведь сразу неладное заподозрил... Вы пока тут разговоры говорили, я экспресс-анализ сделал. В пузырьке, что стоял на столе потерпевшего Саянова, вовсе не цианистый калий. Врет этикетка!

— А что же там?

— Обычная поваренная соль!

Это было слишком — даже для подполковника Бурцева и привыкшего ко всему доктора Груздина. А Чижиков, так тот вообще выпал в осадок.

— Это как же... Это что же... — бормотал санитар. — Выходит, я дурак?

— Дурак, дурак, — заверил его Бурцев. — Будешь сидеть не за своего начальника, а за двойное убийство: Беруладзе и его секретарши. И, мне сдается, ты совсем не против того, чтобы сдохнуть на зоне... Да за Беруладзе ты и до суда-то не доживешь. Уж поверь...

В нагрудном кармане подполковника затрепыхался мобильный телефон.

— Да! — рявкнул в трубку Максим. — Дутов? Ты?

— Товарищ подполковник! — возбужденно орал в трубку командир бригады ОМОНа. — Слушайте, что я вам скажу!

— Ты где, Дутов?

— Неважно, где! Главное — на свободе! Прекратили против меня дело, вот оно как! И я перво-наперво кинулся про Латницкую психбольницу узнавать, что там и как... Ну, чтоб вас, стало быть, выручать, Максим Юрьевич!

«Есть все-таки настоящие мужики», — с благодарностью подумал Бурцев. А вслух спросил сурово:

— Ну и что ты узнал, капитан, если я тебе вдруг так срочно понадобился?

— А вот что, Максим Юрьевич. В мужском отделении все погибли от взрыва газа, там тридцать девять трупов...

— Знаю, — мрачно вставил Бурцев.

— Но в женском-то, в женском! — надсаживался Дутов.

— Что в женском? Там тоже есть погибшие? — ужаснулся подполковник.

— Нет! Все живы! Короче, там после нашего отъезда эвакуацию провели. Ну, как положено. В общем, слушайте внимательно и сами решайте, что к чему. Читаю: больных женского пола — двадцать семь человек, посетителей-родственников — четверо, медицинского персонала и обслуги — девять человек. Запоминаете?

— Да, запоминаю.

— Так вот, когда всех пациенток на автобусе в областную психиатрическую больницу привезли, на улицу Восьмого марта, то одной пациентки недосчитались. Двадцать шесть оказалось, а не двадцать семь! Понимаете?

— Начитаю понимать...

— Одна пациентка исчезла! То есть, не исчезла, конечно... Она, как думают, в автобусе халат больничный с себя скинула и в обычной гражданской одежде осталась. Притворилась посетительницей. Ну а посетителей-то отпустили еще в Латницах, их только до города довели. Суматоха была, неразбериха... Вы поняли, кто была та пропавшая женщина?

— Понял, чего тут непонятного.

Итак, главврач Тамара Ископаева, устроившая взрыв газа в мужском отделении Латницкой психбольницы, жива! И на свободе! Она вещала в

репродуктор, находясь в соседнем женском отделении. Запуганный медицинский персонал ее не выдал. Более того, ей помогли скрыться посреди всеобщей сумятицы.

— Как выглядит Ископаева? Ну, то есть... Кто-нибудь запомнил приметы пропавшей женщины?

— Да! Стройная, лет сорок пять, на левой руке — серебряный браслет в виде змейки... С зеленым камушком...

— Твою ма-а-ать! — не удержавшись, воскликнул Бурцев.

Ископаева только что была в его руках! И он ее самолично отпустил!

Зачем она заявила в Беляевский районный психдиспансер — об этом размышлять было некогда.

Бурцев метнулся во двор диспансера, за ним едва поспевал Комар, испуганный звериным воплем подполковника. Максим увидел, как черная иномарка, стоявшая у ворот, резко стартовала с места.

— Это Ископаева! За ней, Комар!

Он чуть ли не с мясом рванул из гнезда переднюю дверцу своей «девятки», вскочил за руль. Каморин плюхнулся рядом, и спустя пару секунд они уже мчались за мелькавшим впереди черным силуэтом.

— За кем это мы?

— За Климовой, которая совсем даже и не Климова, — зло процедил Бурцев и добавил: — Надо было тебя за руль посадить!

— Зачем? Ты водишь лучше меня, — с глупым видом промямлил Комар.

— Затем, что я и стреляю лучше тебя. А сейчас это куда важнее. Как я буду стрелять по скатам, если я за рулем?

Свой табельный ствол подполковник Бурцев сдал «охотникам за скальпами», но, как справедливо заметил Свитский, у подследственного сыскаря оставалось еще и наградное оружие — хромированный пистолет Макарова с плашкой «Лучшему оперативнику МУРа».

Глава двадцать первая

Черная иномарка — модель определить пока было трудновато — петляла, уходя от погони. Было слышно, как на поворотах визжат тормоза. Стало понятно, что Ископаева рвется из города на скоростную магистраль в сторону области. Там ее будет не достать... Однако недурно водит машину эта мадам, позавидовать можно! И хоть бы одна пробка на дороге! Или красный сигнал светофора. Так нет же! Закон подлости неодолим...

Над головой Максима уже давно завывала сирена: он на ходу водрузил «маячок» на крышу «девятки». Алексей вжался в сиденье, вперив свой взгляд в задний бампер ускользящей от преследования иномарки. Расстояние между машинами неуклонно увеличивалось.

— Метров сто пятьдесят, — будто прочитав мысли друга, прошептал Каморин. — И скорость — за сто пятьдесят. В черте города!

— Уже не в черте! Уже не в черте! — с досадой стукнул по баранке подполковник. — Уйдет! Не мой день!

Машины мчались по загородному шоссе, навстречу попадались редкие легковушки в сторону Москвы. Бурцев помедлил и обреченно потянулся к передаче — сбросить скорость. Дорожная дуэль проиграна, это очевидно.

— Макс! Смотри! — не веря своим глазам, воскликнул вдруг Комар.

К изумлению обоих, черная машина первой начала сбавлять ход. У Ископаевой не выдержали нервы? Похоже на то. Женщина все-таки...

Спустя секунду Бурав и Комар поняли истинную причину капитуляции противника: от черной иномарки густо повалил едко-желтый дым. Сел движок, не сдюжил, перегорел. Надо своевременно масло заливать...

Черная легковушка неподвижно замерла у обочины. Максим затормозил метрах в двадцати от нее и коротко бросил Алексею:

— Оружие приготовь.

Они вышли из «девятки», неспешно двинулись по обочине шоссе. Подойдя к левой передней дверце «фольксвагена», Бурцев постучал стволом наградного «макарова» по тонированному зеркальному стеклу:

— Тамара Ископаева! Выходите из машины. И без фокусов.

Комар встал поодаль, направив пистолет в сторону черной иномарки.

Щелкнул замок. Из «фольксвагена» медленно выпростался исполнительный директор компании «Родные просторы» Виктор Венгеров и покорно сложил руки на затылке.

— В сторону! Леша, обыщи! — приказал Бурцев.

В голове подполковника стремительно проносились рваные строчки, написанные доктором Саяновым незадолго до смерти: «Ископаева! Да! Виктор Ефимович Венгеров...»

А что, если покойный Михаил Епифанович имел в виду такую вот вещь: бывшая главврач Латницкой психбольницы Тамара Ископаева и нынешний руководитель золотодобывающей компании Виктор Венгеров накрепко связаны между собой? Возможно даже — близки?

Максим заглянул в салон иномарки. Там никого не было. Пусто!

— Так это, оказывается, вы, подполковник, гнались за мной столько времени? — нервно спросил Викинг и опустил руки. — А я-то думал...

— Что же вы думали? — резко повернулся к нему Бурав.

— Что органы правопорядка заподозрили меня в убийстве доктора Саянова, — передернул плечами Венгеров-младший.

— Откуда вы знаете про убийство?

— Да от оперативников, которые дежурили на входе в диспансер, — унимая дрожь в голосе, ответил Викинг. — Я приехал туда, чтобы погово-

ритель с доктором Саяновым о своем больном отце. Вот, собственно, и все. Так почему вы гнались за мной, господин Бурцев?

— А почему вы убегали? — огрызнулся подполковник.

— Так устроена жизнь — одни убегают, другие догоняют. А пистолетик-то у вас, господин подполковник, не штатный, смею заметить, — глумливо проговорил кладоискатель. — Никак, наградной? А позвольте вас спросить, где же ваше табельное оружие? Ах да, его же изъяли! Вы ведь находитесь под служебным расследованием, верно? Отстранены от дел. Могли бы, между прочим, отдохнуть. А лучше всего — заняться вашими новыми обязанностями. Я имею в виду — в качестве начальника службы безопасности нашего будущего прииска. Подобрать надежных людей... Лучше всего — ветеранов Афгана и Чечни. Да что я вас учу, в самом-то деле!

Они стояли посреди открытого пространства, их разгоряченные лица обдувал свежий летний ветерок. Мимо проносились машины... Ситуация складывалась прямо-таки нелепая, и Бурав это прекрасно осознавал. Комар тупо смотрел в землю. А Викинг, между тем, хлопнул себя по лбу:

— О господи! Как же я сразу-то не сообразил! Ну, конечно же...

— Что такое? — подозрительно глянул на него Максим.

— Понятно, почему вы гнались за мной. — В голосе Виктора слышалось неподдельное извинение. — Я же должен выдать вам и господину... ммм... Каморину аванс! В размере половины установленных вам окладов. Да, согласен, ради таких денег можно и гонку по дорогам столицы устроить... Вы позволите?

Максим угрюмо отстранился, и Викинг полез в утробу своего авто. Достал кожаный портфель, расстегнул. Его пальцы больше не дрожали.

— Вам, господин Бурцев, — протянул он Максиму толстенький конверт.

— Вам, господин Каморин. — И такой же конверт, только чуть менее пухлый, лег в ладонь Алексея.

— Господа, расписываться в получении совершенно не обязательно, — добавил Венгеров-младший. — Все свои, верно?

Бурав вертел в пальцах полученную взятку. Практически — взятку! Самую первую в его жизни. Он ведь теперь, как принято говорить, «крышует» мафиозную структуру...

— Макс, — нерешительно повернулся к нему Алексей, — ты вот что... Ты пока возьми это себе. Потом отдашь, ладно? — Он не уточнил, кому именно Бурцев отдаст эти деньги, жгущие ладони простодушного капитана. Просто протянул свой конверт.

— Ладно, — буркнул Бурав, запихивая оба полученных аванса за пазуху. — А доктору Груздину?..

— Что ж, извольте передать. — Викинг снова полез в портфель, извлек очередной конверт. — Надеюсь на вашу порядочность, подполковник. Вы подбросите меня до метро? А то, по вашей милости, у меня мотор перегорел. Как раз хотел масло менять...

Бурцев кивнул и неожиданно задал Виктору вопрос:

— Скажите, Венгеров, вы знакомы с женщиной по имени Тамара Ископаева?

— Нет, — мотнул головой исполнительный директор. — А кто она?

— Бывшая главврач той самой психбольницы, которую она же и взорвала. Красивая женщина, между прочим! Изящная. Умная. Безжалостная, беспринципная и хладнокровная убийца.

— Позвольте, ведь она же...

— Нет, не погибла, представьте себе! Жива-здоровая! Поехали, Комар...

Напарники двинулись назад, к «девятке» подполковника.

— Позвольте! А как же я? Вы не подвезете меня? — крикнул им вдогонку Венгеров.

— Обойдетесь, — бросил Бурав, не оборачиваясь.

— Мы вряд ли с вами подружимся, подполковник! — услышал он задиристый пассаж Викинга.

— Это уж точно, — согласился Максим.

Глава двадцать вторая

Известная истина: к хорошему привыкаешь быстро. И, как водится, столь же быстро перестаешь это хорошее ценить. Пока оно не останется в прошлом, разумеется.

К сожалению, труднее всего человек доходит до понимания самых простых вещей. Ну, к примеру, что надо хорошо учиться в школе. Слушать советы старших. Не обижать других людей. И тогда в твоей жизни все сложится наилучшим образом. По большому счету.

Но лишь познав невозполнимые потери, человек (да и то — не каждый) осознает, что вековую премудрость не надо пытаться осмеять, оспорить. Не стоит убивать годы и силы душевные на то, чтобы доказать, будто ты — исключение из правил, и на тебя эта самая мудрость не распространяется. Нет исключений. Мир устроен одинаково для всех... И, возможно, в этом кроется его тихая красота.

Только получив от Виктора Венгерова конверт с незаработанными деньгами, Алексей Каморин с тоской осознал, что разрушил свою жизнь. А как же, оказывается, он замечательно жил в последние годы! А главное, совесть его была спокойна и чиста. Как же он мог пренебречь этим величайшим даром небес? И как теперь ему смотреть в глаза Ирине? Делать

вид, что все идет как прежде? Нет, не получится. Не такой он человек. Осталось одно: как и прежде, довериться подполковнику Бурцеву. И молиться, чтобы он не подвел.

Разумеется, дело не дойдет до открытия нелегального золотого прииска на речке Мошенка. Бурав сейчас опутывает невидимыми сетями всю эту шайку мошенников, чтобы в одночасье прихлопнуть камарилью, когда против них будет собрано достаточно улики. Когда они увязнут по уши...

И тогда Бурцев передаст государству сведения о залежах золотоносного шлака. И деньги, полученные от Венгерова, они сдадут в казну. И снова мир душевный воцарится...

Повеселевший Комар вышел из «девятки» неподалеку от своего жилища в Беляево, чтоб перекусить по-домашнему, а Бурав отбыл в неизвестном направлении.

Алексей на радостях буквально взлетел по лестнице. Ну-ка, что там вкусенького приготовила Ирина?

Щи, разумеется. Щи с курицей.

— Я будто угадала, что ты обедать домой заедешь, — суежилась Ирина. — Какими судьбами?

— Лихими. Гнались сейчас с Буравом за одним деятелем по Калужке. Еле настигли.

— Поешь сначала, а потом все-все расскажешь. Давай как раньше?..

В былые времена Алексей неизменно рассказывал жене обо всех перипетиях очередного дела, та слушала очень внимательно, с интересом и вставляла свои замечания — на удивление, к месту.

Каморин отодвинул тарелку, сыто вздохнул и принялся повествовать о докторе Саянове, о диковинном нательном кресте медсестры, который вовсе даже не нательный, а переделанный из архиерейского, об окончательно опустившемся Чижикове, о нервной пациентке Климовой...

— ...И вот снимает эта самая Климова с вешалки шикарный легкий плащ. Как раз по тебе. Жаль, нельзя конфисковать...

— А придется, — серьезно сказала Ирина.

— Что — придется? — опешил Алексей.

— Конфисковать плащ. Как вещдок. Или даже улику.

— Да против кого же эта улика?

— Против этой самой Климовой, которая не Климова. Это ведь она отравила доктора Саянова цианистым калием.

Комар, мрачней все больше и больше, в который раз выслушивал простые и совершенно очевидные выкладки своей жены. Только... Только очевидными все эти вещи были не для Алексея и Максима, а для обычной молодой женщины, чья голова не заморочена геополитическими раздумьями, раскрытием мировых заговоров, организацией золотых приисков.

— Иришка, — печально посмотрел на жену Алексей, — натри мне фейхоа. С сахаром. Для прояснения мозгов... Да побольше!

Вернувшись в МУР, капитан Каморин принялся ждать подполковника Бурцева, чтобы сообщить ему версию Ирины. Комар, конечно же, не терял при этом времени даром. Он передал сведения о «вновь открывшихся обстоятельствах» по делу об убийстве Беруладзе и его секретарши в Генеральную прокуратуру, потом затребовал сводки происшествий по месту жительства покойного Михаила Саянова, ныне здравствующего пенсионера Ефима Венгерова, медсестры Марии Волковой и прочих фигурантов.

Навел справки о некой Светлане Петровне Климовой, проживающей по указанному в медицинской карте адресу. Якобы проживающей... Ибо таковой гражданки, как и следовало ожидать, на улице Островитянова не обнаружилось.

Занимаясь всеми этими процессуальными делами, Каморин зафиксировал недавнее убийство дворника Заякина П.А., случившееся во дворе дома, где проживал пенсионер Венгеров. Смерть потерпевшего наступила в результате огнестрельного ранения в голову. Преступник стрелял из пистолета марки «парабеллум».

Максим Бурцев отбыл вовсе даже не в неизвестном направлении. Он впервые за долгие годы спешил домой. Ведь там его ждала Надя.

Он только что упустил Ископаеву, «не дождал» Виктора Венгерова, оставил на полпути раскрытие убийства доктора Саянова. Да еще и этого несчастного Чижикова подвел под неминуемую гибель в следственном изоляторе...

И на все это Бурав взирал откуда-то сбоку. Не то, чтобы совсем уж равнодушно, но... сбоку.

Вместе с приходом в его жизнь Нади Волоховой ушла обретенная, было, способность предвидеть печальные события. Долгожданный звоночек прозвенел. Он выпросил у Бога короткое счастье. В том, что оно будет именно коротким, подполковник почему-то не сомневался. Да и не скорбел загодя о неизбежной утрате любви. Пусть все идет своим чередом!

Сергея Груздин сказал как-то:

— Знаешь, Макс, мы с тобой совершенно правильно выстраиваем свои отношения с женщинами. Женщина в жизни настоящего мужика — это как определенная категория лекарства. Годится только для наружного применения. Но никак не для внутреннего! Иначе — кранты. Не надо пускать их в свой внутренний мир, давать им возможность наследить в твоей душе.

Помнится, так говорил и папаша Максима Бурцева, человек легкий, привлекательный своей немудреной житейской философией: мол, бери,

сынок, от жизни все, и при этом — никогда не бери в голову. Батя сменил уже четырех жен, и со всеми расставался светло, без каких-либо взаимных обид. Он и сейчас жуирует направо и налево, хоть и разменял восьмой десяток. И ни о чем не жалеет! Надо бы повидаться с ним, познакомиться родителя со своей Надей. Батя одобрит, позавидует — это точно.

Да что там батя! Максим был так обостренно счастлив, что... завидовал самому себе. Похоже, и на себя-то он смотрит откуда-то сбоку.

Конечно, Максим нарушит отцовский завет, пустит Волохову в свою душу. Хватит щетиниться, ограждать себя от вторжений извне!

После их первой ночи, утром Бурцев ничуть не испытывал ни томления совести, ни холодной пустоты в сердце. А ведь именно эти чувства он раз за разом переживал после очередной случайной связи. А сейчас... Сейчас — нет. Слово весь мир и его вековая мораль существовали сами по себе, а они с Надей — отдельно. В своем собственном мирке. Максим как-то легко отодвинул привычные понятия о недопустимой разнице их возрастов, о том, что он годится Волоховой в отцы, а теоретически — даже в деды. Сорок восемь и восемнадцать... Те самые тридцать лет разницы, когда Православная церковь дает согласие на брак только с разрешения правящего архиерея.

Бурцев совершенно не терзался такой этической проблемой, как болезнь Нади, не думал о том, что он — сыщик, а она — преступница. А ведь она, как ни крути, преступница, эта миленькая девчушка с детским взглядом. Девять трупов на ней. Иной раз, проснувшись среди ночи, он разглядывал ее бледное личико, запрокинутую руку, силился осмыслить непостижимое — и не мог. Не мог отождествить лежащее рядом с ним любимое существо с образом серийного убийцы.

Глава двадцать третья

Бурав явился в МУР к самому концу рабочего дня, да и то — ненадолго: впереди маячил романтический ужин с Наденькой. При свечах, разумеется.

Алексей, припасая главные новости напоследок, доложил о проведенных оперативно-розыскных мероприятиях. Максим невнимательно просмотрел сводки, развернул бесконечные свитки факсовых донесений и пробурчал:

— Снова «парабеллум». Ты пробил пистолет по базе?

— Да, — самодовольно ответил Комар. — Номер установлен. В 1992 году это оружие проходило по делу об убийстве «челнока». Тогда задержали и осудили студента исторического факультета МГУ Гонадзе. Но пистолета при обыске не нашли. Гонадзе показал, что выбросил пистолет

в Москва-реку... Проверить это, разумеется, было невозможно по чисто техническим причинам. «Парабеллум» до сих пор в розыске.

— Та-ак, — удовлетворенно протянул Бурцев. — А Виктор Венгеров тоже окончил истфак МГУ. Ну-ка, Леша, глянь в Интернете список выпускников...

Через минуту друзья уже знали, что исполнительный директор «Родных просторов» учился на одном потоке с владельцем разыскиваемого донны-не пистолета.

— Осталось сложить два и два... — Бурав принялся по привычке раскачиваться с пяток на носки. — Гонадзе после убийства «челнока» избавился от улики, продав «парабеллум» своему однокашнику Венгерову. Лучше бы и впрямь выкинул...

— А на днях из этого «парабеллума» был убит дворник Заякин, — подключился к построению версии капитан Каморин. — И этот самый Заякин подметал во дворе дома, где проживал отец Венгерова. Старый параноик, утверждающий, что нашел в селе Ольгинское клад, церковные сокровища!

— Во-от, — вперил в него указательный палец Максим. — В Ольгинском, неподалеку от которого мы и познакомились с молодым Венгеровым. Очевидно, Виктор шел по следу того самого церковного клада. И вышел на отца, который ухитрился присвоить сокровища раньше сыночка!

— Так Виктор выслеживает отца, чтобы убить его? — ужаснулся Комар. — И забрать себе ценности?

— Да, Леша, боюсь, что именно так. Вот и в психдиспансере, где наблюдается его отец, Виктор побывал недавно. И сегодня он там маячил. Похоже, он выведал у дворника Заякина все, что ему было нужно, и пристрелил его как опасного свидетеля. Ведь наш кладоискатель понимал, что после убийства Ефима Станиславовича Венгерова гражданин Заякин может рассказать следствию, как возле дома ошивался молодой человек, выспрашивал о старике... А главное — Заякин хорошо запомнил Виктора.

— Надо арестовать этого негодяя, провести обыск! — негодующе заявил Алексей. — Найдем пистолет и упрячем Виктора за решетку.

— Надо, — кивнул Бурцев. — Но... не сейчас. Давай, брат, лучше вспомним. В мае мы с тобой брали крупного мафиози, адвоката Пискунова...

— ...у него на даче, — поддакнул Каморин. — У меня до сих пор от его пули ребра ноют. А у Пискунова уже ничего не болит, потому как ты его застрелил при задержании. Собака там еще выла... Часто мне по ночам эта картина снится.

— Ладно, проехали. Что мы у этого Пискунова на даче нашли? А?

— Церковные сокровища! — Комар округлил глаза. — О господи, как же это я...

— Угу. Перед тем как схлопотать пулю, Пискунов успел нам сказать, что это за ценности такие, откуда они у него взялись. Были похищены группой высокопоставленных чиновников из Гохрана в августе 1991-го. А в Гохран-то как они попали?

— Не помню, — сокрушенно понурил голову Алексей.

— А я помню, — назидательно произнес Бурав. — Незадолго до путча церковное золото и бриллианты были изъяты сотрудниками рижского КГБ у одного нелегального антиквара и доставлены в Гохран. Сам антиквар исчез, а потом объявился в Москве. Открыл магазин древностей на Таганке...

— Да это же наш старый знакомый! Безлепкин! — просиял Комар. — Только ведь ты его, Макс, еще два с лишним года назад за решетку упрятал... По якутскому делу...

— Свой небольшой срок Безлепкин уже отбыл. Пора его проведать, а, Комар?

— Я не все, конечно, понимаю, — нахмурился Алексей. — Только что мешает нам задержать Виктора Венгерова? Может, то, что...

— ...то, что он мне денег дал? — закончил за напарника Бурцев.

— Нет-нет, что ты, что ты, Макс, — залопотал Комар, хотя именно это он и имел в виду.

— Дурак ты, — поставил ему диагноз подполковник. — Но я тебя все равно люблю. Просто... Просто смерть психиатра Михаила Саянова как-то связана с этими сокровищами, Леша. И Виктор был там, в психдиспансере...

Тут-то Комар и воодушевился:

— А Ирина утверждает, что Саянова отравил вовсе не Виктор Венгеров! Да! Цианид всыпала в кофе... Климова! То есть, как ты ее называешь, Тамара Ископаева! Макс, моя женушка — просто гений сыска! Ископаева сама разрушила свое алиби, его у нее нет! Помнишь, когда ты отпустил Ископаеву...

— Прекрати сыпать соль на раны! — буркнул Максим.

— Лады. Так вот, когда Ископаева стала одеваться, она сначала сняла с вешалки макинтош покойного Саянова... А ее плащ висел на том же крючке, только под плащом убитого! Значит... Значит, когда Саянов и медсестра вернулись в диспансер из кафе, Ископаева уже была там, внутри! Только пряталась где-то. Наверное, в неработающем санузле... Ведь Саянов, перед тем как в последний раз войти в свой кабинет, повесил макинтош на уже висевший на вешалке плащ Ископаевой! Получается так, что Ископаева лжет, когда утверждает, что пришла на прием в 14.15, когда Саянов уже был в кабинете, матерился и готовил себе кофе. Она пришла раньше, когда Саянов и медсестра еще обедали. Ископаева машинально сняла плащ и, повесив его на вешалку, вошла в кабинет, сделала свое «черное» дело,

спряталась, а потом вернулась в регистратуру в своем бежевом деловом костюме. Она совершила промах, Макс! Волновалась, наверное, после того как всыпала цианид в чашку доктора! Вот и оставила плащ на вешалке.

— Спасибо, Леша. И передай мое восхищение Ирине. Только... Когда я узнал, что Климова — это вовсе не Климова, а Ископаева, то и сам сообразил, что она заявила к Саянову вовсе не для того, чтобы обсуждать вопросы психиатрии. Назвалась чужой фамилией, встала на учет, тщательно подготовилась... К чему? К убийству Саянова, это очевидно. К чему же еще? А плащ... Про плащ-то я и не сообразил. Молодец твоя жена, идеально подтвердила мою версию. Осталось только найти нашу бежевую беженку Ископаеву. Вредное ископаемое.

— Что ж... Спасибо и на этом, — вздохнул Алексей. — А при чем тут Виктор Венгеров?

— Пока ни при чем. Но он, Леша, нам нужен для того, чтобы вывести на поверхность куда более крупную рыбу.

Глава двадцать четвертая

Если перекинул ногу через забор, то уж и вторую перекидывай. Чего сидеть враскоряку? Примерно так рассуждал Максим Бурцев, когда вместе с Василием Шестаковым подъезжал к головному офису акционерного коммерческого банка «Транс-Норд-Ист».

Первый заместитель председателя правления означенного банка Сан Саныч Гаврилов встретил Бурцева со всем радушием, на какое только был способен. Плеснув в бокалы отборного виски, усадил подполковника в шаровидное кресло, пылливо посмотрел ему в глаза и мягко произнес:

— Рад видеть вас у себя в гостях, Максим Юрьевич.

— А уж я-то как рад, Александр Александрович! — с чувством ответил Бурцев.

Полтора года назад Сан Саныч ухлопал своего друга и непосредственного начальника — председателя правления «Транс-Норд-Иста» Вадима Биланова. А заодно и собственную женушку, Алевтину Гаврилову. Бурав изящно раскрыл это двойное убийство, но суд оправдал Гаврилова — «за недостаточностью улик». Акционеры «Транс-Норд-Иста» прекрасно понимали, что Алевтину и ее любовника отправил на тот свет именно он, тем не менее Сан Саныч сохранил за собой свой пост. Правда, занять вожделенное кресло убитого Биланова ему все-таки не удалось: по единодушному мнению членов правления, это было бы уже чересчур.

— Что привело вас ко мне и чем я могу быть вам полезен? — поинтересовался Гаврилов.

— Там за дверью, в вашей приемной, сидит человек. Это мой протеже. Можно сказать — компаньон. Ему нужен кредит под залог наследства.

Сан Саныч размеренно кивал при каждой очередной фразе подполковника, во взгляде его читалось одобрение. Затем внимательно просмотрел бумаги, протянутые ему Буравом, — нотариальные свидетельства о праве наследования трехкомнатной квартиры на Малой Бронной, оценочная стоимость коллекции редких золотых монет, оставшейся после убийства отчима Шестакова.

— Значит, господин подполковник, вы все-таки встали на путь истинный? — доброжелательно улыбнулся банкир.

— Считайте, что так.

— Ну-ну... Что ж. Здесь сказано, что наследство суммарно оценивается в два миллиона триста сорок семь тысяч долларов США. А где сейчас сама коллекция?

— Она под арестом до наступления срока наследования.

— Ясненько... Вы ведь понимаете, уважаемый Максим Юрьевич, что я, по идее, обязан затребовать коллекцию для хранения в нашем сейфе на весь период кредитования?

— Разумеется, понимаю. Но ведь ключевое слово в вашем высказывании — «по идее». Не так ли? Давайте, Сан Саныч, взаимно откажемся от некоторых идей. Поступим... э-э... безыдейно. Я, к примеру, готов отказаться от идеи упрятать вас за решетку за участие в алмазной афере, не говоря уж о...

— Стоп, стоп! — выставил вперед ладони банкир. — Безыдейно, так безыдейно. Я же не против... На какой срок вам нужна ссуда?

— Скажем, на год.

— Могу дать полтора миллиона. Долларов. Под двадцать процентов.

В кабинете повисла пауза. Гаврилов слегка занервничал, хотя и не подал вида. Не хватало еще, чтобы Бурав сейчас встал и молча удалился, так и не вычеркнув его из списка своих врагов и — что куда важнее! — не занеся банкира в список своих друзей.

— Вы же понимаете, подполковник, что ради нашего с вами знакомства я иду на определенные финансовые нарушения, — заговорил он. — Практически вы получаете деньги под честное слово. Я же не требую от вас отчета, на что вы намерены потратить кредит, как собираетесь его возвращать.

— Миллион восемьсот тысяч, — сказал Бурцев.

— Идет, — легко согласился Гаврилов. — Гм... В свое время я предлагал вам четырнадцать миллионов долларов. Безо всяких процентов. И даже без отдачи. Вы не взяли.

— Времена меняются, любезный Сан Саныч.

— И люди, как я вижу, тоже...

— Главное — чтобы все менялось в лучшую сторону, верно? — подмигнул собеседнику Бурцев.

— Верно... Значит, миллион восемьсот тысяч долларов на один год под двадцать процентов годовых с возвратом всей суммы в конце срока?

— Именно.

— Гм... Могу ли я так понимать, Максим Юрьевич, что мы начинаем наши отношения, как бы так выразиться... с чистого листа?

— Можете. Так что берите этот самый чистый лист и оформляйте кредит на Василия Владимировича Шестакова. И счет в вашем банке на означенную сумму — также на его имя. Сейчас я его к вам приглашу...

Эта фантастическая банковская операция вовсе не стала апофеозом противозаконной деятельности Максима Бурцева. Покончив с оформлением кредита и банковской карты, подполковник и «мальчик Вася», как мысленно прозвал Шестакова лучший оперативник МУРа, двинулись на Малую Бронную.

Сидя за рулем серебристой «девятки», Максим украдкой изучал своего пассажира. С Шестаковым творилось что-то такое... Ну, скажем так, не очень-то совместимое с предстоящей нелегальной добычей золота. Вася был отстраненно-задумчив и небрит. «Вот уж действительно, мальчик для битья, — подумал Бурцев. — Вдруг запьет? И ведь запьет!»

Ясно как божий день: побег из Латницкой психбольницы отнял у Василия последние остатки душевных сил. А лицезрение трагедии, разыгравшейся в мужском корпусе лечебницы, окончательно сломило «Пасынка».

Они вошли в подъезд престижного дома на Малой Бронной. Квартира покойного Владимира Филипповича была, как и положено, опечатана: узкие полоски бумаги с сиреневыми штампами бдительно охраняли жилище до положенного срока.

— Ключи, Пасынок! — коротко, словно собаке, отдал приказ Бурцев и, получив связку, вскрыл многочисленные запоры на бронированной двери, рванул ее на себя.

В квартире он неспешно загрузил в спортивную сумку тяжелые кляссеры с золотыми монетами: екатерининскими, павловскими и александровскими червонцами и имперIALами. Краем глаза отметил, что индикатор сигнализации в прихожей отчаянно пульсирует красным светом. Ну и шут с ним...

То, что дорогущая коллекция по-прежнему оставалась в пустующей квартире, не удивляло Бурава: это было нормально. Отправить золото на ответственное хранение было возможно только при участии законного

наследника, а «мальчик Вася» числился в бегах. Удивляло другое: почему жилище до сих пор не обчистили? Ведь о его содержимом знала уйма народу — в первую очередь среди представителей правоохранительных органов. Чудеса!

Они вышли на улицу.

— Все, Вася. Тебе дальше — пешком на метро. А ключи я тебе не отдам... В случае чего скажешь, что потерял, а где и когда — не помнишь.

Звуки сирены возвестили, что к месту несанкционированного проникновения в опечатанное жилище приближается наряд вневедомственной охраны.

Возле магазина «Антиквариат» подполковника Бурцева поджидал Алексей Каморин. Бурав издали заметил его долговязую фигуру, черные джинсы и коричневую рубашку.

Когда-то все это уже было... Комар и Бурав разрабатывали хозяина магазина, «золотаря» по фамилии Безлепкин, на предмет его причастности к убийствам в коттеджном поселке «Серебряные Ключи», что на северо-западе столицы. Смертельно запуганный Безлепкин принял тогда Алексея за фашиствующего молодчика.

Сейчас Андрей Степанович Безлепкин был уже не тот, что четыре года назад. И не только потому, что лишь буквально недавно, по весне, вышел из тюрьмы, отбыв двухгодичный срок за участие в алмазной афере. Сидел Безлепкин отнюдь не в лагере общего режима, а в Бутырской тюрьме, где, между прочим, недурно устроился — библиотекарем.

Нет, не тюремные годы изменили Безлепкина — как внешне, так и внутренне. Просто... Просто очень многое в жизни стремительно стареющего Андрея Степановича утратило смысл. Он подслеповато вглядывался в неожиданных визитеров. Ах, вот оно что, это все тот же зверюга Бурцев и его молодой, бесчувственный напарник...

— Добрый день, господа, — спокойно поклонился Безлепкин.

— Здравствуйте, Андрей Степанович, — грустно ответил Бурцев.

Странно, однако при виде своего давнишнего врага подполковник испытывал что-то похожее на ностальгию. И — сострадание...

В магазине мало что изменилось с тех пор, как Максим в последний раз наведывался сюда, охваченный почти маниакальной идеей во что бы то ни стало усадить антиквара за решетку. Будто бы вместе с тщедушным Безлепкиным он раздавит всю мировую мерзость. И усадил-таки, уpek... Но мерзости в мире не убавилось.

Двое продавцов ненавязчиво и с достоинством демонстрировали пожилым покупателям все прелести ветхозаветных безделушек...

— С чем пожаловали? — спросил сыщиков антиквар. — Неужели осталось хоть что-то, чего вы меня еще не лишили? Кстати, магазин все еще принадлежит мне, и капитал кое-какой имеется. Желаете конфисковать?

— Давайте все-таки пройдем в ваш кабинет, — предложил Бурав.

— Давайте, — кивнул антиквар.

Андрей Степанович шел по узенькому коридору и сосредоточенно повторял про себя очередность всех своих последующих действий. Так... Пистолет лежит в выдвижном ящике стола. Он сядет, потянет на себя ящик — якобы затем, чтобы достать очки. Предохранитель следует сдвинуть, не вытаскивая пистолет из ящика. Это — раз. Потом выхватит пистолет и выстрелит. Сначала — в долговязого. Он явно проворней коротышки Бурцева, да и хладнокровней, значит — куда опасней. К тому же он демонстративно держит правую ладонь на кобуре, тогда как движения подполковника Бурцева скованы объемистой спортивной сумкой, что висит у него на правом плече. Тяжелая сумка... Что в ней — антиквара совершенно не волновало.

Не беспокоили господина Безлепкина и сомнения насчет того, сумеет ли он спустить курок. Мол, ты ведь никогда еще не стрелял в людей, Андрюша... Вздор!

Итак, первым выстрелом он убьет долговязого фашиста. Если повезет, если он успеет, то вторая пуля достанется зверюге-подполковнику. А не повезет — так пускай Бурцев всю оставшуюся жизнь терзается мыслью, что из-за него погиб напарник.

Значит, так... Выстрел, резкий перевод ствола в направлении ненавистного Бурцева, еще один выстрел. Итого — две пули на двоих.

А третья?.. Третья пуля кому?..

Глава двадцать пятая

Начальник отдела убийств полковник Кротов вышел из сталинской высотки на Бульварном кольце. Геннадия Ивановича душили ярость и негодование. И еще — злость на самого себя. Он грузно втиснулся в начальственную машину. Ожесточенно хлопнув дверью, кинул водителю:

— На Петровку!

Он думал...

Н-да, если пристально покопаться в родословной Рюриковичей ли, Романовых ли, то поневоле усомнишься в праве нынешних представителей этих династий на российский престол. И примешься искать третий вариант реставрации монархии. А тут недолго и до того дойти, чтоб выдвинуть в качестве претендента на трон... самого себя!

Вот Анатолий Долгорукий, похоже, и решил: зачем разыскивать подлинных наследников, не лучше ли самому половить рыбку в мутной воде?

Так размышлял полковник Кротов.

Час назад машина привезла его сюда, к высотке, где подполковнику предписывалось подняться в квартиру под номером 73. Здесь, согласно полученной цидулке, должна была состояться встреча Геннадия Ивановича с князем Анатолом Долгоруким — если, конечно, такая перспектива интересует полковника Кротова.

Да, Хвата сия перспектива интересовала.

Одно лишь беспокоило начальника отдела убийств: каким образом Долгорукому стало известно о монархических предпочтениях муровского служаки? Хотя... Он ведь не особенно их скрывал. А зря... Надо будет все-таки перевесить портрет государя Николая Александровича в более сокровенное место.

Собираясь на эту встречу, Хват прикидывал: зачем это вдруг он понадобился «Рюриковичу»? В голову лезли всякие неприятные мыслишки.

Однако то, что произошло в квартире номер 73, не вмещалось в черепную коробку Хвата. Ведь он всего лишь бесхитростный «слуга царю, отец солдатам», а не мыслитель планетарного масштаба.

В коридоре двое в штатском вежливо, но непреклонно попросили Кротова сдать пистолет. Полковник не перечил: на определенном уровне процедура изъятия табельного оружия была обычной при беседах с глазу на глаз. И не только с глазу на глаз. Однако в душе Кротова шевельнулось гаденькое предчувствие...

В гостиной навстречу полковнику поднялся из кресла сухой величественный старик с холеной бородкой и пронзительными глазами.

— Рад, весьма рад, — приветствовал он Кротова рукопожатием. — Именно таким мне вас и описывали, полковник... Позвольте представиться: великий князь Анатолий Долгорукий, наследник российского престола по линии Рюриковичей.

Хват сел в предложенное кресло. В течение получаса Геннадий Иванович даже не притронулся к кофе — настолько потрясло его все то, что он услышал от своего сановного визави.

Оказывается, этот самозванец, именующий себя потомком древнего княжеского рода, всерьез рассчитывает на то, что полковник Кротов пойдет к нему в услужение! Геннадий Иванович не усомнился бы кинуться на самозваного наследника престола, восседающего перед ним, и удавить его собственными руками. Но некоторые соображения удержали полковника от свершения возмездия.

Во-первых, за дверью дежурили телохранители. Вооруженные и решительные. Конечно, за правое дело можно и жизнь свою отдать, и Геннадий Иванович почел бы такую смерть истинно геройской и богоугодной. Но...

То, что человек, именующий себя князем Долгоругим-Рюриковичем, на самом деле является академиком Анатолием Ардашкиным, якобы застрелившимся осенью 1991 года, полковник Кротов узнал от Бурцева. Максим взял с Геннадия Ивановича честное слово офицера, что он не будет вмешиваться в ход событий до того момента, когда его попросит об этом сам Бурав. Что они позволят Ардашкину, Трофимову и прочей шатии-братии начать производство золотых слитков на речке Мошенка, чтобы потом судить их по всей строгости закона.

Кротов дал слово. И не нарушит его. Тем более что Бурцев прав: пока что у них не хватает оснований для ареста всех участников подпольного золотого проекта.

Хват поднял глаза на Ардашкина-Долгорукого. Тот пристально смотрел на полковника.

— Должен заметить, Геннадий Иванович, — веско молвил самозванец, — что я веду свою родословную от самого князя Рюрика. Минуя Василия Третьего и его... гм... пасынка Ивана Четвертого. Наша ветвь Долгоруких — боковая. И совершенно чиста от ублюдков.

Ардашкин вдруг зашелся в глухом простудном кашле. Верно говорят: старость — не радость. Профессор медицины, вызванный в особняк на Мосфильмовской, сделал все, что мог, но чуда не случилось: свирепый бронхит никак не хотел покидать костлявую грудь академика.

— Простите, но я не могу с вами долго общаться, Геннадий Иванович. Приболел, знаете ли... Давайте резюмировать. Итак, если вы все-таки согласны с тем, что именно Рюриковичи должны являться наследниками престола Российского, а вовсе не Романовы, то... Я предлагаю вам стать моим советником. Разумеется, без отрыва от вашей основной работы.

В комнате повисла пауза. Кротов первым нарушил молчание:

— Что ж, ваша светлость, я весьма польщен тем предложением, которое вы мне сделали. Боюсь, что заслуги мои не столь велики, как вы их себе представляете...

— Ну-ну, бросьте скромничать, полковник, — резко перебил его Долгорукий. — Неужели вы думаете, что я выбираю людей абы как? Ваша кандидатура не вызывает у меня никаких сомнений. Поэтому и вы не сомневайтесь.

Кротов поднялся из кресла, вслед за ним встал во весь свой рост «великий князь».

— Я принимаю ваше предложение, ваша светлость. Ваше... высочество, — торжественно поговорил Хват. И ужаснулся: а ну как заставит сейчас этот ложный Долгорукий присягнуть ему на верность? Крест целовать? Что ж... Тогда они оба сейчас умрут. Прямо здесь, в квартире номер 73. Сначала — академик Ардашкин, а вслед за ним — Геннадий Кротов.

Но нет, не подал креста новоявленный наследник престола, не потребовал от Хвата встать на колени. Лишь улыбнулся понимающей улыбкой и протянул руку — не для целования, для рукопожатия.

— С Богом, Геннадий Иванович! Честию и доблестью служите России и ее наследным государям, ведущим свой род от прародителя Святой Руси, великого князя Рюрика!

...Когда полковник Кротов покинул квартиру номер 73, академик Ардашкин нахмурился. Где он допустил промах? Вернее, не так: где и почему ошиблась его программа «Мозаика», подсунув в качестве кандидата на пост советника этого чуждого человека, полковника Кротова?

Кротов был неискренен в своем изъятии покорности наследнику престола Анатолю Долгорукому. Это Ардашкин осознал со всей отчетливостью. Хваленый «Хват», как его называют коллеги в МУРе, затаился. И будет ждать своего часа, чтобы вонзить нож в спину академика.

Еще один враг, которого следует уничтожить. Это, конечно, пустяк.

Ужасно другое. То, что его «Мозаика», оказывается, вовсе не избавлена от таких вот погрешностей.

Глава двадцать шестая

— Останься в коридоре, — приказал Алексею подполковник Бурцев. — Следи, чтобы в кабинет Безлепкина никто не входил. Держи палец на спусковом крючке.

Комар деловито кивнул, а Андрей Степанович впал в минутное замешательство. Вся последовательность предстоящих действий, которую он затвердил в голове, буквально зомбируя себя, весь этот простой план летел коту под хвост.

Значит, так... Действуем иначе. Первый выстрел — в Бурцева. На звук хлопка в кабинет врывается долговязый, и тут же получает вторую пулю. А третья...

— Проходите, Андрей Степанович, — дружелюбно подтолкнул антиквара подполковник. — Что вы, в самом деле, встали как вкопанный...

Безлепкин засуетился, пропустил вперед Максима Бурцева, а сам, ссутулившись, юркнул за письменный стол. Выдвинул ящик, краем глаза приметив рифленую рукоятку пистолета. Сунул руку...

Бурав скинул с плеча тяжеленную сумку, небрежно бросил ее на стол перед Безлепкиным. Сумка скользнула по гладкой поверхности столешницы и свесилась в открытый ящик стола, преградив рукам Андрея Степановича доступ к оружию.

Антиквар мгновенно вспотел.

— Дражайший Андрей Степанович, — мягко заговорил ни о чем не подозревающий подполковник, — сегодня я пришел к вам не как оперативник МУРа.

— А как кто? — сипло выдавил из себя антиквар.

— Как клиент. Правда, не совсем обычный. Там, в сумке — золото. И какое! Да вы сами-то гляньте, оцените.

Андрей Степанович перестал что-либо соображать. Он отодвинул сумку на середину стола, снова полез в выдвижной ящик и вытащил... очки. Насупился, достал первый кляссер, второй...

В глазах антикара зарябило от обилия золотых монет двухсотлетней давности. Мир перестал для него существовать. Андрей Степанович бегло рассматривал нумизматические сокровища, причмокивал от удовольствия, а особо редкостные экземпляры вынимал из ячеек и подносил к самым глазам.

— Да-да, это просто восхитительно, — бормотал потрясенный старьевщик. — Бесподобно... И такое количество! Сто шестьдесят семь червонцев, двадцать восемь империалов... Отменная коллекция! Да что я говорю — ей просто нет равных в мире! Я даже сейчас, без всяких справочников вижу, что очень многие монеты — уникальны, сохранились в единственном числе... И в превосходном состоянии! Да это клад...

— Верно, это на самом деле клад, — подтвердил Бурав. — И он прямо сейчас может стать вашим, Андрей Степанович.

Безлепкин с интересом смотрел на подполковника. Перед ним стоял какой-то другой Бурцев, доселе неведомый. В этом новом Бурцеве чувствовался... Как бы сказать... Человек своего круга. Того круга, к которому с юных лет принадлежал сам Андрей Степанович. Тесного круга безжалостных дельцов...

— Полагаю, вы хотя бы примерно осведомлены, какова реальная стоимость этой коллекции? Ну, приблизительно? — заговорил Безлепкин поделовому, будто с равным.

— Разумеется, Андрей Степанович. Не будем пытаться друг друга обмануть. Ну, разве что в пределах допустимых норм.

— Вы желаете продать монеты или сдать их на реализацию? — сухо спросил Безлепкин.

— Лучше покончим со всем этим теперь же, — в тон ему отвечал Бурцев.

— И это правильно, Максим Юрьевич. Продажа возможна только в самую мелкую розницу, по одному, максимум — два экземпляра, из разных точек. И в течение очень длительного времени. Ну, чтобы не привлечь внимание правоохранительных органов...

Последние слова прозвучали довольно-таки двусмысленно и даже нелепо.

— Так сколько же вы готовы выложить наличными за все это золото? — напрямик спросил Бурцев.

— Миллион долларов, — веско изрек Андрей Степанович.

Оба замолчали, глядя друг на друга, а затем антиквар улыбнулся и снова заговорил:

— Вы, наверное, хотите сказать, что при продаже в розницу я получу как минимум вдвое больше. Что я знаю ценителей, которые будут просто рвать у меня из рук эти уникальные монеты. Все это действительно так. Но и вы должны понимать...

— Я согласен, — просто ответил Бурцев. — Сколько вам понадобится времени, чтобы оформить сделку и выдать наличные?

Безлепкин снова посмотрел на подполковника недобрый взглядом. Чужак, временно очутившийся в стае! Закон стаи — избавляться от чужаков. И вот он, шанс отделаться от Максима Бурцева и иже с ним до конца своей жизни!

— Сколько времени мне понадобится? Да нисколько, — мрачно изрек он. — У меня, знаете ли, нет особого желания видаться с вами лишний раз. Очень надеюсь, что наша сегодняшняя встреча — последняя. Так что... Миллион наличными найдется. Прямо здесь и сейчас.

Бурцев плюхнулся в кресло, а Безлепкин согнулся в три погибели возле массивного сейфа, способного выдержать ядерный взрыв (так, во всяком случае, говорилось в аннотации) и чинно уложил штабелем на столе банковские упаковки стодолларовых купюр. Сто пачек.

— Ваш миллион, — произнес антиквар, и в голосе его помимо воли прозвучало уважение.

— Складывайте в сумку, Безлепкин, — приказал Бурцев. — Что мы должны подписать?

— Не надо ничего подписывать, — продребезжал антиквар. — Все свои... К тому же... — криво усмехнулся Безлепкин, — наша сделка зафиксирована камерами скрытого наблюдения. От и до. Так что...

— Понял, не отопрусь, — кивнул Максим. — А теперь, Андрей Степанович, окажите и вы мне услугу... Напоследок.

Антиквар насторожился, руки его замерли.

— Кладите, кладите деньги в сумку, — небрежно махнул рукой Бурцев. — У меня к вам вопрос... Вам знаком человек по фамилии Венгеров?

— Это... вопрос частного характера, не так ли? — осторожно поинтересовался Безлепкин.

— Разумеется. Все, что сейчас происходит между нами, носит сугубо частный характер.

— Тогда насчет Венгерова, — Андрей Степанович застегнул сумку на молнию, сел за стол. — Мы познакомились лет тридцать пять назад, в армии. Я был солдатом срочной службы, этакий subtilный паренек, совершенно неприспособленный к казарменным условиям жизни. Ефим Венгеров служил у нас прапорщиком, ну, по хозяйственной части. Авторитет имел огромный, даже младшие офицеры перед ним на цырлах ходили. В общем, взял он меня под свою опеку, спас, можно сказать, от всей этой дедовщины, подкармливал... Мы подружились. Он тоже с детства интересовался антикварными вещами...

— Когда вы виделись в последний раз? — перебил Безлепкина Максим.

— Давненько, году этак в девяностом... А где — уж и не помню.

— Ну, так я вам напомню. В Риге это было, не так ли? Венгеров хотел сбыть вам церковные драгоценности. И сбыл. Только потом сокровища у вас изъяло рижское КГБ, доживавшее свои последние дни. Эти предметы церковной утвари попали в Гохран СССР.

— Что ж, все верно, — вздохнул Безлепкин. — Крепко я тогда погорел...

— Ой ли? — засомневался Бурцев.

— Ну... Честно говоря, с Венгеровым я так и не расплатился. Но вы поймите, я ведь и сам ни копейки не заработал на этих крестах, панагиях и дискосах.

— Понимаю, — бесцветно сказал Бурцев. — Вы оба хотели сорвать большой куш, но получили большой кукиш. А Венгеров после этого с ума сошел...

— Что ж, каждый по-своему сходит с ума, — пожал плечами Безлепкин.

«Но кое-что Венгеров себе оставил на память», — подумал Максим, вспомнив рубиновый крест медсестры.

Он поднялся, водрузил на плечо спортивную сумку.

— Прощайте, Андрей Степанович!

— Прощайте! — отозвался Безлепкин.

Камеры скрытого наблюдения безучастно фиксировали, как Комар и Бурцев покидают чертог Андрея Степановича. А сам он сидел за столом, неподвижно вперив свой взгляд в пространство.

И все были живы, все продолжало идти своим чередом.

Глава двадцать седьмая

Прииск бурлил. Кредит, полученный Василием Шестаковым в банке «Транс-Норд-Ист», расходовался стремительно и плодотворно. Шли в дело также и четверть миллиона, вложенные в проект Виктором Венгеровым, плюс — полмиллиона долларов, которые от имени Шестакова до-

внес Максим Бурцев. Остальные полмиллиона, вырученные от продажи коллекции золотых монет, Бурав пока придерживал, благо об этих деньгах никто из участников операции «Золото» не подозревал. Включая Алексея Каморина.

Участок по берегам излучины речки Мошенка был обнесен глухим забором из толстого гофрированного железа, три с половиной метра высотой. На воротах денно и нощно дежурили всамделишные парни с укороченными автоматами Калашникова: Бурцев официально подрядил группу сотрудников вневедомственной охраны — благо наше МВД уже давно и вполне официально предоставляло такую услугу коммерческим структурам.

Для «вохры» построили домик у въезда на стройку, им категорически было запрещено ходить по территории. Они несли свою службу вдоль внешнего периметра прииска.

Для внутренней охраны Бурцев нанял десяток бывших десантников — их рекомендовал подполковнику капитан Дутов. Эти угрюмые парни были вооружены травматическими винтовками, электрическими дубинками и, разумеется, личными навыками рукопашного боя.

Такая солидная охрана безобидной стройки вызвала немало толков среди местного населения. Какая еще база отдыха? Какие-такие звери и птицы, пансионаты и купальни? Уж если база отдыха, то, видать, не иначе как губернаторская. «Может, и мы хорошо жить станем?» — гадали латнищие жители, уповая на вожденную близость к барину.

Тем не менее, далеко не все аборигены восприняли затеянное на Мошенке «благоустройство» с надеждой на светлое будущее. На очередном собрании руководства «Родных просторов» Григорий Волохов доложил:

— Банды «зеленых» активизируются... Воят, что углубление и расширение реки замедлит ее течение, образуется заболоченность, река покроется тиной...

— Да пусть себе горланят! — раздраженно бросил Виктор Венгер. — Делать им нечего.

— Не скажите, Виктор Ефимович. Я знаю этих деятелей, сам имею удостоверение местного экологического общества. Ждите, нагрянут сюда гринписы да природоохранная прокуратура!

— Значит, откупиться надо от этих «зеленых»! Зеленью, — предложил доктор Груздин.

— Эка вы деньгами-то горазды сорить, уважаемый доктор. Тут не все так просто, — с хитрецей обвел взглядом присутствующих краевед. — Деньги им не больно-то нужны. Там у них верховодит сын директора ювелирного завода Антона Шипило. Пацану 16 лет, он и его девчонка Вика мне хорошо знакомы.

—Так повлияйте на своего знакомого, Григорий Лукич, — строго посмотрел на него Бурцев. — Вы ведь, кажется, приняли на себя обязанности улаживать все трения с местными...

— Подполковник, — укоризненно покачал головой краевед, — уж коли я нашего мэра Сквирю заткнул, так уж этих-то...

Довольный Волохов отправился в Латницы: убеждать юного Шипило в абсолютной гуманности и экологической безвредности того дела, что затеяно «Родными просторами». Главным аргументом в устах Григория Лукича стало обещание помочь молодому дарованию с выходом его стихов в московских журналах и, что особенно вскружило голову пареньку, обязательство дать ему рекомендацию для вступления в Союз писателей России.

А доволен был Григорий Лукич по одной простой причине: он наконец-то доказал остальным концессионерам свою полезность. С недавних пор стремление подчеркнуть свою нужность общему делу захлестнуло участников проекта. Кроме, разумеется, Бурцева, Груздина и Комара.

Виктор Венгеров нервничал все отчетливее и заметнее для окружающих. Он то и дело срывался в Москву, ему не препятствовали. Казалось, никого не волновала персона исполнительного директора прииска, и это выводило Викинга из равновесия.

В один из таких приездов в свою квартиру на Первомайской Виктор просматривал электронную почту, как вдруг среди привычных предложений возглавить очередную экспедицию богатых кладоискателей он наткнулся на письмо неведомого отправителя. Прочитал и ошарашено замер.

«Персона, с которой вы желаете познакомиться, ожидает вас в ресторане «Дельвиг» в 19.00».

Прихватив записку, Виктор отправился в дорожный гламурный ресторан. Никто его не ждал, и Викинг затравленно мял салфетку в побелевших пальцах.

— Виктор Венгеров? — вдруг прозвучал над ним воркующий, волнующий голос. — Я — Тамара Ископаева...

Викинг смотрел на роскошную даму с умными холодными глазами и чувствовал, как остатки здравомыслия покидают его рассудок. Пока есть на свете такие женщины, жизнь продолжается...

К огороженной территории прииска ударными темпами проложили грунтовую дорогу, соединяющую стройку с бетонной трассой. На утрамбованный катками грунт то и дело подсыпали щебень, поскольку на берега Мошенки непрерывно шла и шла тяжелая техника. Самосвалы и бульдозеры, краны и бетономешалки, дизельные генераторы и сушильное оборудование.

Прораб и все прочие инженеры строительной фирмы лишних вопросов не задавали: они ежедневно получали стимулирующие премиальные. Тридцать безмолвных таджиков, взятых подполковником Бурцевым «напрокат» у крупного торговца гастарбайтерами, пахали как проклятые.

В две недели вырос целый коттеджный поселок: двух и трехэтажные каркасные дома от компании «Зиждитель», чье руководство просто обомлело, получив столь объемистый и срочный заказ. Шесть коттеджей, просторная столовая и медицинский пункт со всем необходимым для экстренной помощи — все это в одночасье появилось на некогда пустынном берегу.

«Зиждитель» по-стахановски возвел грандиозный ангар из гофрированного листа. Здесь, по замыслу устроителей прииска, будут располагаться сушильные камеры и обогатительное оборудование для золотоносного ила. От берега реки к ангару провели короткую узкоколейку и установили на ней вагонетки.

— Чистим дно реки, — пояснил Волохов прорабу. — Углубляем, стало быть... А ил-то дюже плодоносный, куда там чернозему! Сушить будем и продавать, договорились уже с хозяйствами о поставках...

Прораб кивал — ему все это было «до лампочки». В кармане хрустели премиальные доллары...

Каморин слонялся по территории, его белобрысая голова мелькала то там, то сям. «Надсмотрщик» — так прозвали его таджики между собой, и при появлении долговязой фигуры Алексея принимались куда более усердно шевелить жилистыми руками. Комар скучал по Ирине...

Как же удалось Алексею вырваться из-под бдительного ока своей женошки на весь двухмесячный отпуск? Сложно это было, ох, сложно... Пришлось «дяде Максиму» провести беседу со своей кумой, а полковник Кротов подтвердил по телефону, что Бураву и Комару поручено особое, непредсказуемо длительное задание, в случае успешного выполнения которого Алексей получит звание майора... Все это, конечно, звучало сомнительно... Подозрительно... И Каморин всерьез опасался какой-нибудь «самодеятельности» со стороны Иришки.

Бурцеву скучать по своей Наденьке было особо-то некогда: он подмечал все, что творилось на прииске, не давал расслабиться ни ментам, ни десантуре. Для Груздина привезли систему радиоконтроля, и доктор целыми днями просиживал в своей комнате, слушая все переговоры с сотовых телефонов, находящихся на территории. Когда требовалось оказать кому-либо медицинскую помощь — а такое с неразумными таджиками время от времени случалось, — место за наушниками занимал капитан Каморин. Впрочем, мобильные средства связи сохранились только у Бурцева, Груздина, Каморина, Волохова, Венгерова и Шестакова — всем остальным

иметь сотовые было строжайше запрещено. Хотели, было, изъять телефон и у «мальчика Васи», да махнули рукой: пусть себе думает, что он и взаправду относится к избранным.

Шестаков даже не пытался делать вид, что хоть чем-то занят на прииске своей мечты.

Он тихо пил в своей комнате на втором этаже каркасного дома, затарившись пойлом в спецбуфете для руководства. Алексей Каморин, которого поселили с Васей, тяготился этим вынужденным соседством. Ибо, выпив, Шестаков впадал в ступор. Он все смотрел и смотрел в окно на лунную дорожку, прочертившую реку. «Пусть пьет, черт с ним, доверенность на распоряжение вкладом у Волохова имеется», — отмахивался Бурцев в ответ на тревожные сигналы со стороны Алексея. «Макс, я боюсь его, — ныл Комар. — От человека в таком состоянии можно ожидать всего, чего угодно!»

Это подполковник и сам хорошо понимал...

Венгерова поселили с Волоховым — оба зачинателя золотого проекта теперь были под одной крышей. Эти-то следили друг за другом в оба глаза — разумеется, в те дни, когда Викинг обретался на прииске.

Тяпнув по стакану, Бурцев и Груздин укладывались на короткий ночлег.

— Как там твоя? — сонно спросил Сергей Сергеевич сквозь стенку.

— А то ты не знаешь, — ответил Бурцев. — Все разговоры прослушиваешь...

— Когда вы с ней болтаете, я отключаюсь, — проворчал доктор.

— Ну, в археологический она поступает. Я ей на всякий случай денег дал... Из твоей доли, Серега. Свою прогулял по кабакам...

— Дал, и молодец. На что дал-то? На тряпки?

— Не-а. На платное отделение. Если на бесплатное не поступит...

— Слушай, а когда мы золото начнем добывать?

— Когда академик Трофимов приедет. Спи, Серега...

Глава двадцать восьмая

Леонид Северьянович Трофимов прибыл на речку Мошенка на американском двухместном вертолете «Робинсон» — в сопровождении пилота-телохранителя. Глядя, как изящный винтокрыл с прозрачным пластиковым колпаком над кабиной приземлился на берегу, Бурцев невольно испытывал симпатию к новому действующему лицу хорошо срежиссированного спектакля. Надо же, на старости лет не побоялся преодолеть на такой игрушечной машине огромное расстояние от Калининграда!

Академик поочередно пожал руки встречавшим его возле вертолета руководителям «Родных просторов» и тут же предложил всем выпить за встречу.

— Прихватил с собой горилочки с перцем, — пояснил Трофимов.

— Не жилец. Уж поверь моему наметанному глазу, — шепнул Бурцеву Груздин.

Что ж, торопится напоследок насладиться жизнью этот «нежилец». И золотом. И властью — до кучи...

Властолюбие Трофимова стало очевидным уже через четверть часа, когда все, наскоро опрокинув в свои глотки угощение академика, собрались в центральном коттедже на экстренное совещание.

— Господин Волохов! Господа учредители и руководители подразделений! — возгласил Леонид Северьянович, обведя барственным взглядом сидящих перед ним Бурцева, Каморина, Груздина, Венгерова, Шестакова и Волохова. — Как вам, должно быть, известно, я — академик Трофимов, владелец Калининградского экспериментального завода по переработке промышленных отходов, содержащих драгметаллы. Так вот, господа, я внимательно изучил ваше предложение, Григорий Лукич, и вступаю в акционерное общество «Родные просторы». Мой вступительный взнос — пять миллионов долларов.

Всем стало ясно, что ключевой фигурой на прииске с этого момента становится калининградский гость. Волохову и Венгеру предстояло лишь выяснить отношения между собой. То бишь, определиться, кто же из них будет правой рукой ставшего всемогущим Трофимова. Шестакова, разумеется, в расчет никто не брал: Вася сделал свое дело. Вася может пить.

Леонид Северьянович избавил Волохова и Венгерова от греховных помыслов насчет способов устранения конкурента.

— Я принимаю на себя обязанности исполнительного директора компании, — заявил академик. — Для вас, Виктор Ефимович (легкий поклон в сторону Венгерова) мы придумаем какую-нибудь непыльную должность...

Бурцев не выдержал и хрюкнул. По идее, Венгеру оставалось только встать и демонстративно покинуть собрание, хлопнув дверью. Но Виктор продолжал окаменело сидеть на жестком стуле.

— Моей правой рукой в осуществлении нашего проекта будет, как оно и положено по традиции, начальник службы безопасности господин Бурцев. — И Трофимов дружелюбно подмигнул Максиму. — Вы, Григорий Лукич, остаетесь президентом акционерного общества «Родные просторы». Для широкой общественности, я имею в виду...

— Ясно. Почетным президентом, — буркнул Григорий Лукич и удовлетворенно вздохнул — его участь куда завиднее, чем у этого выскочки Венгерова.

— За дело, господа! — энергично закончил новый властелин прииска.

Первая же проба ила дала ошеломляющий результат: содержание золота превысило все ожидания концессионеров. Но только один человек на всем прииске — Леонид Трофимов — сумел молниеносно сделать выводы о суммарном тоннаже драгоценного металла, образовавшемся здесь за полтора века непрерывной работы Латницкого завода ювелирных изделий.

С таким золотым запасом можно начать созидать государственную казну Новой Византии!

Огромный шагающий экскаватор, похожий на динозавра, вполз на середину Мошенки, готовый черпать своим ковшом золотиносный ил. Трофимов забраковал и узкоколейку, и допотопные вагонетки: вместо них монтировался плавучий пульпопровод и земснаряд, способные непрерывно сосать драгоценную жижу со дна реки и подавать ее в сушильные камеры.

— Что ж, вы — матерый специалист, — развел руками Волохов. — Допреж нас трудились на сей благодатной ниве, а мы-то окромя своих грядок...

— Давайте договоримся, Григорий Лукич, — поморщился Трофимов, — что вы будете выражаться современным русским языком. Вы же писатель, в конце концов...

Шел конец августа, когда на прииск по частям прибыло долгожданное оборудование для цеха по производству золотых слитков. Академик Трофимов почему-то взял за привычку комментировать свои деяния подполковнику Бурцеву:

— По сути, эта производственная линия — не что иное, как усовершенствованный мною американский центробежный концентратор «Фалькон». Заслуга моя невелика, и состоит она в том, что я соединил процессы обогащения породы, выплавки драгметалла и штамповки готовых слитков разного веса. Ну, как, вы вошли во вкус золотодобычи, подполковник?

— Войду, — пообещал Бурцев. — Когда увижу первый слиток.

И он его увидел.

Перед торжественным запуском длинного, многосекционного агрегата на прииске были до предела усилены меры безопасности. Всех рабочих, оставшихся после ухода строителей, отвели под конвоем в коттедж-общежитие, выставили охрану. Полиция и десантники пребывали в полной боеготовности, и даже вертолет Трофимова непрерывно барражировал над окрестностями, высматривая подозрительные движущиеся объекты.

«Фалькон» заурчал. Ленточный транспортер пришел в движение, подавая высушенный ил в утробу концентратора породы. Глядя на черные комья, ползущие по гусенице транспортера, никто не мог поверить, что эта грязь способна превратиться в осязаемое золото. Никто, кроме академика Трофимова.

Волохов, Шестаков, Венгеров, Бурцев, Каморин и Груздин напряженно ждали чуда, которое вот-вот произойдет на их глазах. Ждали долго, все пристально смотрели на пластмассовый поддон, наполненный водой, который помещался возле выходного отверстия пресса.

И вот... Невзрачный желтый брусок выпал из отверстой пасти агрегата, словно тот его с отвращением выплюнул. От воды пошел пар... Волохов первым кинулся к поддону, выхватил килограммовый слиток, поцеловал... Все сгрудились вокруг президента компании, поочередно хватая руками гладкий, теплый кирпичик.

Максим Бурцев, унимая заколотившееся сердце, держал слиток золота в своей вспотевшей ладони. И на нем — длинный ряд девяток с запятой после третьей цифры...

— Ура! Ура! Мы сделали это! — Все орали и прыгали, как очумелые.

— Ура! — кричал Комар, позабыв про все на свете — про Ирину, про Ксюшу, про себя самого. — Золото! Это же золото, Макс! Настоящее золото!

— Золото, золото, золото! — скандировали счастливые старатели и плакали, тиская друг друга в объятиях.

Опьяненный, возбужденный Шестаков умчался в спецбуфет и притащил ящик шампанского. Вся честная компания вывалилась на берег. Хлопали пробки, шампанское лили в реку, себе на голову. Слиток подбрасывали в воздух, ловили, подбрасывали снова.

— У-ча-ча, у-ча-ча, — притаптывали и прихлопывали в ладоши разошедшиеся концессионеры. Потом завопили наперебой, стали качать сначала Волохова, за ним — Трофимова, Бурцева, Венгерова, Комара...

— Друзья! — крикнул вдруг Шестаков. — Друзья! А ведь он там работает! Работает!

Все, спотыкаясь и падая, толкаясь и мешая друг другу, кинулись обратно в цех, к урчащему «Фалькону». Головы одновременно склонились над пластиковым поддоном...

На его дне преспокойно лежали еще два таких же слитка!

В утробе пресса раздался мелодичный лязг, и очередной килограммовый брусок шлепнулся в воду.

От этого можно было сойти с ума.

Шестаков тоненько застонал и потерял сознание.

Глава двадцать девятая

Известно, что когда несколько человек становятся единомышленниками, то совершенно нехвата между ними вдруг возникают неведомые прежде конфликты, подозрительность, ревность.

Ну, что касается Волохова и Венгерова — тут все понятно, эти люди и прежде не слишком-то ладили друг с другом. Но вот уже и Шестаков, в одночасье завязавший с пьянством, стал поглядывать одичалым псом то на Трофимова, то на Григория Лукича...

Каждый из соучредителей, кроме, пожалуй, Леонида Северьяновича, боялся, что его «кинут», вычеркнут из числа дольщиков, «обуют», бортанут... Академику Трофимову стоило немало усилий и выдержки, чтобы успокаивать отцов-основателей прииска.

Золотые слитки складировались в бронированном бункере, который разместили в подвале цеха. Подполковник Бурцев, проверяя охрану, раз за разом натыкался возле лестницы, ведущей в бункер, то на Волохова, то на Шестакова, то на Венгерова.

— Чего это вы здесь, а? — насмешливо спрашивал Максим.

— Да так, — тушевался очередной топтун.

— Караулите золото, понятно. Караульте, а то, глядишь, с носом останетесь!

Ох, напрасно подполковник раззадоривал учредителей, и без того впавших от бессонницы в полувменяемое состояние. Напрасно подогревал ситуацию...

Однако не только основатели «Родных просторов» играли друг с другом в «гляделки». Вот уже и Комар стал подозрительно коситься на Бурава: долго ли еще его друг собирается волынить, откладывает арест расхитителей государственной собственности? Или, быть может, Бурцев...

Эти мысли Алексей старательно гнал прочь, но они всякий раз назойливо возвращались. Бурцев, в свою очередь, начинал сомневаться в молодом напарнике: выдержит ли Алексей это нескончаемое напряжение? Не сорвется ли, не кинется ли «сдавать» их всех раньше времени?

Недоумевал и доктор Груздин: Бурав в последние дни избегал говорить с ним об Ардашкине-Долгоруком и о планах по уничтожению этого монстра.

Что было в голове у Леонида Трофимова — об этом никто не знал. Но по мере того как бруски укладывались в очередной контейнер, каждому становилось ясно: развязка близка.

...Она пришла неожиданно, и сигналом к катастрофе послужила странная находка. Первой, черновой операцией концентратора «Фалькон» была отбраковка из высушенного ила крупных инородных тел: камней, кусков древесины, обрывков старых покрышек.

В середине сентября «Фалькон» выплюнул на ленту транспортера забитый грязью пистолет. Подполковник Бурцев был тут же вызван в цех академиком Трофимовым.

— «Парабеллум», — констатировал Максим и протер ветошью рукоятку. — И номерок знакомый... Леонид Северьянович, надо бы пригласить сюда Виктора Венгерова.

Викинг явился незамедлительно.

— Ну что, Венгеров, как вы прокомментируете сию находку? — вкрадчиво обратился к нему Бурав.

— А вы как?.. — вызывающе ответил бывший исполнительный директор.

— А так, что из этого «парабеллума» был застрелен дворник, работавший во дворе дома, где проживает ваш отец. И как это вас угораздило избавиться от улики столь непродуманным образом? Взять и выкинуть пистолет в Мошенку... Нервишки сдают? Похоже, придется вас задержать, Венгеров.

— Вы этого не сделаете, подполковник.

— Это почему же?

— Да потому, что мы с вами в одной упряжке. В одной лодке. В одной команде. Не так ли, господин Трофимов? — усмехнулся Виктор и быстро покинул помещение.

— Думаю, он стал опасен, — сказал Леонид Северьянович. — Надо было схватить его без всякого шума, да и посадить под замок.

— Что ж, это не поздно сделать и сейчас! — беспечно изрек Бурцев.

И ошибся: было поздно. Виктор Венгеров исчез, растворился, дематериализовался.

Охранники единодушно заявили, что Викинг не покидал пределов огороженной территории.

Его искали везде, но безуспешно.

— Макс, он по реке уплыл. Иначе — никак, — сказал доктор Груздин.

Темнело, моросил дождь. Бурцев и Сергей Сергеевич стояли в капюшонах и светили вдоль реки автомобильными фонарями.

— А знаешь что, — решительно заявил Бурав. — Он здесь. На прииске затаился. Не может такой человек просто так уйти от золота...

— Бункер? — сообразил Груздин.

— Но там охранник дежурит... О, черт! — выругался подполковник.

Они побежали к зданию цеха, скользя по мокрой глине. Бурцев на ходу вытащил свой наградной пистолет из набухшего плаща.

Вот и лестница, ведущая в подвал. Из глубины доносился невнятный стон...

Светя фонарями, Бурцев и Груздин спустились вниз. Луч метнулся по двери бункера. Замки целы. Максим посветил себе под ноги. На полу лежал окровавленный десантник.

— Серега! Помоги ему...

Доктор опустился перед охранником на колени. Тот не подавал признаков жизни.

— Поздно, Макс. Первый труп на прииске... А вот и второй, — пробормотал Сергей Сергеевич, направив луч света в глубь подвала.

В углу сидел, привалившись к стене, Василий Шестаков. Голова его была надвое рассечена пожарным топором. Сам топор валялся тут же, возле покойника.

— Все, Серега. Начинаем, — отрывисто бросил Бурав.

Через минуту он говорил в мегафон, его монотонный голос тонул где-то в темноте:

— Приказываю всему личному составу вневедомственной охраны и десантного подразделения немедленно прибыть к зданию цеха. Повторяю...

Один за другим выстраивались brave служажки — кто в полицейской форме, кто — в камуфляже. Позевывали, зябко поводили намокшими плечами.

— На охраняемой вами территории только что произошло двойное убийство, — жестко выговаривал подполковник, прохаживаясь вдоль шеренги вооруженных парней. — Подозреваемый пока на свободе. Слушай мою команду! Задержать и заключить под стражу Леонида Трофимова и Григория Волохова. На период расследования территория строительства опечатывается и переходит в ведение Министерства внутренних дел России. — Он повернулся к Груздину: — А где Комар?

— Да вот он.

Из пелены дождя показались фигуры Каморина и академика Трофимова.

— Ну-ну, подполковник, хвалю за смелость и решительность, — весело произнес Леонид Северьянович. — Только вы опять опоздали, Максим Юрьевич! Этот ваш ход конем я давно предвидел. Захватить прииск вам не удастся.

По бокам Трофимова выросли двое десантников.

— Задержать его, товарищ подполковник?

— Да! — рявкнул Бурцев. — Исполняйте приказ! Еще двое — за Волоховым!

Две фигуры в камуфляже метнулись к коттеджу Григория Лукича.

Как ни в чем не бывало, словно его и не держали за локти стальные пальцы десантников, Трофимов продолжал:

— Максим Юрьевич, давайте для начала поднимаемся на верхний этаж моего коттеджа. Да поторопитесь, если хотите избежать большой крови...

Предчувствуя провал своего демарша, Бурцев кивнул. Он, Трофимов и Груздин быстро поднялись в мансарду каркасного дома. Их сопровождал командир десантного отделения.

Леонид Северьянович протянул Максиму прибор ночного видения:

— Посмотрите вон туда, на дорогу.

Сквозь красное марево окуляра, в перекрестьях пунктирных линий Бурав увидел колонну бегущих по направлению к прииску парней. В камуфляже и армейских ботинках, они размеренно и неуклонно приближались к цели. По их ничего не выражающим лицам было видно, что бойцы дружно ухают в такт своему бегу, придерживая болтающиеся десантные автоматы.

Это было подразделение службы безопасности калининградского золотоперерабатывающего завода, базировавшееся в его московском представительстве и поднятое по приказу академика Ардашкина. Приказу, который он отдал после звонка своего друга, Леонида Северьяновича Трофимова.

— Человек тридцать пять, — пробормотал подполковник.

— Примерно так, — кивнул Трофимов. — Прекрасно подготовлены и вооружены до зубов.

— Что ж, Серега, — обернулся Бурцев к доктору Груздину, — дождались! Анатолий Семенович Ардашкин пожаловал. Правда, не собственной персоной.

Груздин мрачно молчал. Командир отделения охраны прииска нерешительно переводил взгляд с подполковника Бурцева на академика Трофимова. Он явно был в затруднении — чьи же приказы ему теперь выполнять?

— Лейтенант! — как можно тверже произнес Бурав. — Трофимова изолировать в комнате. Охранять. Занять оборону и готовиться к отражению штурма.

— Есть! — выдохнул командир отделения.

Бурцев понимал, что его кратковременной власти вот-вот придет конец.

— Только обращайтесь со мной как можно бережней, лейтенант, — посоветовал служаке Леонид Северьянович. — Не пройдет и часа, как вы и ваши люди поступите в мое распоряжение.

— Пошли, пошли! — грубовато ответил начальник охраны и подтолкнул Трофимова в сторону спальни.

В нагрудном кармане Бурцева затрепыхался мобильный телефон. В последнее время эти трепыхания не предвещали ничего хорошего...

— Да! — гаркнул подполковник, выйдя в коридор. И заледенел от голоса, который раздался в динамике.

— С вами говорит Тамара Ископаева. Вы меня хорошо слышите, Бурцев? Бурцев?!

— Слушаю, слушаю, — нетерпеливо повторил Максим.

— Вы должны немедленно распустить охрану прииска и покинуть его территорию вместе с доктором Груздиным и капитаном Каморинным. В органы правопорядка не обращаться ни в коем случае. Иначе...

— Иначе что?.. — проревел в трубку Бурцев.

— Иначе самые дорогие для вас люди умрут ужасной смертью. Их ждет та же участь, что и пациентов Латницкой психбольницы, — жестко проговорила Ископаева и дала отбой.

— Ч-че-ерт! — сплюнул Бурав. — Серега!

Невозмутимый Груздин тут же подошел к подполковнику.

— Где Комар? — набросился на доктора Максим. — Куда он все время пропадает? Ирина и Ксюша в руках Ископаевой! Она убьет их, Серега... Она их убьет...

Они снова бежали по раскисшей земле, на этот раз — к коттеджу взятого под стражу Григория Лукича. Где-то за спиной раздавались отрывистые команды, лязг оружия, непрекращающийся грохот прикладов о железные ворота...

И тут до Бурцева дошло, что в этот момент он совершенно не подумал о Наде Волоховой. Неужели понятие «самые дорогие для него люди» к ней не относится?

А ведь это действительно так! Будь у Максима выбор, он... Он в первую очередь, разумеется, пожертвовал бы собой. Смирился бы и с утратой девушки Нади, как смирился, в конце концов, с гибелью жены Анастасии. Но только не Ирина, только не его маленькая крестница Ксюша!

Ископаева и те, кто с нею заодно, все правильно понимали.

И еще... Ирина и Ксюша погибнут в любом случае — в этом Бурцев не сомневался.

Каморин стоял на крыльце под бледно светящим фонарем.

— Комар, в машину! — заорал Бурав. — Нужно ехать в Беляево! Срочно!

— Ирина? — встрепнулся Алексей. — Что с ней? Макс...

— Пока жива, — процедил подполковник, умолчав о маленькой дочке капитана. — Пока жива... Возможно...

Вдруг над головами троих друзей раздался спокойный голос:

— А вы не сможете покинуть прииск. Вы здесь полностью блокированы. Наши люди хорошо знают свое дело.

В освещенном распахнутом окне спальни стоял Трофимов и сочувственно смотрел на троих друзей.

— Не переживайте, скоро вы обретете полную свободу! — сказал академик. — Из Калининграда уже прибыл в Мячково «Ан-76». Мы только погрузим золото и отбудем восвояси!

— Пилот! Где пилот вашего вертолета, Леонид Северьянович? — крикнул Бурцев.

— У себя в избушке, где же еще. Только он спит. И не проснется. Сожалею, господа... Наверное, это было с моей стороны излишней мерой предосторожности...

Осознавая всю безнадежность положения, Бурцев, Груздин и Каморин ворвались в избушку пилота. Тот неподвижно вытянулся на кровати.

— Мертв? — спросил Груздина подполковник.

Доктор склонился над авиатором.

— Да нет, жив... Это похоже на кому...

— Буди, приводи в чувство!

Сергей Сергеевич поднял с пола использованный шприц и покачал головой:

— Бесполезно, Макс... Его вырубил часов на двенадцать как минимум. Какой-то сильнодействующий наркотик.

— Что делать, Макс, что делать? — умоляюще взглянул на своего кумира Алексей.

— Хватит причитать, как баба! — рявкнул Бурав. — Будь ты раз в жизни мужиком! Сейчас только от тебя зависит судьба Ирины и Ксюши!

— Но что я могу?

— Еще как можешь! — Бурцев отчаянно тряс Комара за плечи. — Ты учился в МАИ, должен знать, как управлять вертолетом!

— Я ничего не помню... Это давно было...

По напрягшемуся лицу Алексея подполковник понял, что его молодой друг внезапно успокоился и пытается сосредоточиться.

— На практике в Тушино нас учили управлять «Ми-6». Вот только на нем-то я и летал.

— Я тоже, только в качестве пассажира. — И Бурав ободряюще подмигнул Алексею. — Ты справишься, парень. Дуй к вертолету! Вспоминай, что к чему в кабине «Робинсона», постарайся запустить «вертушку»! А я — скоро...

Бурцев и Груздин вернулись к воротам прииска. Полицейские и десантники заняли боевые позиции, оцетинившись стрелковым оружием.

Комар включил свет в тесной кабине «Робинсона», беспомощно посмотрел на приборную панель. Щелкнул тумблером, и панель засветилась, переливаясь мигающими огнями.

Так... Все на английском, как назло... Хотя он ведь знает английский, много раз переводил песни «Пинк Флойд», «Дип Перпл», «Роллинг стоунз»...

Сквозь грохот железа, сквозь матюги осаждающих и обороняющихся до ушей Бурцева и Груздина донесся нарастающий многоголосый свист воробьиной стаи.

— Комар все-таки запустил вертолет, — выдохнул Максим.

— Я с вами, — твердо сказал Сергей Сергеевич. — Может потребоваться срочная медицинская помощь.

— Останешься здесь, Серега. Вертолет двухместный, да и пилот — тот еще... Грохнемся, не дай бог.

— Что мне здесь делать? — возмутился Груздин.

— Берешь на себя командование обороной прииска.

— Я? — опешил доктор.

— Ну да, ты. Ты же майор, хоть и медицинской службы. И вот что... Вступи в переговоры, тни время. Не думаю, что Ардашкин пойдет на массовое кровопролитие.

Глава тридцатая

Двухместный «Робинсон», неуклюже раскачиваясь, оторвался от земли и ко-со ушел в черное небо.

Бурцев трижды перекрестил бездонное пространство ночи, выхватываемое двумя лучами прожекторов вертолета. Глянул на приборы:

— Так, навигатор. В этом я кое-что смыслю.

Они с Алексеем уже надели наушники внутренней и внешней связи, и теперь могли более-менее нормально общаться.

— В принципе, Макс, ничего сложного тут нет, — бодрился Комар. — На «Ми-6», помнится, почти все так же...

— Курс — северо-запад-запад, — буркнул Бурав. — Видишь справа зарево огней? Это Раменское, как я полагаю. Так, высота — триста десять... Не лихачь, дружище, успеем. Пятнадцать минут — и ты дома.

На самом деле он совершенно не представлял, как Алексей будет сажать вертолет на лыжи.

В стороне от Жуковского, чуть сбоку по курсу, показался одинокий прожектор патрульного «Ми-8». В наушниках заклокотало:

— Пилот «Робинсона», немедленно снижайтесь и заходите на посадку. Вы находитесь в зоне запрета полетов для частных воздушных средств. Эттэншэн, зэ пайлот оф «Робинсон»...

— Собьют, чертяки, — ухмыльнулся Бурав. — Ты понял, Комар, что ты теперь настоящий пилот? — И заорал в микрофон: — Это подполковник Бурцев, ГУВД Москвы! Говорит подполковник Бурцев, мать вашу!

Краем уха Максим услышал реплики, раздавшиеся в кабине «Ми-8»: «Слышь, это вроде бы Бурав» — «На пропеллере, как и положено!»

— Хватит трепаться, ребята, — осадил коллег подполковник. — Соедините меня с землей, с вашим главным.

В наушниках щелкнуло, раздался хорошо знакомый Максиму вальяжный голос:

— Макс, ты теперь на собственном вертолете раскатываешь? Завидую... Сам за штурвалом?

— Нет, куда мне... Стар я уже, Валя. Со мной профессионал, капитан Каморин.

— А-а-а... Понятно. Вы, друзья, не планируете случайно отнять лавры у Матиаса Руста? Мне это, Макс, на хрен не надо. Я пока на пенсию не собираюсь.

— Валентин, дружище, Красная площадь нам ни к чему. Мы только до Беляева, честное слово.

— И в Беляево я тебя не пущу, Макс. Уж извини, инструкция строжайшая. Так что сажайте машину перед кольцевой, на травке. И запомни — только ради моего к тебе расположения. Мои парни вас проводят, а то я тебя знаю — плевал ты на запреты.

— Лады, Валентин.

Впереди ожерельем огней переливалась МКАД. По бледному лицу Комара крупными горошинами катился пот. Макса подбросило от слишком резкого снижения, он закрыл глаза и принялся читать «Отче наш...»

Лыжи «мистера Робинсона» скользнули по мокрой траве, машину занесло, раздался треск винта. Одна из трех лопастей уткнулась в насыпь, лопнула пополам...

Над друзьями черной громадой нависала знаменитая «Мельница». Ее лопасти, правда, были целехоньки.

Они бежали под мостом, отчаянно размахивая руками, голосуя всем проезжающим в сторону центра машинам. Вот одна из них остановилась, Бурав и Комар плюхнулись на сиденья.

Бурцев, наконец-то, собрался с мыслями. «Что имела в виду Ископаева, когда говорила, что Ирину и Ксюшу постигнет участь Латницких пациентов? Что?»

И понял — газ. В бывшей квартире подполковника, где теперь обитают Каморины, — газовая плита. Как в Латницкой психушке.

После отбытия Максима Бурцева ситуация на прииске изменилась кардинально.

— Так ты, оказывается, майор, док? — выкрикнул кто-то из обороняющихся, когда Груздин попытался взять командование на себя.

Да, за минуту до этого Бурав объявил во всеуслышание, что передает всю полноту власти майору Груздину, но авторитета бородатому доктору в глазах полицейских и десантников эта рекомендация не слишком-то прибавила. Одно дело — проливать свою кровь под командованием легендарного подполковника Бурцева, и совсем другое — подчиняться штатскому интеллигентишке, отродясь не нюхавшему пороху.

— А где ты служил, майор? В роддоме повитухой?

Груздин мрачно смотрел, как его люди один за другим бросают оружие, как со скрежетом раскрываются металлические ворота... На территорию прииска вошло подразделение Леонида Трофимова.

Командир их взвода докладывал академику, вышедшему из своего коттеджа, о том, что тридцать четыре бойца прибыли в его полное распоряжение.

— Доктора задержать, — приказал Трофимов. — Отобрать средства связи, посадить под замок. И начинайте погрузку контейнеров.

— Слушаюсь...

Леонид Северьянович достал сотовый и заговорил в трубку:

— Все в порядке, Толя. Да, прииск в моих руках. Мои ребята хорошо сработали... Ты уже в Мячкове? Я тоже там скоро буду. С грузом. Бурцев? Улетел на вертолете со своим молодым напарником. Как, как! В тот момент сила еще была на его стороне... Да ничего он не сделает! У него сейчас другие заботы. Начхать ему на золото.

Задыхаясь, Комар и Бурав вбежали в квартиру Камориных. Темно. И никакого запаха газа. Никто друзей не встречал.

— Может, гулять пошли? — с надеждой посмотрел на подполковника Алексей.

Бурцев убрал пистолет в кобуру, хмыкнул:

— Гуляют? В такую ночь?

— Да-да, глупо, конечно... И Доктора Ватсона нет! Он никогда не выходит из дому! Макс, их похитили... Вместе с котом...

Как ни смешно прозвучала последняя фраза Комара, Бурцев осознал, что она-то и является ключевой. Отсутствие кота-домоседа яснее ясного давало понять, что Ирину и Ксюшу увели из квартиры насильно. А кота прихватили, чтобы девочка не плакала... Ребенку полутора лет от роду не заклеишь рот клейкой лентой, иначе крошка задохнется... У них ведь в этом возрасте, да еще осенью, нос постоянно забит соплями.

— Газ, газ... — повторял подполковник, мечась по кухне. — Как ты думаешь, Леша, где удобнее всего отравить газом или взорвать заложников, а?

Вопрос был поставлен бесчеловечно и просто-таки чудовищно, однако сейчас было не до церемоний.

Алексей отреагировал вполне по-деловому:

— Стройка, Макс. Тут рядом новую высотку отгрохали, два подъезда. Пока дом пустует... Газ должны были вот-вот подключить, или уже подключили, не знаю, меня ведь давно здесь не было.

— Вперед, Комар!..

Часы на руке подполковника показывали два с четвертью ночи, когда они ворвались на освещенную огнями территорию стройки. Стильный 17-этажный дом возвышался причудливой башней на захлавленной площадке. Во всем здании горели лишь несколько окон.

— Куда, куда? — попытался ухватить Бурцева за рукав пожилой сторож.

Максим в ответ сунул в нос бдительному вахтеру свою «ксиву» и спросил:

— Что вылупился, отец? Кто эти люди?

На площадке, несмотря на поздний час, присутствовали какие-то солидные граждане и гражданки.

— Это — из Горгаза, — пояснил старик. — Комиссия какая-то. Инженеры.

Бурцев и Каморин быстро подошли к группе специалистов.

— Газ подключили?

— Пятнадцать минут назад, — ответил представительный дядька. — А вы кто такие? Немедленно покиньте территорию!

— Отключайте газ! Сейчас же отключайте газ! — скомандовал Бурав.

Не сговариваясь, Максим и Алексей вытащили оружие.

— Теракт? — опешил представительный.

— Он самый, — заверил его Бурцев. — Но мы не террористы. Мы из полиции.

— Отключите газ! — закричала дама в кожаном пальто. — Господи...

Бурцев и Каморин, приплясывая на месте, наблюдали, как в кирпичном строении с надписью «Осторожно, газ!» рабочий поворачивает тяжелый вентиль.

— Все, перекрыл, — выдохнул работяга.

— Пошли, Комар, — бросил Бурав. — Ты — в левый подъезд, я — в правый.

А сам подумал: «Поздно. Газ поступает в квартиры уже больше пятнадцати минут. Вполне достаточно, чтоб взорвать тут все к чертям собачьим».

Алексей поднимался во мраке лестницы, сжимая рукоятку «Макарова». Он прислушивался и принюхивался...

Вот из-за оргалитовой двери одной из квартир донесся многоголосый шум... Комар разбежался и вышиб дверь плечом.

В нос ударила вонь от невымытых человеческих тел, по глазам резанул яркий свет... Гомон переполошенных обитателей квартиры оглушил капитана, он ничего не мог понять...

Цыгане! Это были цыгане, расположившиеся своим гуртом в пустующей квартире. Цветастые юбки и шали, красные рубашки мужчин...

— Я ищу молодую женщину с ребенком! — повторял Комар, заглядывая во все комнаты.

Дети пищали на руках у матерей, но Ксюши среди них не было. Алексея хватили за руки, за бока... Что-то втолковывали, куда-то указывали...

Он снова оказался на лестничной площадке. Какой этаж? Не понять.

Алексей поднимался все выше и выше, толкая все двери подряд. Везде заперто. Хилые замки, конечно. Но не вышибать же все двери, на это уйдет уйма времени!

— Ты здесь, Леша? — донесся снизу голос Бурава.

— Да, — сдавленно ответил Комар.

Максим быстро взлетел по лестнице.

— Я уже обежал соседний подъезд. А ты что-то долго...

— Цыгане... Тихо, Макс! Тихо!

Они насторожились. Из-за ближней двери доносилось размеренное мяуканье.

— Это он! Доктор Ватсон!

Алексей отступил назад и тараном бросился на оргалитовую преграду. Хрустнула левая ключица, но и дверь отлетела в глубь квартиры.

Там горел свет. Немилосердно отпихнув ногой разъявшегoся кота, Комар кинулся на кухню. За ним едва поспевал подполковник Бурцев.

У стены сидела на полу Ирина, руки ее были связаны за спиной, а рот залеплен широким скотчем. Содрогаясь всем телом, она таращилась на Максима и Алексея.

Газовые конфорки уже не шипели, но вся кухня была наполнена смертоносным метаном. Максим, не раздумывая, швырнул свой наградной пистолет в широкое окно, и двойное стекло длинными языками обрушилось из фрамуги.

Но вот Ксюши рядом с Ириной не было!

Бурцев метнулся в освещенную комнату. И замер.

Ему в лицо смотрел зрачок пистолета. Посреди совершенно пустого помещения стоял Виктор Венгеров с оружием в правой руке. Пистолет заходил ходуном, и Бурав почувствовал, как в грудь ему уткнулся незримый палец и стал чертить зигзаги, повторяя движения ствола. Лицо Викинга дергалось, кривилось гримасою убийства.

— Бас-Босс! — воскликнул Венгеров иступленно. — Мы идем к тебе!

Виктор сделал шаг вперед и лихорадочно затараторил:

— Обидно, не правда ли, подполковник? Не важно, попаду я в вас или нет. После моего выстрела все тут взорвется, как в преисподней!

«Действительно, обидно», — подумал Бурав.

Тут неожиданно грянул выстрел, и на щеке Венгерова появилось черное пятнышко. Ноги Викинга подкосились, и он рухнул на бетонный пол.

За спиной подполковника стоял Алексей с дымящимся «Макаровым» в побелевших пальцах.

— Ты сильно рисковал, дружище, — покачал головой Максим. — Твой меткий выстрел мог нас всех отправить на тот свет...

Он вдруг почувствовал, что в спину ему кто-то смотрит.

За стеклом балконной двери простиралась мгла глубокой ночи, и на этом фоне черного бархата застыло бледное, словно глянцева маска, лицо Тамары Ископаевой. Шквальный ветер развеивал ее мокрые волосы.

— О Господи... — прошептал Алексей.

Белая маска запрокинулась назад, и женская фигура перевалилась через балконный поручень, исчезнув во мраке.

Алексей кинулся на кухню, до подполковника донесся хруст отрываемого от лица Ирины скотча.

— Где Ксюша?! Ириша, где Ксюша?! — повторял Каморин.

— Ты! Это ты во всем виноват! — кричала Ирина. — Ненавижу тебя! Ненавижу!

Бурцев оцепенело смотрел сквозь балконное стекло. Только он один в этот момент догадывался, что стало с его маленькой крестницей.

Ископаева выбросилась с четырнадцатого этажа, сжимая девочку в своих руках!

Максим медленно, едва переставляя ватные ноги, подошел к балконной двери, потянул на себя ручку...

Закутанная в теплое одеяльце, Ксюша спала на бетонном полу, тихонько посапывая во сне.

Глава тридцать первая

Приземистый и брюхатый «Ан-76» прогревал моторы, готовясь подняться в ночное небо над аэродромом Мячково. По широкому трапу грузового отсека в утробу самолета заталкивали контейнеры с золотом. Официально, по таможенным документам, груз отправлялся в Калининград под видом «промышленных отходов цветной металлургии».

Чуть дальше на взлетной полосе свистел запущенными турбинами «Ту-144» с синей надписью по борту, выведенной церковно-славянской вязью: «Тролль».

Там, в крошечном салоне штурмовика, расположился в удобном кресле наследник российского престола князь Анатолий Долгорукий-Рюрикович. Он намеревался вылететь в Калининград только тогда, когда убедится, что погрузка золота прошла благополучно.

Операция «Золото» завершилась, с легким сердцем констатировал Леонид Северьянович. И не стоит, право, жалеть, что ему и Толе Ардашкину не удалось высосать пульпопроводом все сокровища реки Мошенка.

Собственно говоря, на это академики изначально и не рассчитывали — Ардашкин и Трофимов привыкли смотреть на вещи реально. А если подходить реально — то и того, что загружалось сейчас в транспортный самолет, было достаточно для осуществления их грандиозных планов. С лихвой.

Сейчас Леонид Северьянович стоял у окна в кабинете начальника таможенного контроля и смотрел на взлетную полосу. Четыре утра, Анатолий Семенович Ардашкин вот-вот отдаст экипажу штурмовика команду на взлет. Начальник Мячковской таможни заметно нервничал, торопя время. Скорее бы его визави убрался куда подальше вместе со своим жутковатым грузом. Оба кармана форменных брюк таможенника провисали от килограммовых слитков с длинной вереницей девяток...

Леонид Северьянович плеснул в тяжелые фужеры коньяку, протянул один начальнику таможни:

— Ну, как говорится, на посошок...

Погрузка золота завершилась.

Доктор Груздин одиноко бродил по опустевшему прииску. Ветер позванивал в ребристых складках гофрированного металла, и сразу вспомнился Есенин...

— Напылили кругом, накопытили, и пропали под дьявольский свист, — бормотал Сергей Сергеевич.

Военизированное подразделение Леонида Северьяновича растворилось в кромешной тьме вслед за контейнеровозом, увозившим с прииска добытое золото. Вместе с людьми Трофимова смылись и охранники прииска, а также последние рабочие.

Григорий Волохов печально простился с Груздиным и, оседлав своего «горбатого», уехал в Ольгинское. Сергей Сергеевич отказался от приглашения разделить компанию с краеведом.

Дружище Макс доверил ему охрану прииска, и доктор Груздин останется на своем посту до конца.

Что ж... В спецбуфете еще полно выпивки. «Пойдем пить, брат Серега, — сказал Груздин самому себе. — И выть на луну».

Луны, правда, на мглистом небе не наблюдалось.

Как там дела у Макса и Алексея? Позвонить бы, узнать, да не оставили доктору сотового телефона, изъяли и не вернули.

Доктор шел мимо темного цеха, как вдруг его осенило: Шестаков! Там, в подвале, труп Шестакова...

Сергей Сергеевич осторожно спустился вниз, обшарил бездыханное тело «мальчика Васи», пачкая руки в загустевшей крови. Вытащил из нагрудного кармана покойника сотовый телефон, отыкал пальцем:

— Алло, Макс?

Максим Бурцев стоял в кабинете начальника Мячковской таможни и исподлобья смотрел на академика Трофимова. За спиной подполковника маячила туша капитана Дутова.

Дутовские архаровцы обыскивали таможенника, прислонив его обмякшее тело лицом к стене. Золотые слитки с тяжелым стуком ложились на стол.

Леонид Северьянович молча допил коньяк, протянул руки, и на его запястьях щелкнули браслеты.

— Ну, не успел я улететь, вот ведь как бывает, — вздохнул академик.

— Если б даже успели, вас принудительно посадили бы где-нибудь под Псковом, — «успокоил» Трофимова Бурав.

— И то верно, — согласился Леонид Северьянович. — Меня-то вы посадили бы, а вот его... Вряд ли.

За окном раздался нарастающий визг турбин, и подполковник Бурцев увидел сквозь стекло, как по взлетной полосе, набирая чудовищное ускорение, помчался сверхзвуковой лайнер.

В кабинет вошел полковник Кротов.

— Геннадий Иванович! — кинулся к нему Бурав. — Свяжитесь с пограничниками, со службой ПВО! Там, в том самолете, который сейчас взлетает, — академик Ардашкин!

Хват пристально посмотрел в глаза Максима и тяжело отвесил:

— Господин подполковник, мошенники, пытавшиеся нелегально вывезти из России незаконно добытое золото, задержаны. У российских правоохранительных органов нет претензий к его императорскому высочеству, великому князю Анатолю Долгорукому!

«Ту-144» с красиво выведенными буквами «Троль» на борту делал крутой вираж в предрассветном небе над Смоленском. Сверхзвуковой самолет возвращался на аэродром Мячково, откуда взлетел буквально полчаса назад. Экипаж запросил экстренную посадку в связи чрезвычайными событиями на борту.

Совершив приземление в Мячкове, командир воздушного судна сообщил наземным службам по радио, что в самолете находится тело князя Анатоля Долгорукого, неожиданно скончавшегося вскоре после взлета. Однако когда представители службы безопасности и медицинская бригада вознамерились подняться на борт штурмовика, никто не пожелал открыть им задраенную дверь. Мало того, командир и штурман пригрозили применить автоматическое оружие в случае попытки насильственного проникновения в салон самолета, единственным пассажиром которого был мертвец.

Что за хрень? А то, дорогие граждане-товарищи, что, как пояснил по радио пилот «Ту-144», перед самой своей кончиной его светлость князь Долгорукий успел-таки высказать последнюю волю. И воля эта была такова: к телу светлейшего потомка Рюрика допустить в первую очередь некоего судмедэксперта Груздина и муровского подполковника Бурцева.

Требование показалось вполне приемлемым. Тем более что Максим еще не успел покинуть Мячковский аэродром, а доктор Груздин только что сюда прибыл — об этом два часа назад его попросил Бурав во время их телефонного разговора.

Бурцев и Груздин обменялись тревожными взглядами.

— Как думаешь, на сей раз это и вправду он? — тихо спросил Сергей Сергеевич.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Бурав. — Полчаса назад я был уверен, что отсюда взлетел самолет с живым и здоровым академиком Ардашкиным на борту. Но вернулся ли этот штурмовик с трупом Ардашкина, или все-таки нам привезли кого-то другого?

Происходящее с трудом укладывалось в голове Максима. Должна же быть какая-то логика! Где тут подвох? В чем кроется иезуитское коварство академика?

Их двоих незамедлительно пропустили в салон. Академик Ардашкин запрокинул голову, сидя в мягком кожаном кресле, его пальцы намертво стиснули подлокотники. На столике дымчатого стекла стояла ополовиненная бутылка коньяка «Камю», фужер, початая минералка...

— На первый взгляд — обширный инфаркт, — пробормотал Груздин, осмотрев труп. — Да и на второй — тоже. Я ведь редко ошибаюсь, Макс, тебе ли не знать...

— Это что же, он целых полбутылки уговорил за каких-то двадцать минут? — повернулся Бурцев к присутствовавшему при осмотре командиру штурмовика.

Тот пожал плечами, как бы говоря: «Хозяин-барин, мы люди маленькие». И добавил отрывисто:

— Кашлял очень. Хрипло так. Простудился сильно.

— Вот-вот, — покивал головой Груздин и начал загибать пальцы. — Грипп. Старческое сердце. Перегрузки во время взлета сверхзвуковой машины. Лошадиная доза спиртного...

— Инфаркт, — закончил за доктора подполковник. — Значит, инфаркт?

— Инфаркт. Однозначно.

Они еще довольно долго пробыли в салоне штурмовика, о чем-то вполголоса переговариваясь. Столь банальная смерть всемогущего акаде-

мика Ардашкина казалась обоим и невероятной, и закономерной, и зловещей одновременно.

Своим феноменальным чутьем Бурцев понимал, что перед ним, в кресле возле крошечного иллюминатора, сидит подлинный Анатолий Семенович Ардашкин. Собственной персоной. В виде хладного трупа.

— Ты хоть понял? — спросил Груздин.

— Что именно?

— Что он вот так хитроумно ушел от нас. Скрылся от возмездия. От правосудия.

Бурцев помолчал, потом заговорил тихим голосом:

— Знаешь, Серега... А все-таки хорошо, что он умер сам. Что не мы его убили.

— Вот как?..

— Да. Мне кажется, если бы я приложил руку к его смерти, то потом терзался бы сомнениями. Очень мучительными сомнениями.

— Типа — а правильно ли мы сделали, уничтожив этого монстра?

— Угу. Возможно, мы неверно оценивали этого человека.

— Да ты рехнулся, Макс! Вспомни наших с тобою жен, Ларису и Анастасию! Лариса так мучилась, когда рак достиг последней стадии, что не выдержала! Покончила с собой. Сама себе ввела смертельную дозу морфия. А кто сделал ей прививку колонии раковых клеток в своем секретном институте? Вот он, сидит тут рядом с нами. А твоя Анастасия просто-напросто была заживо сожжена в машине! Кем, скажи на милость?

— Вот именно, Серега, вот именно. Мы ненавидели Ардашкина из личных соображений. Он принес тебе и мне горе. Я к тому же знал и о других его преступлениях... Но вот ведь какая штука, дружище. Все, кого называют сильными мира сего, в той или иной мере повинны в гибели простых смертных. Чьих-то жен, детей, друзей... Ардашкин был сильным мира сего. И, кто знает, возможно, ему бы все-таки удалось хоть чуть-чуть изменить этот мир в лучшую сторону. Даже ценой жизни чьих-то любимых людей. А иначе, к сожалению, не бывает...

«Вот бы знать, о чем он думал перед смертью?» — грустно размышлял Максим.

...А думал Анатолий Семенович, встречая свою очередную и последнюю, бесповоротную кончину, об огромных зубчатых шестеренках, медленно проворачивающихся перед его затуманенным взором. Отлаженный, могучий механизм. Но вот какой-то камешек, или, вернее, зернышко, проваливается между зубцами, застревает... И бьется в агонии титаническая конструкция, тужится перемолоть это зернышко, устранить помеху. И — останавливается.

Имя этому зернышку — Сергей Сергеевич Груздин.

Еще в мае Анатолий Семенович «заказал» своей программе «Мозаика» смерть ненавистного доктора. И программа послушно выдала академику всю дальнейшую последовательность его действий, которая неизбежно приведет к естественной и бесславной гибели Груздина. Последовательность была такова: убрать своего советника полковника Лисина и поставить на его место полковника ГУВД Москвы Геннадия Кротова.

Ради этого академик Ардашкин лично вылетел в Москву, вместо того чтобы сидеть на теплой и ласковой Куршской косе. Подхватил тяжелейшую простуду, ставшую причиной смертоносного инфаркта... И вот он умирает между небом и землей, отходит в небытие, как простой смертный.

А он и есть простой смертный. Потому что ошиблась не «Мозаика», ошибся ее создатель — Анатолий Ардашкин. «Мозаика» лишь бесстрастно выполняла порученное задание, она лишена эмоций. И если для наиболее прямого исполнения поставленной цели требуется гибель академика — то «Мозаика» с легкостью запланирует и его смерть.

Шестеренки, разумеется, перемелют зернышко по имени Сергей Груздин. Голова Горгоны-Медузы еще способна бросить последний испепеляющий взгляд. Но все это будет уже без Анатолия Семеновича Ардашкина...

Преодолевая боль за грудиной, Анатолий Семенович нажал кнопку вызова экипажа. Появился встревоженный штурман, склонился ухом к губам князя Долгорукого.

— Слушайте мою последнюю волю, — прошептал «наследник российского престола».

Уже рассветало, когда Максим Бурцев и Сергей Груздин, разминая ноги, спустились на бетонное покрытие летного поля. Рядом замерла туша «Ан-76» — из его утробы выгружали контейнеры с золотом и ставили их на электрокары.

— Поедем ко мне на дачу? — начал, было, подполковник. И тут же инстинктивно метнулся в сторону...

Электрокар, груженный золотом, выскочил из-за транспортного самолета и понесся на доктора Груздина.

Как потом выяснится, водитель кара пребывал в наркотическом опьянении. И чуть позже Максим осознает, что в этом была некая мистическая закономерность. Бурцев поймет это, когда сопоставит результаты медицинского освидетельствования водителя с покаянными словами доктора Груздина.

Сергей Сергеевич был еще жив, он со свистом и ухлюпами гнал воздух сквозь пробитые легкие, тяжело отфыркиваясь кровью.

— Надо вызвать врача! Скорее, врача! — орали вокруг какие-то люди...

Груздин слабо повел рукой:

— Оставьте нас вдвоем... — слабо повел рукой Груздин и указал глазами на Бурава.

Максим склонился над умирающим. Да, медицинская помощь Сереге уже не нужна, это ясно. И удивился сам себе: он воспринимал происходящее как-то отрешенно, почти спокойно.

— Макс... — прошептал Груздин.

— Да, Серега?

— Послушай... Ты крещеный?

— Крещеный.

— А я — нет...

— Как это, нет?!

Надо же! Долгие годы Бурцев и Сергей Сергеевич беседовали о православии, Груздин то и дело демонстрировал неплохое знание Священного Писания... И — некрещеный!

— Окрести меня, Макс...

В просветлевшем сознании Бурава тут же всплыл давний разговор с престарелым архимандритом Кассианом, который упомянул, что в крайнем случае, когда нет времени звать священника, таинство крещения может совершить любой православный. Что ж, сейчас как раз такой случай...

Бурцев лихорадочно озирался в поисках воды. Кто-то незримый будто подсказывал ему, что нужно делать.

— Дай воды! — крикнул он пилоту штурмовика, наблюдавшему эту сцену из проема самолета.

Буквально вырвав початую бутылку минералки из рук летчика, Бурав успел подумать, что водичку эту совсем недавно пил академик Ардашкин...

— Во имя Отца, аминь... — крестообразно брызнул он минералкой на распростертого Груздина. — И Сына, аминь... — снова правой ладонью окропил лицо, живот и плечи Сергея Сергеевича. — И Святого Духа, аминь... Все, Серега, теперь ты крещеный. Серега?

На миг подполковнику почудилось, что друг его уже отошел в мир иной, но Груздин разлепил веки:

— Макс... Теперь... Исповедь...

— Серега, быстрее...

— Знаю... Мало осталось, — Сергей Сергеевич стремительно угасал. — Слушай... Лариса...

Максим уже стоял на коленях, приложив ухо к самым губам друга.

— Что — Лариса? Ну, говори же, Серега!

— Это не она... Это я... Тогда... Ввел ей... Смертельную дозу... Морфия... Она...

— Я понял, — торопливо заговорил Максим. — Она очень мучилась. Ее было не спасти. Ты пожалел...

Он вдруг почувствовал, что в окружающем мире что-то изменилось, и пристально посмотрел в глаза человека, которого только что окрестил.

Что же это... Неужели доктор Сергей Сергеевич Груздин умер?..

Эпилог

Академика Ардашкина похоронили в подмосковной усыпальнице Долго-руких. С почестями: заботы об организации подобающей церемонии взяло на себя «Русско-Европейское дворянское собрание». Был залп из винтовок, которые сжимали в руках юные кадеты, были торжественные речи и венки.

Максим Бурцев стоял в толпе провожающих вместе с Надей Волоховой и печально думал о том, что человека, столько лет бывшего главным врагом подполковника, погребают под чужим именем, с фальшивым титулом и незаслуженными регалиями.

Леонид Северьянович Трофимов после трехнедельного следствия был отпущен на свободу ввиду отсутствия в его действиях состава преступления. Дорогостоящие адвокаты исхитрились доказать, что Трофимов ни сном ни духом не ведал о незаконной подоплеке добычи золотосодержащих отходов, и соучредители ввели его в заблуждение при помощи подложных документов. Гражданину Трофимову Л.С. с извинениями вернули пять миллионов долларов, которые у него обманом выудили аферисты. Получил академик и поставленное на прииск оборудование — в целости и сохранности.

Спустя короткое время Трофимов скончался на своей ялтинской вилле. После известия о смерти Анатолия Семеновича Ардашкина его последний друг и союзник стал чувствовать себя все хуже и хуже. Однако не вольфрамовая пыль, скопившаяся в легких, доконала престарелого Леонида Северьяновича.

Экипаж «Тролля» исправно доставил Трофимову серебристый чемоданчик, оставшийся в салоне после смерти академика Ардашкина. Но Трофимов не мог знать, что предусмотрительный Анатолий Семенович запрограммировал «Мозаику» на самоликвидацию — в том случае, если ее создатель ни разу не войдет в систему в течение двух месяцев. И спустя

ровно шестьдесят дней после смерти Ардашкина мощный взрыв поднял высоко в воздух дряблое тело Леонида Северьяновича — вместе с целым крылом его особняка, между прочим.

В результате проведенного тендера право на дальнейшие разработки золотосодержащих отходов со дна реки Мошенка получил директор Латницкого завода ювелирных изделий Антон Шипило. Ему было передано и все конфискованное в Мячковском аэропорту золото — ведь оно, мол, образовалось на дне реки в результате полуторавековой деятельности ювелирного завода, ныне возглавляемого Антоном Шипило. Такое решение вынес Верховный Арбитраж.

Узнав об этих итогах операции «Золото», Кротов ушел в кратковременный запой, а Бурцев в очередной раз задался вопросом: а не лучше ли ему было перейти на службу к незаконному наследнику престола Ардашкину-Долгорукому, чем служить такому, с позволения сказать, «закону»?

На радостях Антон Шипило так расчувствовался, что оставил в живых первооткрывателя золотых залежей Григория Волохова. И даже, уступив просьбам своего юного сына, назначил краеведа начальником службы экологического контроля прииска.

Надя Волохова поступила на археологическое отделение истфака университета, у нее нет отбоя от поклонников. Однако среди всех представителей противоположного пола она предпочитает одного лишь Максима Бурцева, и, по слухам, он отвечает ей взаимностью. По всеобщему мнению, Бурцев разительно помолодел и по-прежнему остается лучшим оперативником МУРа.

У Ирины и Алексея Камориных родился сын. Мальчика назвали Сергеем.

— Макс, надо бы съездить на могилу Сергея Сергеевича, — просил Комар время от времени. — Где, ты говорил, он похоронен?

— Далеко, на его родине...

Целую неделю после того, как Ирина и Ксюша чуть не погибли от рук Ископаевой и Венгерова, Комар безвылазно пробыл дома с дочкой. Ирина была в больнице, она получила тогда чувствительное отравление газом. Поэтому Алексей не смог быть на похоронах Груздина.

Тайком от Ирины Алексей иногда ездил в Латницы, на могилу Тамары Ископаевой. Прибирался, пропалывал цветник. И от всей души молился, чтобы Господь простил ей ее злодеяния за то великое добро, которое она сотворила перед смертью: спасла младенца Ксению от неминуемой гибели — отравления газом. Вынесла девочку на балкон. Пожалела. Комар верил, что Тамара Сергеевна умерла с просветленным сердцем...

Но когда же он побывает на могиле доктора Груздина, в честь которого они с Ириной назвали своего сына? Однажды, совершенно случайно,

Каморин разговорился о Сергее Сергеевиче со знакомым судмедэкспертом, который хорошо помнил Груздина. Подобно ушедшему другу, сей врач тоже был постоянно подшофе.

— Стоп, стоп! — остановил он словоизлияния Комара. — С чего ты взял, парень, что Серега Груздин умер? А? Просто уволился человек...

Алексей разинул рот. Его собеседник стушевался, поняв, что ляпнул то, чего не следовало.

— Ты это... Я так, поэтически выразился... — неловко оправдывался судмедэксперт. — Ну, пьян я, ты же видишь!

Так все-таки умер доктор Груздин от прободения легких или нет?

Для кого как...

— Не говори никому, не надо, — попросил Сергей Сергеич Бурава, когда тот в последний раз навестил друга перед выпиской из хирургического отделения. — В сущности, того Сереги Груздина и в самом деле больше нет...

— Что ж, тогда возьми на прощанье вот эту «собоечку», — Максим протянул бывшему судмедэксперту спортивную сумку. — С этим тебя где угодно примут с распростертыми объятиями, это как Бог свят...

Уж не в пустыню ли собрался обновленный и подлатанный Груздин, уж не на это ли он намекал, когда цитировал знаменитую фразу из фильма «Белое солнце пустыни»? Не говори никому, не надо... Не к бедуинам ли кочующим потянуло его истерзанную душу? Что верно, то верно: с половиной миллиона долларов бедуины точно приняли бы его как родного...

Так куда держал свой путь Сергей Сергеич?

Максим не пытался.

Но однажды подполковник все-таки осуществил свою давнюю мечту и выбрался на озеро Селигер, хотя в тамошних краях уже стояли предзимние холода, а темно-серые волны сносили поплавок. Рыбалка не задалась, клев был просто никакой... И продрогший подполковник переселился из своей палатки в прибрежную деревеньку Светлицу, где снял угол у древней старухи Глафиры.

Как-то ранним утром, еще не было и пяти часов, Бурцева разбудили мерные удары колокола. Монахи и послушники Богоявленской пустыни стекались на богослужение. Максим невыносимо долго слушал этот призывный, протяжный звон, потом наскоро оделся и пошел по деревянному настилу через озеро к монастырю.

Он стоял в огромном, пустынном и стылом Богоявленском соборе, выбрав местечко позади горстки черноризцев. Стоял, погруженный в монотонные, певучие рефрены Знаменного распева.

Видимо, Бурав еще пребывал в полусне, потому что вдруг ему почудилось, как один из чернецов — тощий, с продавленной грудью — медленно обернулся и внимательно посмотрел на него, единственного мирянина во всем соборе.

«Надо же, Серега Груздин, — подумал Максим. — Или как там теперь его зовут? Впрочем, скуфейка на нем, а не клобук, значит, постриг еще не принял. Послушник».

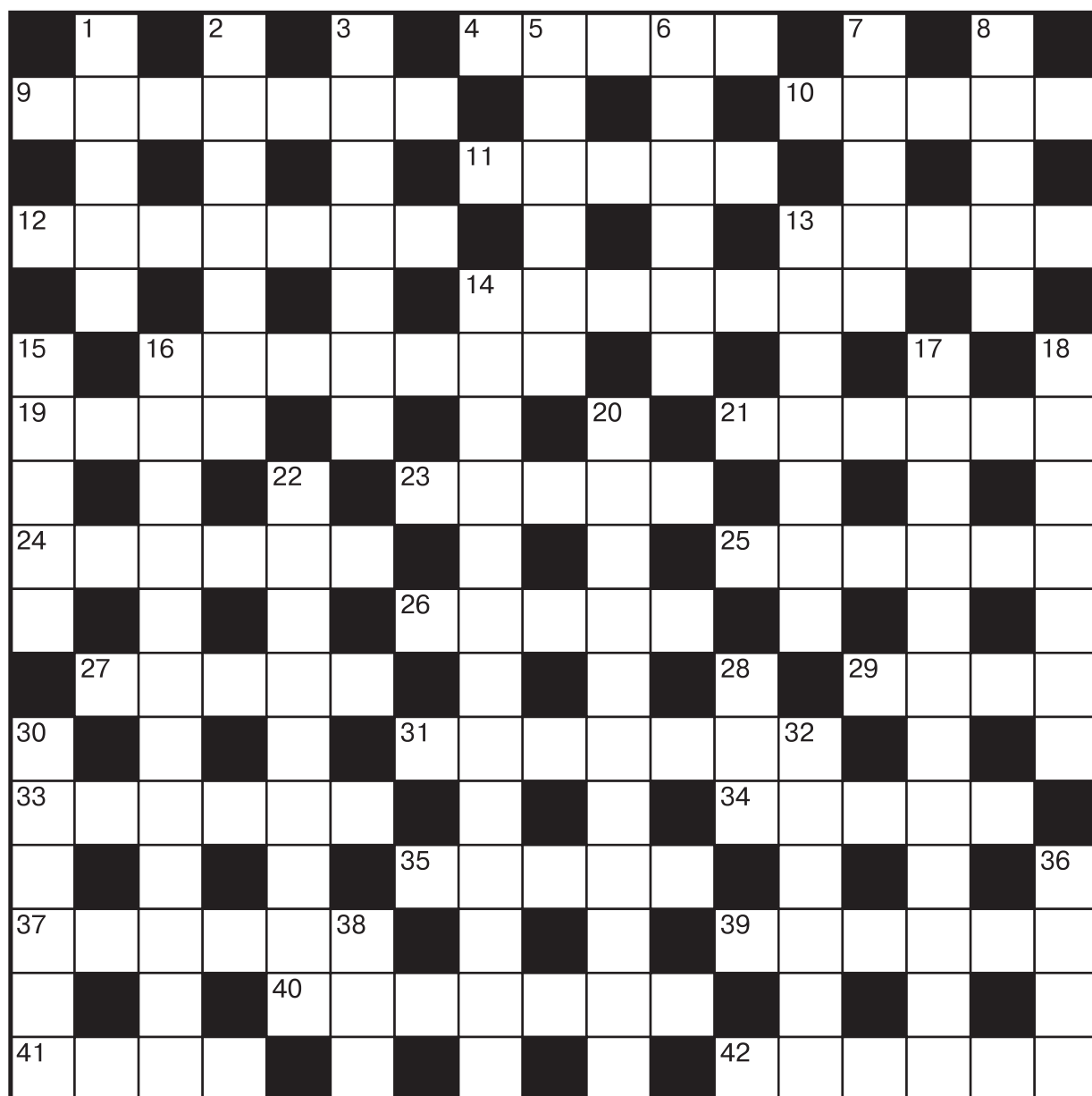
Максим вспомнил, как проходил мимо монастырского лазарета — явно нового двухэтажного кирпичного строения с красным крестом на двери. Слишком большой госпиталь для немногочисленной-то братии. Значит, и окрестных жителей здесь лечат, по примеру древних обитателей...

Так вот на что пошли деньги, полученные Буравом от антиквара Безлепкина и покойного Василия Шестакова. Что ж, добре, как любит выражаться Хват.

Больше Максим Бурцев не ездил на рыбалку в окрестности озера Селигер.

Живи с миром душевным, друг Серега, не береги воспоминаний о былом... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Проездной билет» конверта. **9.** Русская народная сказка про ходящий холодильник. **10.** Изменение, что бросается в глаза. **11.** «Будут, будут у Федоры и ... и пироги». **12.** «Пьедестал» для альпиниста. **13.** «Лирическая влага». **14.** «Динамитный элемент» души. **16.** Дом из рюкзака. **19.** Апофеоз

вкуса. **21.** Какой ярлык на актера навешивают? **23.** Фельдъегерь из небесной канцелярии. **24.** Какая спортивная фирма делает «невозможное возможным»? **25.** Какому правителю гарем положен? **26.** Он появился на свет в первый день 1912 года, и произошло это событие в экзотической Индии, где работал его отец — из-

вестный английский востоковед. От него же он получил кличку в честь литературного мальчика-шпиона, став после легендарным советским разведчиком. **27.** Какой игре отдает предпочтение Билл Гейтс? **29.** Какую веревку можно сдать в металлолом? **31.** Кто из сериальных героев получил катану с головой дракона из рук самурая Хидео Кото? **33.** Язык католических обрядов. **34.** Диснеевский мультфильм с китайским колоритом. **35.** Самая древняя и самая крупная рыба из обитающих в озере Байкал. **37.** Где воспитывалась актриса Нина Русланова? **39.** Какая историческая драма снята на основе «Повести временных лет»? **40.** «Место, где ничего нет» на африканском континенте. **41.** Столетник в препаратах против язвы. **42.** Какая царевна из мультика «Летучий корабль» не хотела выходить замуж по расчету?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто сочинил первые книги, по которым стали га-

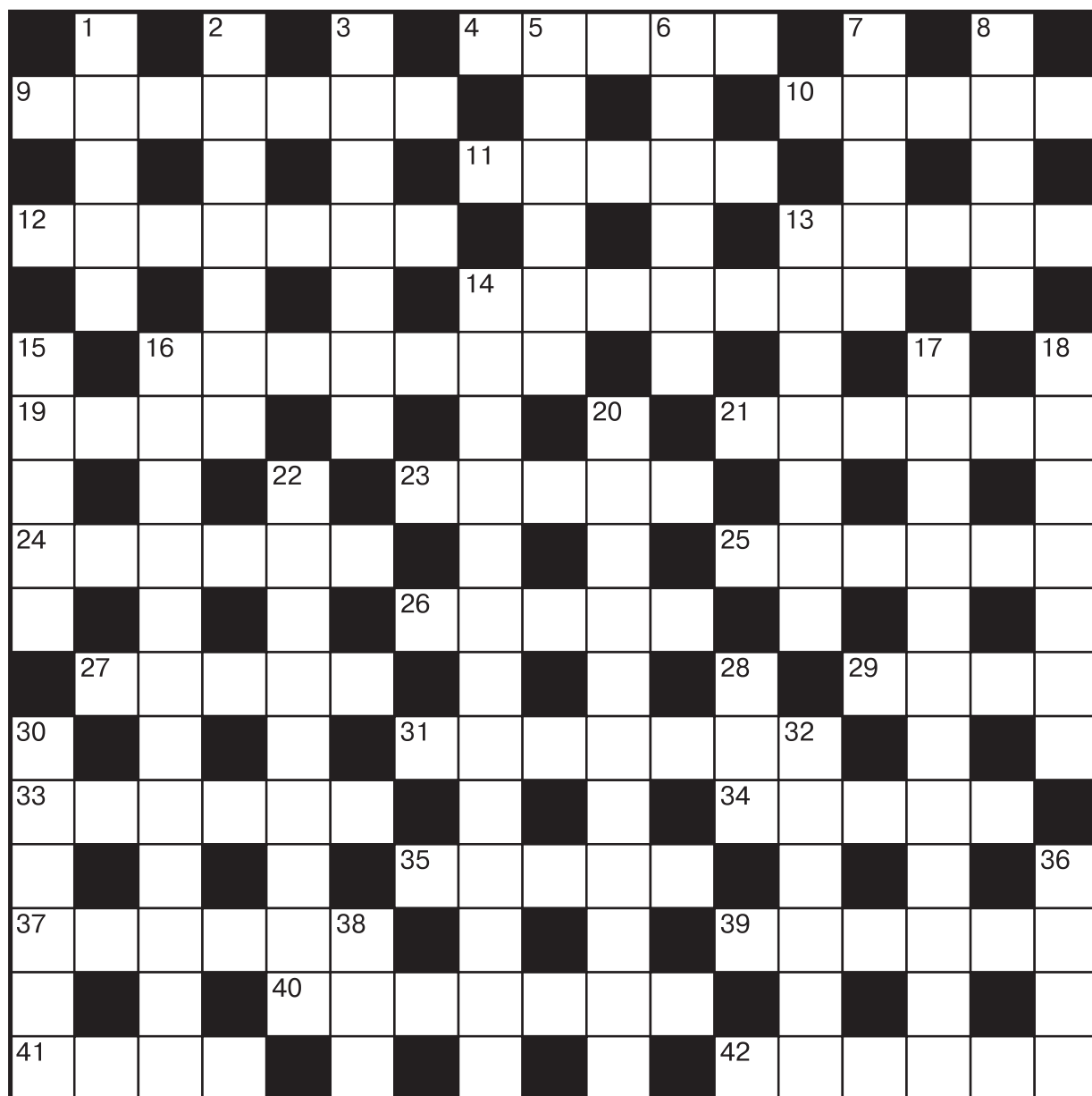
дать? **2.** Какую «селедку в капусту порубали»? **3.** «Безобразная сцена». **5.** Какая героиня Натальи Гундаревой влюбляется то в брачного афериста, то в шулера? **6.** Штат девочки Элли и Тотошки. **7.** Комедия «Необычайные приключения ...» у Люка Бессона. **8.** Что в оправу для очков вставляют? **13.** Нынешний Царьград. **14.** Европейский полуостров, на котором разместились две монархии. **15.** Штирлиц из шифровок. **16.** Яд для общения. **17.** Какое слово всякий раз оставляет выбор? **18.** «Сбруя» игрока в пейнтбол. **20.** «Заяц в автобусе». **22.** Гармоника для исполнения настоящего аргентинского танго. **28.** Дебютный фильм для очаровательной Софи Марсо. **30.** Что птица высиживает? **32.** Чем в давние времена размахивал в воздухе калмык, отгоняя дьявола, пока его жена рожала? **36.** Чьи правила нужно знать, но лучше устанавливать их самому? **38.** Черная начинка для сдобной булочки.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Эстрада. **7.** Баба. **10.** Эппле. **12.** Производство. **13.** Климт. **15.** Пекинес. **16.** Мимоза. **19.** Шаг. **20.** Мольер. **24.** Дали. **25.** Кегельбан. **27.** Хома. **28.** Логика. **29.** Диаметр. **30.** Тандем. **31.** Лекало. **33.** Бал. **36.** Ворон. **37.** Молотов. **40.** Ардан. **42.** Коран. **43.** Бермуды. **44.** Влади. **45.** Диета. **46.** Добрыня.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шпиль. **2.** Олимп. **4.** Сервиз. **5.** Ртищев. **6.** Дувр. **8.** Астронавигатор. **9.** Ароматизатор. **11.** Сдвиг. **14.** Терек. **16.** Марал. **17.** Смехота. **18.** Климент. **21.** Режим. **22.** Ферма. **23.** Вьетнам. **26.** Номерок. **29.** Демон. **32.** Болеро. **34.** Лондон. **35.** Гриль. **36.** Вайда. **38.** Тоник. **39.** Вахта. **41.** Юмор.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Корейская юбка. **9.** Нострадамус Древнего Египта. **10.** Джазовый стиль Чарли Паркера. **11.** Кто из скульпторов получил за бронзовых коней бриллиантовую табакерку из рук короля Фридриха Вильгельма? **12.** Кого из фельдмаршалов Адольф Гитлер отстранил после провала наступления

на Москву? **13.** «Книга сияния» в каббале. **14.** Дипломат из свиты Александра I, заслуживший эпиграмму от Александра Пушкина. **16.** Какой царице бог Посейдон внушил страсть к быку? **19.** Мировой комик, чья тетя с мужем и детьми погибли в «Освенциме». **21.** Грубая деревенская ткань. **23.** Индийский половик.

24. Девичья фамилия первой жены Федора Достоевского. **25.** Питерский район, где появилась на свет Анна Павлова. **26.** Заключительная часть игрового вопроса в спортивном «Что? Где? Когда?» **27.** Кинжал из Шаолиня. **29.** Дикобраз из историй про Маугли. **31.** Какое судно «узаконило» сигнал бедствия «SOS»? **33.** Сливки из верблюжьего молока. **34.** Какой чай взбивают венчиком? **35.** «Грейт Нотерн» из сериала «Твин Пикс». **37.** Финальный кадр рекламного ролика. **39.** Смесь специй с тимьяном в арабской кухне. **40.** Английский город, где в 1825 году построили первый практически пригодный паровоз по проекту Джорджа Стефенсона. **41.** Какой шведский врач ввел термин «алкоголизм»? **42.** Положение классического танца.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какую марку автомобилей собирают в городке Амбах? **2.** Последний, кто говорил на языке атуре в Амазонии. **3.** Слон из романа «Цвет волшебства». **5.** Празд-

нество в честь вулкана у древних афинян. **6.** Какое печенье своей славой обязано романам Марселя Пруста? **7.** Мифический юноша, ставший цветком. **8.** Подходящий корм для травяных попугайчиков. **13.** Кипрское виски. **14.** Собираение фантиков. **15.** «Сильнейший из джиннов», упомянутый в Коране. **16.** В ворота какой команды забил свой первый гол Лионель Месси, играя в Лиге чемпионов? **17.** Самая ядовитая из всех рыб. **18.** Финн с именным химическим элементом. **20.** Дурная водка из XIX века. **22.** Что удалось починить Хьюго Кабре в фэнтези «Хранитель времени»? **28.** Первая по популярности фамилия у корейцев. **30.** С каким полководцем связана интрига фантастического рассказа «Легко ли быть царем»? **32.** «Сладкая вермишель» среди гаремных десертов. **36.** На площади перед входом в какой из музеев можно увидеть статую Эмманюэля Фремые «Молодой слон, попавший в ловушку»? **38.** Меч ниндзя.

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Агэмаку. **7.** Одди. **10.** Тимин. **12.** Психомантеум. **13.** Никах. **15.** «Канопус». **16.** Михраб. **19.** Хук. **20.** Куклид. **24.** Опал. **25.** Замалевок. **27.** Мути. **28.** Маотай. **29.** Хурриты. **30.** Ларнак. **31.** Саломе. **33.** Йер. **36.** Рекон. **37.** Ньюорск. **40.** Топос. **42.** Секос. **43.** Бернины. **44.** Клоке. **45.** Систр. **46.** Патвари.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Фицит. **2.** Шишак. **4.** Гесиод. **5.** Махаут. **6.** Кома. **8.** Днепрпетровск. **9.** Иммобилайзер. **11.** Антик. **14.** Хафиз. **16.** Муром. **17.** Акумаль. **18.** Укитиро. **21.** Дахук. **22.** Пахра. **23.** Рентген. **26.** Капанос. **29.** Харес. **32.** Бодага. **34.** Рюинар. **35.** Боулд. **36.** Рокки. **38.** Ресио. **39.** Конте. **41.** Янов.

**Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2021 года
через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:**

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рублей 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рублей 80 копеек	За полугодие — 1293 рубля 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru | в мобильном приложении Почты России | через почтальона

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт [PODPISKA.POCHTA.RU](http://podpiska.pochta.ru)

- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - по индексу,
 - по теме и профессиональным интересам,
 - по алфавиту,
 - по части названия,
 - из списка самых популярных
 - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

- Зайдите в мобильное приложение Почты России.
- В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
- Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - по индексу,
 - по теме и профессиональным интересам,
 - по алфавиту,
 - по части названия,
 - из списка самых популярных
 - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны –
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению — ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

